

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР,
ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

29-й ГОД
ИЗДАНИЯ

№ 8 А В Г У С Т
1 9 5 2

И н в № 1694/4
ВНИИ криминалистики

НЕУСТАННО ПОВЫШАТЬ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПОДГОТОВКУ ПРОКУРОРСКО-СЛЕДСТВЕННЫХ КАДРОВ

А. Мишутин

ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране» поставил в качестве важнейшей задачи Министерства высшего образования и органов юстиции повышение уровня подготовки юридических кадров и в первую очередь уровня подготовки работников суда и прокуратуры.

Постановление ЦК ВКП(б) не только помогло коренным образом улучшить дело подготовки квалифицированных юристов через стационарные юридические вузы и школы, но и мобилизовало практических работников органов прокуратуры на повышение своего юридического образования путем заочного обучения.

За истекшие пять лет после издания постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. окончило высшие и средние юридические заочные учебные заведения большое число практических работников прокуратуры. Число обучающихся в юридических заочных вузах за это время возросло в два раза.

В результате пополнения органов прокуратуры специалистами с высшим и средним юридическим образованием и окончания многими практическими работниками юридических заочных вузов и школ состав прокурорско-следственных кадров по наличию у них юридического образования коренным образом изменился. С конца 1946 года количество работников прокуратуры с высшим и средним юридическим образованием увеличилось почти в два с половиной раза. Около половины всех работников, имеющих среднее юридическое образование, в настоящее время повышает свое образование, обучаясь в заочном юридическом институте.

Большое число работников прокуратуры за это время получило юридическую подготовку на годовых и девятимесячных юридических курсах.

Выполняя постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г., органы прокуратуры добились в деле повышения юридической подготовки кадров несомненных успехов. Но успокаиваться на этих успехах мы не можем. В условиях строительства коммунизма в нашей стране тре-

бования, предъявляемые к работникам советской прокуратуры, все более и более повышаются.

Каждый прокурор и следователь могут успешно выполнять возложенные на них задачи, если они будут работать со знанием дела и постоянно повышать свой идейно-политический уровень и юридическую квалификацию.

Еще в 1925 году товарищ Сталин указывал: «Чтобы поднять партийное руководство на должную высоту, нужно поднять прежде всего квалификацию партийных работников. Теперь качество работника должно стоять на первом месте» (Сталин, Соч., т. 7, стр. 172).

В первые годы реконструктивного периода, когда в нашей стране развернулось громадное строительство индустрии и встала задача усиленно готовить новые кадры для всех областей хозяйства, культуры и управления, товарищ Сталин вновь подчеркнул задачу повышения квалификации наших кадров. «Чтобы строить, — говорил товарищ Сталин в своей речи на VIII съезде ВЛКСМ, — надо знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо... Овладеть наукой, выковать новые кадры большевиков—специалистов по всем отраслям знаний, учиться, учиться, учиться, учиться упорнейшим образом, — такова теперь задача» (Сталин, Соч., т. 11, стр. 77).

Товарищ Сталин указывал, что работники, которые «руководят» путем подписывания бумаг, не желают вникать в порученное дело, уподобляются щедринским помпадурам.

Каждый работник прокуратуры, на какой бы участок, большой или малый, он ни был поставлен, должен в совершенстве знать порученное дело, глубоко и правильно разбираться в самых сложных вопросах своей работы.

Ввиду этого дальнейшее повышение юридического уровня и деловой квалификации наших кадров является первостепенной задачей органов прокуратуры.

В течение истекших пяти лет мы добились того, что кадры руководящих работников органов прокуратуры оказались подобранными из числа лиц, имеющих высшее юридическое образование или юридическую подготовку и большой опыт практической работы. Большинство оперативных работников имеет среднее юридическое образование или юридическую подготовку на курсах.

В настоящее время у нас имеется полная возможность поставить перед собой задачу обеспечить, чтобы в ближайшие примерно пять лет все оперативные работники прокуратуры имели высшее юридическое образование или соответствующую юридическую подготовку.

Выполнение этой задачи потребует от органов прокуратуры и в первую очередь от отделов кадров прокуратур республик, краев и областей напряженной работы. Иначе, как известно, никакие серьезные задачи не решаются. Победа никогда не приходит сама, — за нее надо бороться. Это — непреложное правило большевистского руководства.

Основным источником пополнения органов прокуратуры специалистами с высшим юридическим образованием, конечно, должны являться стационарные юридические вузы. Но у нас имеется значительное количество практических работников, обучающихся заочно в юридических вузах и школах. Им надо помочь получить юридическое образование.

К настоящему времени задачу вовлечения практических работников прокуратуры в заочные юридические учебные заведения можно считать в основном завершенной. Подавляющее большинство работников, не

имеющих юридического образования и отвечающих правилам приема в юридические вузы, заочной учебой уже охвачено.

Главная наша задача теперь состоит в том, чтобы обеспечить успешное окончание обучающимися заочно соответствующих юридических учебных заведений. Внимание органов прокуратуры и их отделов кадров должно быть сосредоточено на всемерном повышении качества учебы, на безусловном выполнении заочниками учебных планов юридических заочных учебных заведений.

До последнего времени в работе органов прокуратуры по оказанию помощи по заочному обучению работников продолжают иметь место серьезные недостатки. Эти недостатки заключаются прежде всего в том, что не все работники прокуратуры, обучающиеся заочно, успешно выполняют учебные планы заочного юридического института и юридических школ. Некоторые из них остаются на том же курсе ВЮЗИ или школы на второй год или вовсе «отсеиваются» из юридических заочных учебных заведений. Как можно мириться с таким положением, когда, например, из числа работников прокуратуры Кемеровской области, обучающихся в юридическом заочном институте и на заочном отделении юридической школы, более одной трети было оставлено на второй год на том же курсе! О беззаботном отношении к заочной учебе работников со стороны товарищей из отдела кадров прокуратуры Иркутской области говорит тот факт, что 55% работников этой прокуратуры, обучающихся в ВЮЗИ, в 1951 году было оставлено на второй год на тех же курсах или вовсе отчислено из института за неуспеваемость. Плохо обучаются некоторые работники в прокуратурах Литовской, Эстонской, Узбекской ССР.

Недостатки эти являются, конечно, результатом слабого контроля и помощи заочникам в их учебе со стороны отделов кадров, недостаточного внимания к этому делу некоторых руководителей прокуратуры.

Работу органов прокуратуры в области заочного юридического обучения надо теперь оценивать по тому, сколько работников той или иной прокуратуры оканчивает заочные юридические учебные заведения и как заочниками выполняются учебные планы.

Первостепенная наша задача состоит в том, чтобы полностью ликвидировать так называемое «второгодничество». Каждый случай оставления работника прокуратуры на второй год на том же курсе должен обсуждаться прокурорами республик, краев и областей. Руководители прокуратур и их отделы кадров не должны мириться с фактами, когда отдельные работники остаются на второй год на том же курсе вследствие нерадивого отношения к учебе. Надо разъяснить этим товарищам, что повышение юридической квалификации является их обязанностью, и, если они хотят быть полноценными прокурорами или следователями, они должны пересмотреть свое отношение к учебе, к повышению своих юридических знаний.

Надо, чтобы о каждом случае оставления прокурора или следователя на второй год на том же курсе юридического института или школы было известно прокурору области и республики, который обязан выяснить причины невыполнения тем или иным заочником учебного плана и должным образом реагировать на эти факты.

Нельзя сказать, что прокуроры и отделы кадров прокуратур вовсе не интересуются, как учатся подчиненные им работники. Но в руководстве заочным обучением работников прокуратуры имеются, по крайней мере, два весьма существенных недостатка. Во-первых, контроль за выполнением учебных планов осуществляется несвоевременно, тогда, когда уже трудно поправить дело и наверстать упущенное. Прокуроры обла-

стей обычно после каждой экзаменационной сессии созывают совещания заочников и на них подводят итоги их работы за истекший семестр. Ясно, что такой, последующий контроль не может дать нужных результатов, так как учебный семестр истек и время для подготовки к экзаменам упущено. Во-вторых, некоторые руководители и отделы кадров мало оказывают практической помощи заочникам в их учебе. Надо, чтобы руководители прокуратур и их отделы кадров постоянно, изо дня в день интересовались учебой подчиненных им работников. Они должны систематически проверять, как заочник из числа прокурорских работников выполняет контрольные задания и готовится к сдаче экзаменов на предстоящей экзаменационной сессии. Только такой контроль за ходом учебы поможет во-время подтянуть отстающих, выявить нуждающихся в помощи, чтобы оказать им эту помощь.

К проведению таких проверок можно привлечь работников прокуратур республик, краев и областей, выезжающих на места. Заочники, работающие в близко расположенных прокуратурах, могут быть приглашены в отдел кадров прокуратуры для беседы по поводу подготовки к предстоящим экзаменам.

Отделы кадров должны постоянно поддерживать связь с филиалами ВЮЗИ и заочными отделениями юридических вузов и интересоваться, кто из заочников — работников прокуратуры — не представил во-время контрольных работ, чтобы своевременно реагировать на это и в нужных случаях помочь работнику выполнить контрольные задания.

Совершенно неправильно поступают некоторые прокуроры, когда они препятствуют заочникам выезжать на экзаменационные сессии, неправильно мотивируя свои действия «интересами дела». Генеральный Прокурор СССР своим приказом от 13 мая 1950 г. категорически запретил прокурорам под каким бы то ни было предлогом задерживать выезд работников прокуратуры, обучающихся заочно, на учебно-экзаменационные сессии.

Чтобы создать заочникам необходимые условия для успешного выполнения ими учебных планов, руководители прокуратур должны строго соблюдать установленный порядок отпусков заочникам, в нужных случаях освобождать их от командировок, вечерних работ, всячески помогать им в приобретении необходимых пособий и учебников.

Хотя, как мы сказали, задачу вовлечения прокурорско-следственных кадров в заочную учебу можно считать в основном теперь завершенной, однако у нас еще остаются работники, которые могут и должны быть вовлечены в заочный юридический институт. Такие работники имеются в прокуратурах Украинской, Узбекской, Киргизской, Белорусской ССР.

Есть у нас сравнительно небольшая часть работников, которые не имеют юридического образования и по разным причинам (по возрасту, по состоянию здоровья, ввиду отсутствия общего среднего образования) не могут поступить на учебу в ВЮЗИ.

Это — в своем большинстве старые работники прокуратуры, имеющие большой опыт практической работы, и их надо закрепить в органах прокуратуры, в отдельных случаях направляя на юридические курсы.

В органах прокуратуры имеется большое количество лиц со средним юридическим образованием. Как должен решаться вопрос о дальнейшем повышении юридического образования этих работников?

Около половины таких работников в настоящее время уже обучается в юридических заочных вузах. В ближайшие год-два работники, занимающие руководящие должности в органах прокуратуры, и оперативные работники прокуратур республик, краев и областей должны быть вовлечены в ВЮЗИ.

Руководители органов прокуратуры обязаны всемерно помогать каждому работнику со средним образованием, желающему получить в заочном порядке высшее юридическое образование. Каждому работнику следует разъяснить, что продвижение его на руководящую работу будет зависеть от наличия у него высшего юридического образования.

Весьма сложная и многогранная работа, которую приходится выполнять прокурору и следователю, требует от них больших знаний. Лишь работники, имеющие высшую квалификацию, могут в полной мере и наиболее успешно справляться с этой сложной работой. Теми же качествами в смысле знаний, конечно, должны обладать все юридические работники и особенно работники суда и органов юстиции. Ввиду этого юридические кадры должны пополняться за счет специалистов с высшим юридическим образованием.

Заочным юридическим образованием работников, конечно, не исчерпывается наша работа по повышению юридической подготовки прокурорско-следственных кадров. Органы прокуратуры должны использовать для этого и многие другие формы. Они должны неустанно повышать юридическую подготовку и деловую квалификацию всех без исключения работников, в том числе и работников, уже имеющих юридическое образование. Окончанием юридического вуза или школы не заканчивается формирование и подготовка работника, так как для прокурора и следователя еще недостаточно знаний, полученных в юридическом вузе. Эти знания надо постоянно пополнять, совершенствовать. Каждый работник должен освоить опыт работы, в совершенстве знать организацию всех отраслей прокурорско-следственной деятельности.

Для повышения юридической подготовки и деловой квалификации кадров у нас, как известно, существуют различные юридические курсы.

В ближайшее время нам придется переподготовить на юридических курсах большую группу практических работников. В первую очередь, конечно, на курсы должны быть посланы товарищи, обладающие опытом работы, но не имеющие юридического образования и подготовки и не могущие обучаться заочно. Но таких работников насчитывается у нас сравнительно немного. Поэтому переподготовку на курсах должны пройти и те товарищи, которые хотя и получили в свое время юридическое образование или подготовку, но нуждаются в дальнейшем повышении своей квалификации.

Некоторые прокуроры республик и областей склонны посылать на курсы возможно меньшее количество работников. Эти товарищи думают, что они исходят из интересов дела, заботятся об улучшении оперативной работы. На самом же деле они наносят оперативной работе огромный вред и часто губят наши кадры, так как, не имея юридической подготовки, эти кадры иногда делают больше ошибок и порой «проваливаются» на работе. На юридические курсы должны направляться только те товарищи, политические и деловые качества которых хорошо изучены. Имеются, однако, факты поверхностного, несерьезного подхода к отбору работников для отправки на курсы. В прошлом году Прокуратурой Узбекской ССР на юридические курсы был направлен один работник с весьма положительной характеристикой. В ней говорилось, что направленный на юридические курсы работник является «дисциплинированным, исполнительным и добросовестным». Но вот он окончил курсы, и настало время возвращения его на прежнюю работу. Тогда из Прокуратуры Узбекской ССР посылается в Прокуратуру СССР письмо с просьбой не возвращать к ним этого работника, так как он, оказывается, «на работе зарекомендовал себя отрицательно и является

исключительным лентям». Позволительно спросить прокурора республики т. Яцковского и его бывшего заместителя по кадрам т. Умарова, какими соображениями они руководствовались при подборе работников для направления на юридические курсы.

Курсы — наиболее эффективная форма повышения юридической подготовки и деловой квалификации наших кадров. Наша задача сейчас состоит в том, чтобы не только обеспечить учебную работу курсов на высоком уровне, но и внимательней относиться к подбору соответствующих кандидатур для отправки на эти курсы.

Весьма важное значение в деле повышения квалификации прокурорско-следственных кадров имеют учебно-методические семинары и конференции, стажирование работников в аппаратах прокуратур, организация докладов, лекций на юридические темы. Надо в полной мере использовать все эти формы для повышения квалификации наших работников и в первую очередь для изучения ими приказов Генерального Прокурора СССР и различных пособий по организации прокурорско-следственной работы.

Работники прокуратуры должны постоянно и систематически работать над повышением своей юридической и деловой квалификации, не отставать от жизни.

Отделы кадров и в первую очередь руководители прокуратур, а также начальники оперативных отделов должны постоянно интересоваться, как подчиненные им работники повышают свой политический уровень и юридическую квалификацию.

Только при неустанной работе над повышением и совершенствованием своих политических и юридических знаний работники советской прокуратуры окажутся на уровне поставленных перед ними задач, и работа органов прокуратуры по укреплению социалистической законности будет отвечать тем высоким требованиям, которые предъявляются к ним большевистской партией и Советским государством.

ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ НАУКИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

С. Максимов, Н. Чистяков

Задачи работников науки права, в том числе и науки уголовного процесса, определены в историческом постановлении ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране». ЦК ВКП(б) отметил, что одной из важнейших причин неудовлетворительной постановки юридического образования в стране является запущенность научной работы в области юриспруденции, и потребовал сосредоточить усилия научных работников-юристов на подготовке высококачественных исследовательских работ, монографий и учебников по актуальным вопросам юриспруденции.

В этом постановлении ЦК ВКП(б) указал, что задачей наших юридических институтов и всех работников науки права является теоретическое обобщение опыта работы советских государственных органов, в частности, органов суда и прокуратуры, и издание серьезных научных трудов по этим вопросам.

Дальнейшее направление и политическое содержание всей советской науки, в частности, науки советского уголовного процесса, было дано в исторических решениях ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Проведенные на их основе в 1947—1950 гг. дискуссии по вопросам философии, биологии и по вопросам языкознания со всей наглядностью показали, что отрыв от практики коммунистического строительства, абстрактность в теоретической работе, забвение принципа большевистской партийности приводят к скатыванию на позиции буржуазной идеологии, к угодничеству и низкопоклонству перед буржуазной юриспруденцией, к объективизму, космополитизму, юридическому догматизму и т. д.

Руководящие указания ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране» и гениальный труд товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» являются программой действий для всех советских ученых, в том числе и для наших процессуалистов, в деле научного исследования проблем советского уголовного процесса.

Бесспорно, что в советской науке уголовного процесса имеются достижения. После выхода в свет постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. советские процессуалисты разработали ряд важнейших проблем науки уголовного процесса, вопросов организации и деятельности советского суда, прокуратуры и органов следствия. К числу выдающихся работ, вышедших в свет за последние годы, относится удостоенная Сталинской премии работа академика А. Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве», являющаяся образцом обобщения практической деятельности следственных и судебных органов и теоретического исследования вопросов доказательственного права.

Успешному развитию советской процессуальной науки способствовала принципиальная, большевистская критика.

«Общепризнано, — говорит товарищ Сталин, — что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»¹.

Ярким показателем действенности критики и примером правильного отношения к ней может служить вышедшее в свет в декабре 1951 года второе издание учебника проф. М. Чельцова «Советский уголовный процесс». Правильно восприняв критические замечания на первое издание учебника, проф. М. Чельцов значительно переработал его, устранив ряд существенных недостатков.

Обстоятельный разбор этого учебника — вопрос особый. Однако можно сделать бесспорный вывод, что второе издание учебника значительно улучшено, а студенты юридических высших учебных заведений, практические и научные работники получили хорошее пособие, отвечающее требованиям, предъявляемым Партией и Правительством к учебникам.

Следует ожидать, что рецензии, которые появятся в печати, и обсуждение книги будут способствовать успешной работе автора над дальнейшим улучшением учебника.

В своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» товарищ А. А. Жданов говорил: «Без критики любая организация... может загнить. Без критики любую болезнь можно загнать вглубь и с ней труднее будет справиться. Только смелая и открытая критика помогает совершенствоваться нашим людям, побуждает их идти вперед, преодолевать недостатки своей работы. Там, где нет критики, там укореняется затхлость и застой, там нет места движению вперед»².

Для успешной борьбы с недостатками большое значение имеет своевременная, деловая, принципиальная критика, своевременное вскрытие ошибок и недостатков в работах наших ученых.

К сожалению, критика в юридической печати еще не всегда носит боевой, наступательный характер и является иногда пассивной. Имеют место случаи, когда рецензии на учебники и другие научные работы появляются в печати спустя длительное время и, следовательно, не оказывают авторам действенной помощи в своевременном исправлении допущенных ими ошибок и недочетов. Кроме того, отсутствие рецензий в печати на работы советских юристов, в особенности на учебники, не дает возможности практическим работникам глубже разобраться в недостатках, имеющихся в этих книгах, критически осмыслить их. Так рецензия на первое издание учебника М. Чельцова «Уголовный процесс» появилась спустя два года после его опубликования. И больше того, в тот момент, когда вышло в свет второе издание этого учебника, в журнале «Советское государство и право» (№ 12 за 1951 год) появилась рецензия т. Пашкевича на...первое издание учебника 1948 г.

Не говоря уже о содержании рецензии, в которой были повторены давно известные письменные и устные критические замечания на первое издание учебника, в ряде случаев необъективно изложенные в рецензии т. Пашкевича, вызывает удивление, что редакция журнала, которая не могла не знать о выходе из печати второго издания учебника проф. М. Чельцова «Советский уголовный процесс», опубликовала эту статью.

Вполне понятно, что такая запоздалая критика не может быть действенной, она бьет мимо цели.

Несмотря на ряд достижений, имеющихся в науке уголовного про-

¹ Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 31.

² «Правда» 21 сентября 1946 г.

цесса, положение в этой области права нельзя признать вполне благополучным.

В передовой статье журнала «Большевик» № 19 за 1951 г. «Строительство коммунизма и пропаганда марксизма-ленинизма» совершенно правильно отмечалось: «Слабо разрабатываются нашими правоведами вопросы теории советского права в связи с задачами строительства коммунизма и коммунистического воспитания масс; недостаточно раскрываются творческая роль социалистического права, как элемента социалистической надстройки, роль права в охране социалистической собственности — священной основы советского строя, роль правовых идей и учреждений в осуществлении хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функции Советского государства».

Эти указания партийной печати полностью относятся также и к науке советского уголовного процесса, недостатков в которой имеется еще очень много.

Прежде всего обращает на себя внимание значительное количество проблематических и спорных, не разработанных нашими теоретиками положений в теории уголовного процесса. До последнего времени на страницах нашей юридической печати происходят бесконечные, иногда бесплодные, схоластические, оторванные от жизни и практической деятельности судебных и прокурорско-следственных органов споры по ряду вопросов уголовного процесса. Причем споры подчас происходят по таким вопросам, которые не имеют существенного теоретического и практического значения. Так, например, в течение ряда лет дебатировались вопросы о праве защитника требовать осмотра вещественных доказательств до суда, о принципе состязательности в стадии предварительного следствия и другие вопросы.

Ясно, что эти бесплодные споры, продолжающиеся десятилетиями, не только не приносят никакой пользы, но и отрицательно отражаются на общем состоянии науки советского уголовного процесса.

Серьезные недостатки, неясности, непринципиальные споры в работах советских процессуалистов, недостаточная научная разработка вопросов, имеющих практическое значение в деятельности органов суда и прокуратуры, слабое обобщение их опыта — все это может отрицательно влиять на практическую работу наших судей, прокуроров и следователей.

Успешная разработка проблем теории уголовного процесса требует решительной борьбы с проникновением в науку уголовного процесса буржуазных идей и влияний.

Прошедшая в 1949 году в ряде научно-исследовательских институтов и вузов дискуссия по правовым вопросам вскрыла, что некоторые наши ученые отошли от принципа партийности в науке и поддались вредоносному влиянию буржуазной идеологии. Справедливой критике были подвергнуты работы проф. М. Строговича «Уголовный процесс» и «Учение о материальной истине в уголовном процессе», а также книга проф. М. Шифмана «Прокурор в уголовном процессе» и некоторые другие работы советских юристов. В своих произведениях проф. М. Строгович не показал коренного и принципиального отличия социалистического уголовного процесса от процесса буржуазного, по существу не подверг критике англо-американский уголовный процесс, не дал ему надлежащей оценки, ограничившись объективистским описанием этого процесса. Проф. М. Шифман в работе «Прокурор в уголовном процессе» протаскивал в советскую юридическую науку давно осужденную, вредную буржуазную теорию «уголовного иска».

Ясно, что, не разоблачая до конца буржуазной сущности некоторых

концепций суда и процесса, содержащихся в отдельных работах наших ученых, нельзя оказывать действенную помощь органам правосудия Советского государства и двигать вперед науку советского уголовного процесса.

В докладе о 33-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции Н. А. Булганин говорил: «Надо решительно искоренять буржуазные влияния в области науки, литературы и искусства, настойчиво совершенствовать работу по марксистско-ленинскому воспитанию наших кадров всех специальностей, помочь им овладеть наукой о законах развития общества»¹.

В своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин указывает: «На протяжении последних 30 лет в России был ликвидирован старый, капиталистический базис и построен новый, социалистический базис. Соответственно с этим была ликвидирована надстройка над капиталистическим базисом и создана новая надстройка, соответствующая социалистическому базису. Были, следовательно, заменены старые политические, правовые и иные учреждения новыми, социалистическими»².

За период своего существования наше социалистическое государство накопило огромный опыт в государственном строительстве, и обобщение этого опыта — прямая задача советской науки права, в том числе и науки советского уголовного процесса.

Задача работников науки уголовного процесса состоит сейчас в том, чтобы на основании изучения деятельности и опыта органов Советского государства — суда, прокуратуры и следствия, являющихся важной частью надстройки, — создать высококачественные и фундаментальные научные труды.

Практические работники суда и прокуратуры уверены, что такие работы советских ученых-процессуалистов в ближайшее время появятся.

Товарищ Сталин с исключительной ясностью показал, какое значение имеет связь теории с практикой: «...теория, если она является действительно теорией, даёт практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела...

...Необходимо, чтобы теоретическая работа не только попевала за практической, но и опережала её, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма»³.

Задача наших теоретических и практических работников уголовного процесса в настоящее время состоит в том, чтобы в свете сталинского учения о взаимоотношении базиса и надстройки, явившегося новым замечательным вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма, пересмотреть ряд вопросов теории уголовного процесса, в частности, об определении предмета уголовного процесса, о его принципах, об уголовном преследовании и некоторые другие.

Каждому должно быть ясно, что отсутствие у советских процессуалистов единого мнения по этим важным, принципиальным вопросам советского уголовного процесса не дает возможности успешно развивать и двигать вперед процессуальную науку. Бесконечные споры об определении советского уголовного процесса, о системе принципов его и по другим вопросам приводят к тому, что отдельные наши ученые-процессуалисты топчутся на месте, тратят силы на безуспешную защиту и обоснование своих положений.

¹ Н. А. Булганин, 33-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, 1950, стр. 20.

² Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 6.

³ Сталин, Соч., т. 12, стр. 142.

Без критики и борьбы мнений невозможно двигать науку вперед, однако нельзя много лет подряд спорить по таким вопросам, которые должны быть точно определены на основе марксистско-ленинской методологии. Известно, что есть такие положения науки и практики, неверное решение которых может привести к искажению нашего представления о советском уголовном процессе.

Отсутствие единых научно-обоснованных взглядов советских процессуалистов на коренные, отправные моменты науки советского уголовного процесса отрицательно влияет на ход научно-исследовательской работы в этой области, дезориентирует учащихся юридических учебных заведений и практических работников органов суда и прокуратуры. Кроме того, мы должны постоянно помнить о роли и значении науки советского уголовного процесса в развитии науки права стран народной демократии.

В советской процессуальной литературе длительное время не было единого мнения, да по существу его нет и в настоящее время, по вопросу об определении сущности советского уголовного процесса.

Некоторые советские ученые-процессуалисты усиленно навязывают нашим студентам и практическим работникам позаимствованное у буржуазных ученых определение уголовного процесса как «системы правоотношений». Наиболее последовательно приспособляет эту абстрактную конструкцию буржуазных процессуалистов (в частности Розина и Фельдштейна) об уголовном процессе как правовом отношении к условиям советской действительности проф. М. Строгович. В ряде своих работ он упорно пытается изобразить советский уголовный процесс как «...установленный законом (правом) порядок отношений суда, прокуратуры и органов следствия с гражданами, на которых распространяется деятельность этих органов, в связи с расследованием и разрешением уголовных дел, обеспечивающий установление и наказание лиц, совершивших действия, опасные для господствующего класса и потому расцениваемые уголовным правом как преступления. Это определение является общим и применимо ко всякому уголовному процессу, т. е. к уголовному процессу всякого государства, всякой эпохи»¹.

Примерно так же определяет советский уголовный процесс проф. М. Строгович и в других своих работах.

Совершенно бесспорным в настоящее время можно признать, что подобное определение советского уголовного процесса является результатом влияния буржуазных идей и оторванности сторонников указанной точки зрения от жизни и практики социалистического строительства, от практической деятельности органов советского правосудия.

В результате серьезной критики определения уголовного процесса как системы правовых отношений некоторые из сторонников этого определения признают его неправильность и присоединяются к общепризнанному пониманию советского уголовного процесса как установленной и направляемой законами Советского государства деятельности органов следствия, прокуратуры и суда по осуществлению задач социалистического правосудия путем раскрытия преступлений, изобличения виновных,

¹ М. С. Строгович, Уголовный процесс, М., 1946, стр. 9. Мы не останавливаемся на заявлении проф. Строговича, что приведенное определение применимо ко всякому уголовному процессу, т. е. к уголовному процессу и социалистического и буржуазного государства. Это утверждение проф. Строговича было подвергнуто суровой критике и осуждено как совершенно неправильное в связи с обсуждением в 1949 году вопроса о проникновении в советскую правовую науку буржуазных идей и космополитических влияний. — М. и Ч.

разбирательства уголовных дел в судебных заседаниях и применения мер наказания к преступникам.

Пересмотрел определение уголовного процесса и проф. М. Строгович, заявив в своей последней работе «Уголовное преследование в советском уголовном процессе», что уголовный процесс ранее им «определялся только как порядок отношений, определение было неполным и не охватывало всего содержания уголовного процесса, на что указывалось в критических замечаниях, опубликованных в печати»¹.

Как же учел критику проф. М. Строгович? Вот какое определение советского уголовного процесса дает он в указанной работе: «Советский уголовный процесс есть регламентированная законом Советского государства система действий органов следствия, прокуратуры и суда при расследовании и разрешении уголовных дел и отношений этих органов с гражданами, на которых распространяется их деятельность, система, обеспечивающая осуществление задач социалистического правосудия — охрану Советского государства и советского правопорядка от преступных посягательств путем осуждения и наказания совершивших преступления лиц, воспитательное воздействие на граждан»¹.

Следовательно, теперь проф. М. Строгович определяет уголовный процесс как систему действий органов следствия, прокуратуры и суда и отношений их с гражданами при расследовании и разрешении уголовных дел, причем под действиями проф. Строгович имеет в виду прежде всего юридические факты².

В этом определении, как и прежнем его определении, мы не видим основного, что является содержанием уголовного процесса — деятельности суда, прокуратуры и следствия. Деятельность этих органов подменяется проф. М. Строговичем весьма туманным выражением «система действий», а далее идет известная уже «система отношений».

Отсюда можно сделать только один определенный вывод: проф. М. Строгович не отказался от того определения сущности уголовного процесса, которое он давал ранее, дополнив его таким элементом («система действий»), который еще больше затушевывает истинное понятие уголовного процесса.

Из сказанного видно, что один из советских процессуалистов — проф. М. Строгович определяет процесс не так, как подавляющее большинство советских ученых-процессуалистов, не так, как определяется уголовный процесс в работах, допущенных Министерством высшего образования в качестве учебников для высших юридических учебных заведений³, и совсем не так, как понимают советский уголовный процесс практические работники суда и прокуратуры.

Следовательно, и по такому важному, отправному вопросу, каким является определение советского уголовного процесса, среди наших ученых-процессуалистов нет единого мнения.

Следует отметить, что проф. М. Строгович, не дав в своей книге «Уголовное преследование в советском уголовном процессе» правильного определения сущности советского уголовного процесса, не смог правильно разрешить и другие важные вопросы науки советского процесса. Значительная часть (50 страниц) указанной работы об уголовном пре-

¹ М. Строгович, Уголовное преследование в советском уголовном процессе, М., 1951, стр. 35—36.

² См. цит. соч. (стр. 33), где сказано: «Действия участников процесса являются прежде всего юридическими фактами, вызывающими возникновение, развитие и прекращение процессуальных отношений. М. и Ч.

³ М. Чельцов, Уголовный процесс, М., 1948.

следовании посвящена определению и сущности советского уголовного процесса, а непосредственно об уголовном преследовании проф. М. Строгович начинает говорить только с 97-й страницы книги, имеющей 189 страниц. И это вполне понятно: поскольку определение процесса как «системы правоотношений» не увязывается с реальной действительностью, со всеми понятиями науки советского уголовного процесса, проф. Строговичу приходится в своей работе тратить силы и время на обоснование порочного определения уголовного процесса, позаимствованного им у буржуазных юристов.

Придя к единому мнению о понятии и сущности советского уголовного процесса, дав ему правильное определение, советские ученые-процессуалисты смогут более плодотворно разрабатывать проблемы науки советского уголовного процесса, двигать еще дальше вперед науку советского права.

Не менее важной и сложной проблемой советского уголовного процесса, чем вопрос об определении его, является вопрос об основных принципах процесса.

Нет надобности в рамках настоящей статьи подробно говорить о понятии принципов советского уголовного процесса как основных руководящих положений, определяющих всю систему процесса, его сущность, содержание и формы процессуальных институтов, о значении принципов советского уголовного процесса, о необходимости научной разработки каждого принципа в отдельности и четкого определения системы принципов. Против этих положений вряд ли кто будет возражать. Каждый советский процессуалист прекрасно понимает, что мы должны иметь основательно разработанную, стройную систему основных принципов процесса. Правильное разрешение вопроса о принципах процесса имеет большое значение не только для разработки различных проблем науки советского уголовного процесса, но и для практической деятельности органов правосудия, а также для учебных целей. Однако в настоящее время у нас создано совершенно нетерпимое положение. Не будет преувеличением заявить, что почти каждый советский процессуалист в печати или устно выступает со своей собственной системой принципов. В этом легко убедиться, если ознакомиться с высказываниями по этому вопросу проф. М. Чельцова, проф. М. Строговича, М. Савицкого, В. Лившица, М. Якуба, В. Радькова и др.¹

Одна из задач советских процессуалистов состоит в том, чтобы ликвидировать путаницу в определении системы принципов советского уголовного процесса и в трактовке отдельных принципов.

Работа проф. М. Строговича «Уголовное преследование в советском уголовном процессе» привлекла внимание наших ученых юристов и практических работников органов суда и прокуратуры. В ряде высших юридических учебных заведений прошло обсуждение этой книги, которое показало, что еще по одному принципиальному вопросу науки уголовного процесса имеются существенные расхождения. Речь идет об уголовном преследовании в советском уголовном процессе.

¹ См. М. Чельцов, Система основных принципов советского уголовного процесса (М., 1947); М. Чельцов, Уголовный процесс (М., 1948); М. Чельцов, Советский уголовный процесс (М., 1951); М. Строгович, Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности (М., 1939); проф. М. Строгович, Уголовный процесс (М., 1946); М. Савицкий, К вопросу о системе принципов советского уголовного процесса, «Советское государство и право» 1950 г. № 1; В. Я. Лившиц, Принцип непосредственности в советском уголовном процессе (М., 1949); М. Якуб, О принципах советского уголовного процесса («Социалистическая законность» 1951 г. № 8); В. Радьков, Конституционные принципы устройства и деятельности советского суда («Социалистическая законность» 1951 г. № 12).

Проф. М. Строгович, правильно определяя уголовное преследование как действия органов следствия и прокуратуры, направленные на изобличение совершившего преступление лица, вместе с тем заявляет, что уголовное преследование начинается не с момента возбуждения дела, а только с того времени, когда лицо привлечено к уголовной ответственности, т. е. с момента привлечения его в качестве обвиняемого¹.

Из определения проф. М. Строговича об уголовном преследовании совершенно выпадает очень важная сторона деятельности следствия и прокуратуры — расследование, которое он фактически заменяет термином преследование. Проф. Строгович считает, что вся деятельность органов следствия и прокуратуры по раскрытию преступлений и изобличению преступников до предъявления им обвинения — это только подготовительная к преследованию работа, «представляет собой подготовку к возбуждению уголовного преследования», является «подготовкой уголовного преследования»¹.

И только после привлечения лица к уголовной ответственности, по Строговичу, начинается уголовное преследование. «Все действия следователя, направленные на изобличение привлеченного к уголовной ответственности лица, представляют собой уголовное преследование, которое таким образом является основной функцией следователя при производстве предварительного следствия»².

Несостоятельность такой концепции очевидна. Она исходит из неправильного, оторванного от жизни и практики определения функций и роли органов следствия.

Доказывая, что уголовное преследование является движущей силой уголовного процесса, проф. Строгович совершенно смазывает ту огромную, кропотливую деятельность следователя и прокурора, направленную на раскрытие преступления и на обнаружение преступника. По Строговичу же получается, что эта деятельность следствия и прокуратуры — только лишь подготовка к преследованию.

Говоря об активной роли следователя в борьбе с преступлениями, проф. М. Строгович в то же время наделяет его функциями защиты, которые он выполняет по отношению к преступнику³. Это уже совсем непонятно. Оказывается, что следователь — это и орган преследования преступника и орган защиты. Проф. М. Строгович здесь допускает путаницу, подменяя понятие объективности предварительного следствия понятием защиты. Нам представляется, что эти понятия совершенно различны. Требования ст. 111 УПК РСФСР, заключающиеся в том, что следователь должен собирать как уличающие, так и оправдывающие доказательства, отнюдь не означает, что он осуществляет функции защиты.

Нельзя согласиться с проф. М. Строговичем и в определении роли нашего советского суда, который, по мнению автора, не принимает никакого участия в уголовном преследовании, поскольку «советский уголовный процесс на суд не возлагает функции уголовного преследования»⁴.

По мнению проф. М. Строговича, единственной обязанностью суда является «тщательное объективное исследование и взвешивание судом всех обстоятельств за обвинение и против него»⁵.

В последующем проф. Строгович хотя и пытается говорить об актив-

¹ См. М. С. Строгович, Уголовное преследование в советском уголовном процессе, М., 1950, стр. 64 и 65.

² Цит. соч., стр. 98.

³ Там же.

⁴ Цит. соч., стр. 71.

⁵ Цит. соч., стр. 59.

ной роли советского суда и исследовании обстоятельств дела, однако отрицанием определенной роли в изобличении совершивших преступления лиц проф. М. Строгович сводит деятельность советского суда к роли пассивного арбитра, который беспристрастно взвешивает все за и против обвинения.

Выше мы указывали, что проф. М. Строгович определяет уголовный процесс как «систему правоотношений». В этом определении классовая, государственная природа суда, его активная роль отходят на задний план. Суд, по Строговичу, это не орган власти, а участник правоотношений. Отрицая активную роль суда в изобличении лиц, совершивших преступление, т. е. в борьбе с преступностью, проф. М. Строгович извращает положение суда как органа Советского государства.

Оторвавшись от практической деятельности органов правосудия, проф. М. Строгович оказался не в состоянии дать правильное определение задач, стоящих перед советским судом, который был и остается в руках нашего государства разящим мечом, беспощадно карающим врагов народа¹.

Советский суд играет активную роль в уголовном процессе. Не будучи связан мнением сторон, советский суд, рассматривая уголовное дело, по своей инициативе может потребовать тех или иных доказательств: возбудить уголовное преследование против лиц, в отношении которых будет установлено, что они совершили преступление, возратить дело на доследование для предъявления обвинения по статье, предусматривающей более тяжкое наказание. Председатель суда, усмотрев из дела, что осужденному определена слишком мягкая, не соответствующая содеянному мера наказания, вправе представить это дело в надзорную инстанцию с просьбой об отмене приговора. Нередко наши суды рассматривают уголовные дела без участия представителей государственного обвинения и защиты, и в этих случаях суд путем тщательного и объективного исследования всех материалов дела изобличает преступника в совершенном им преступлении. Кроме того, по некоторым категориям суд, без какого-либо участия прокуратуры и органов следствия разрешает вопрос о возбуждении уголовного преследования, рассматривает дело по существу и наказывает виновных.

Отрицать, что советский суд осуществляет преследование уголовных преступников, это значит превращать его в пассивный орган, беспристрастно наблюдающий за борьбой сторон, участвующих в процессе.

Таким образом, исходя из неправильного определения советского уголовного процесса как системы правоотношений проф. М. Строгович оказался не в состоянии правильно разрешить и другие весьма важные вопросы, в частности, вопрос о роли и задачах органов следствия, прокуратуры и суда.

Причина всех этих неверных утверждений проф. Строговича кроется в том, что он, как известно, придерживается так называемой теории «уголовного иска»². Вредность и неприемлемость этой «теории» для советского уголовного процесса общеизвестна. Действительно, достаточно ознакомиться лишь со второй главой книги проф. М. Строговича «Уголовное преследование в советском уголовном процессе»³, чтобы не осталось никакого сомнения в том, что он не отказался от понятия «уголовного иска». И наиболее полное впечатление, что речь идет именно об «уголовном иске», складывается при внимательном изучении всего,

¹ К. П. Горшенин, Советский суд и его роль, «Большевик» 1951 г. № 22.

² См. работу М. С. Строговича, Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности, М., 1939, стр. 124.

³ «Уголовное преследование как процессуальная функция», указ. соч., стр. 56.

что сказано в этой работе. Несмотря на то, что в книге ни разу не встречаются слова «уголовный иск», мы видим, что последняя работа проф. М. Строговича посвящена «уголовному иску» в советском уголовном процессе. Кроме того, как известно, ни в одной из своих работ, ни в одном устном выступлении и тем более в своей работе «Уголовное преследование в советском уголовном процессе» проф. Строгович не отказался от своей прежней точки зрения.

В настоящей статье мы затронули только некоторые основные вопросы теории уголовного процесса, требующие, на наш взгляд, уяснения и разрешения в ближайшее время.

Мы призываем научных и практических работников принять участие в обсуждении насущных вопросов теории уголовного процесса и практики работы органов прокуратуры и суда. К этим вопросам прежде всего относятся понятие и определение советского уголовного процесса, система его принципов, уголовное преследование, а также ряд других вопросов науки уголовного процесса и практики работы советского суда, прокуратуры и органов следствия.

В этой связи безусловно необходимо на страницах периодической печати обсудить книгу М. С. Строговича «Уголовное преследование в советском уголовном процессе», чтобы глубоко вскрыть те порочные взгляды и серьезные недостатки, на которые указывалось в устных выступлениях на различных заседаниях и совещаниях в юридических научно-исследовательских и учебных заведениях.

Кроме того, советские юристы и прежде всего практические работники ожидают появления в печати подробных, обстоятельных рецензий на учебник проф. М. Чельцова «Советский уголовный процесс» (изд. 1951 г.), поскольку лишь на основе деловой, принципиальной, большевистской критики может быть создан более совершенный учебник по уголовному процессу, так необходимый в повседневной практической деятельности наших судей, прокуроров и следователей.

Обсуждение основных проблем советского уголовного процесса и актуальных вопросов практической деятельности суда и прокуратуры в печати, на заседаниях кафедр юридических научно-исследовательских и учебных заведений, среди практических работников суда и прокуратуры и иные мероприятия в этом направлении должны послужить основанием для разрешения указанных вопросов в общесоюзном масштабе.

Наше предложение сводится, следовательно, к тому, чтобы после тщательной предварительной подготовки созвать всеююзное совещание ученых юристов-процессуалистов совместно с практическими работниками суда и прокуратуры. Возможно, что одновременно следует обсудить некоторые вопросы уголовного права, в частности, вопрос о понятии вины.

Подготовительной работой и проведением совещания, видимо, должны заняться Институт права Академии наук СССР, Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР, а также Прокуратура СССР и Министерство юстиции СССР.

Полагаем, что проведение предлагаемых нами мероприятий будет способствовать дальнейшему развитию советской науки уголовного процесса.

РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

С. Митричев

К. Маркс почти сто лет тому назад, анализируя состояние преступности в капиталистических странах, писал: «Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, нежели количество населения»¹.

Эта характеристика с еще большим основанием может быть отнесена к современному капиталистическому миру в канун его гибели.

Особенно ярко проявляется моральное разложение капиталистического общества в колоссальном росте преступности. Типичным в этом отношении государством являются Соединенные Штаты Америки. До второй мировой войны в США, по официальным, значительно заниженным данным, ежегодно совершалось полтора миллиона преступлений. В действительности же преступность в США значительно выше, и число преступлений достигает нескольких миллионов в год. С начала второй мировой войны рост преступлений в капиталистических странах еще больше усилился. В 1946 году президент США Трумэн в письме к американскому генеральному прокурору писал, что со времени вступления США в войну количество преступлений, совершенных молодежью, увеличилось в 3,5 раза. В опубликованном федеральным бюро расследований отчете указывается, что в 1951 году в США число крупных преступлений по сравнению с 1950 годом выросло на 5,1 процента. Общее число серьезных преступлений, совершенных в 1951 году, равняется 1 882 160. Это означает, что в США в 1951 году в среднем ежедневно совершалось 5157 крупных преступлений, из них: 34 убийства, 1115 краж со взломом, 143 ограбления, 3064 другие кражи, 46 случаев изнасилования, 540 краж автомобилей и 215 серьезных физических насилий². Однако эти официальные данные значительно занижены и не отвечают действительности. Так, американский журнал уголовного права и криминологии (1951 г. № 41) сообщает, что в США, по неполным данным, 4200 полицейских органов, обслуживающих 100 млн. человек населения, в среднем ежедневно совершается 293 умышленные убийства и тяжелые телесные повреждения, 162 ограбления, 1100 краж со взломом и 3240 других краж.

В Англии в период второй мировой войны было в 4,5 раза преступлений больше, чем в такой же период первой мировой войны.

Бывший английский министр юстиции Темплвуд³ сообщает о колоссальном росте преступлений среди молодежи. В начале войны в Англии из 90 детей в возрасте от 11 до 16 лет один признавался виновным в преступлении, подлежащем уголовному преследованию, причем увеличение детской преступности сопровождалось резким ростом рецидива. Так в 1943 году из 3233 юношей, осужденных к тюремному заключению, 2000 уже имели судимость, причем 353 по три судимости, 257 по четыре, 167 по пять, 224 по десять и 9 по двадцать судимостей.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, ч. II, стр. 246.

² «Правда» 24 апреля 1952 г.

³ Темплвуд, Преступление и наказание, Лондон, 1947.

О моральном разложении и деградации правящих классов в капиталистических государствах говорят также многочисленные факты продажности и коррупции государственного аппарата. Продажность государственного аппарата в США дошла до таких размеров, что речь уже сейчас идет не об отдельных случаях взяточничества, а по существу о сращивании государственного аппарата с уголовными преступниками.

В этом отношении характерный факт сообщает Жильбер Бадья¹. В 1950 году в США был убит гангстер Бенаггио — содержатель домов терпимости и игорных домов. Убит он был конкурирующими с ним гангстерами Чикаго. Бенаггио были устроены пышные похороны. Полиция и армия отдавала ему почести. За гробом шли 48 сенаторов. Самый лучший и большой венок имел следующую надпись «От Гарри Трумэна, президента Соединенных Штатов Америки». С самого начала своего прихода к власти Трумэн начал раздавать выгодные должности своим друзьям и приятелям. «Правление Трумэна, — сообщает газета «Таймс геральд», — ознаменовалось скандалами, связанными с фаворитизмом, мошенничеством при выборах, различными другими формами подкупа и продажности»². Трумэн открыто поддерживает различных гангстеров и казнокрадов, которые когда-то ему оказывали помощь. В Нью-Йорке было раскрыто, что мэр города О'Двайер поддерживал тесную связь с гангстерами. О'Двайер был вынужден уйти в отставку, но Трумэн назначил его послом в Мексику. О'Двайер остался послом в Мексике даже и после того, как сенатская комиссия установила, что О'Двайер имел связи с бандитом Костелло и получал от гангстеров Нью-Йорка взятки. После допроса О'Двайера в сенатской комиссии один журналист сказал: «О'Двайер получил нокаут, но бока переломаны у Трумэна»³.

В жизни США преступные организации гангстеров играют огромную роль и по существу прочно вошли в политическую жизнь и повседневный быт страны.

Бандитские преступные организации имеют в своем распоряжении крупные капиталы и необходимый штат громил, убийц, шантажистов и вымогателей. Разветвленная сеть этих организаций, как щупальцы, пронизывает жизнь страны. На содержании этих организаций находятся многие политические деятели, руководители буржуазных политических партий, полиция, суд, прокуратура. «Услугами» бандитских организаций пользуются правительство и предприниматели для запугивания и терроризирования рабочих, а также для расправы с прогрессивными деятелями.

Сенатская комиссия, расследуя деятельность гангстеров, установила, что некоторые промышленники Детройта, в особенности Генри Форд, обратились к известным гангстерам Перронею и Джо Адонису и за огромное вознаграждение просили их не допустить создания профсоюзных организаций на их предприятиях. Гангстеры приняли предложение Генри Форда. Случилось так, что за совершенное очередное преступление гангстеры сели в тюрьму. Но компания Генри Форда продолжала им выплату вознаграждения за оказываемые бандитской организацией услуги. Зародившаяся профсоюзная организация на предприятиях Генри Форда была жестоко разгромлена бандитами⁴.

Особо распространенной формой бандитизма в США является так называемый рэкет, т. е. организация вымогателей, которые под угрозой расправы взимают дань с торговых и промышленных предприятий,

¹ Журнал «Демократик нувелль» 1952 г. № 2, Париж.

² «Правда» 17 апреля 1951 г.

³ Журнал «Демократик нувелль» 1952 г., № 2, Париж.

⁴ Там же.

а также с частных лиц. Торговцы и владельцы предприятий, конечно, в свою очередь перекалывают уплаченные рэкетирам суммы на потребителей. По подсчетам некоторых американских криминалистов, доходы американских бандитских организаций составляют 18 миллиардов долларов в год. Глубоко прав был А. М. Горький, когда он, характеризуя условия американской жизни, заявил, что в Америке «банкиров рожают бандиты», что в США население «одновременно и с поразительным успехом грабят не только банкиры — как везде, — но и бандиты, организованные, как нигде».

В сенатской комиссии по расследованию деятельности преступных организаций гангстеру Моретти был задан вопрос: принадлежит ли он к какой-либо политической партии. Он ответил: «Нет, не принадлежу. Я сторонник обеих партий». При этом он добавил, что если бы он работал в области политики, «то был бы уже членом конгресса» (!). У одного правительственного чиновника, работающего «по совместительству» бухгалтером у гангстеров, спросили, почему он это делает. «Они хорошо платят», — ответил чиновник. Председатель сенатской комиссии добавил при этом: «Лично я полагаю, что этот ответ печально резюмирует существующее положение»¹.

Эти факты подтверждают слова товарища В. М. Молотова, сказанные им в докладе на XVII партконференции: «Только гниением, только далеко зашедшим моральным и духовным разложением господствующих классов в современных капиталистических странах можно объяснить факты такого рода. А им ведь нет числа и счета»².

В условиях продажности и коррупции полицейского и судебно-прокурорского аппарата буржуазная криминалистика выполняет позорную роль прислужницы взяточников, казнокрадов и бандитов. Теоретические положения в работах буржуазных криминалистов антинаучны и насквозь лживы. Буржуазные ученые-криминалисты ставят своей целью не разработку подлинно научных методов расследования преступлений, а изыскание наиболее утонченных и замаскированных способов фальсификации доказательств и разработку инквизиционных методов допроса. Отсюда и стремление американских буржуазных криминалистов «изобрести» различные аппараты, якобы дающие возможность установить ложные показания обвиняемого. Отсюда — разработка сывороток, введение которых в организм допрашиваемых «предупреждало» бы возможность ложных показаний. Все эти «изобретения» и «открытия», конечно, далеки от науки и потребовались американским криминалистам лишь для того, чтобы за ширмой «научной техники» скрывать от американского народа террористическую сущность буржуазной юстиции.

Американские ученые-юристы пытаются подвести теоретическую базу под политику произвола и террора своего правительства. Ученые-юристы стремятся оправдать произвол, незаконные аресты и террористические акты представителей государственной власти. Например, Паунд³, оправдывая беззакония, творимые в США, призывает не считаться с нормами закона, действовать в нарушение закона. Что это именно так, подтверждает следующее высказывание Паунда: «Время от времени больший или меньший отход к юстиции без права становится необходимым для того, чтобы привести исправление юстиции в соответствие с новыми моральными идеями и изменившимися социальными и политическими условиями». Еще более определенно по этому вопросу высказывается профессор Колумбийского университета Брюс Смес. Он утверж-

¹ Журнал «Демократик нувелль» 1952 г. № 2, Париж.

² Доклад В. М. Молотова на XVII конференции ВКП(б), 1932, стр. 33.

³ Труды института права, 1951, вып. I, стр. 147.

дает, что «применение насилия или угроз насилием для получения сознания (обвиняемого) определяется практическими потребностями деятельности американской полиции»¹.

Американские юристы считают, что соблюдение законов может привести лишь к «ослаблению полиции», и поэтому они против «связывания рук полиции требованиями исполнения законов».

С точки зрения этих юристов, американский суд в своей деятельности должен руководствоваться не требованиями закона, не нормами права, а принципами «социальной желательности» и «практической целесообразности».

«Судья,— пишет некий Робсон,— должен обладать определенным представлением о том, что является социально желательным, и в случае необходимости он должен руководствоваться этими представлениями»².

Вице-президент американского общества деятелей юстиции Паркер подсказывает, что именно надо понимать под социально-желательным. «Судья,— говорит Паркер,— должен отправлять правосудие таким образом, чтобы оно находилось в полной гармонии с хозяйственной жизнью США, в гармонии с бизнесом страны»³.

На это стремление буржуазии избавиться от ею же созданной законности указывал в свое время В. И. Ленин, утверждая: «Эпоха использования созданной буржуазией законности сменяется эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти по сути дела будут разрушением всей буржуазной законности, всего буржуазного строя, а по форме должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности!»⁴.

Эти пророческие слова были сказаны В. И. Лениным еще в 1910 году. С тех пор буржуазия по этому пути зашла так далеко, что сейчас уже ни о какой буржуазной законности не может быть и речи. В эпоху империализма насилие и произвол являются характерной чертой капиталистического мира. Незаконные аресты, погромы, линчевания, средневековые пытки при допросах и тому подобные фашистские средства — не исключение, а повседневное явление в США.

Товарищ Сталин в отчетном докладе на XVII съезде ВКП(б), характеризуя этот процесс, указал: «...Господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сводят на-нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей, загоняют в подполье коммунистические партии и переходят к открыто террористическим методам сохранения своей диктатуры»⁵.

В арсенале террористических методов, которые применяет буржуазия с целью сохранения своей диктатуры, не последнее место отводится и реакционной буржуазной криминалистике. Криминалистику и ее методы американские правящие круги главным образом используют не для борьбы с уголовными преступлениями, а для расправы с революционными и прогрессивными силами страны, для борьбы с трудящимися, сопротивляющимися капиталистической эксплуатации. Криминалистика является средством укрепления господства финансовых магнатов.

¹ Труды института права, 1951, вып. I, стр. 150.

² Там же, стр. 147.

³ Там же.

⁴ Ленин, Соч., т. 16, стр. 284.

⁵ Стенографический отчет XVII съезда ВКП(б), 1934, стр. 11.

История буржуазной юстиции доказывает правильность этого положения. Об этом говорят многочисленные судебные процессы, которые прошли в США за последние десятилетия.

Особенно яркой с этой точки зрения является судебная расправа с рабочими Сакко и Ванцетти.

Напомним обстоятельства этого процесса. 15 апреля 1920 г. были убиты кассир одной обувной фабрики в г. Брентри Парменгер и его охранник Берарделли. В убийстве обвинили революционно настроенных рабочих Сакко и Ванцетти, не имевших никакого отношения к совершенному преступлению. В течение более шести лет дело Сакко и Ванцетти рассматривалось судами США. К этому процессу было приковано внимание всех прогрессивных людей мира, протестовавших против произвола и насилия, творимого в США над ни в чем неповинными людьми. Было установлено, что Сакко и Ванцетти не имели никакого отношения к убийству кассира Парменгера и его охранника Берарделли. И все же суд вынес обвинительный приговор Сакко и Ванцетти, и оба они 23 августа 1927 г. были казнены.

Не последнюю роль в расправе с невиновными Сакко и Ванцетти сыграли и американские криминалисты, выступавшие по делу в качестве экспертов. Они утверждали, что одна из пуль, извлеченных из трупа Берарделли, была выстрелена из пистолета «Кольт», изъятого у Сакко при аресте. Эксперты Проктор и Ван Амберг, исследуя извлеченную из трупа Берарделли пулю, не установили индивидуальных признаков, на основании которых можно было бы утверждать, что она выстрелена из того именно «Кольта», который был у Сакко. На основании имеющихся в их распоряжении доказательств эксперты могли говорить только, что данная пуля была выстрелена из пистолета системы «Кольт». И все же, когда судья Тейер спросил у Проктора, есть ли у него какое-либо мнение относительно того, что пуля, изъятая из трупа Берарделли, выстрелена из пистолета Сакко, эксперт ответил, что эта пуля выстрелена из пистолета «Кольт», который фигурирует на суде в качестве вещественного доказательства.

Уже после вынесения обвинительного приговора Сакко и Ванцетти Проктор признал, что свое заключение он дал в угоду прокурору Кацману. Последний, зная о результатах исследования пули, извлеченной из трупа Берарделли, дал указание Проктору, чтобы он подтвердил, что данная пуля выстрелена из автоматического пистолета «Кольт».

Таким образом прокурор Кацман, судья Тейер и эксперт Проктор, организуя фальсификацию доказательств по делу Сакко и Ванцетти, стремились любыми средствами добиться их осуждения.

Старшина присяжных по этому делу, бывший начальник полиции Риплей, заявил, что он не был лично уверен в виновности Сакко и Ванцетти, но цинично добавил при этом, что «им все равно место на виселице».

Весь процесс Сакко и Ванцетти — это ярчайший пример реакционной сущности американской юстиции, того, какими средствами действует буржуазный суд и буржуазная криминалистика, выполняя задачу расправы с неугодными для господствующих классов лицами. Всем было ясно, что приговор Сакко и Ванцетти вынесен потому, что они революционно настроенные рабочие. До какого бесстыдства дошло дело по пути фальсификации судебных доказательств по процессу Сакко и Ванцетти, видно еще и из следующих фактов.

Свидетель Гульд, очевидец убийства Парменгера и Берарделли, утверждал, что он имел прекрасную возможность видеть лица преступ-

ников, и категорически заявил при этом, что Сакко и Ванцетти не имеют никакого отношения к совершенному убийству. Полиция, имея это заявление Гульда, все же «не нашла возможным» вызвать его в суд для показаний.

Чем руководствовался суд, вынося обвинительный приговор, можно видеть из характера допроса, которому были подвергнуты Сакко и Ванцетти со стороны прокурора Кацмана. Особый интерес представляют вопросы прокурора, обращенные к Сакко, относительно той литературы, которую обвиняемые собирались перенести в более безопасное место (в связи с арестом и убийством полицией одного из их товарищей Сальседо). На вопрос прокурора о характере этой литературы Сакко ответил, что она касалась вопросов социализма, синдикализма и анархизма. Прокурор при этом добавил: «и большевизма?» Сакко ответил, что он не знает, что такое большевизм. «И советов?» — продолжал прокурор. «Я не знаю, что это такое», — ответил Сакко. «И коммунизма?» — назойливо настаивал прокурор.

После процесса защите удалось выявить ряд дополнительных доказательств, подтверждающих невиновность Сакко и Ванцетти, и все же Тейер отклонил ходатайство защиты о новом рассмотрении дела.

Таков характер этого вопиющего процесса и тех средств, к которым прибегают буржуазный суд и буржуазные криминалисты для фальсификации доказательств, когда они ставят перед собой цель осуждения ни в чем неповинных людей.

Но процесс Сакко и Ванцетти — не исключение. Фальсификация судебных доказательств — это, собственно говоря, метод работы американской юстиции. Процесс Сакко и Ванцетти происходил двадцать пять лет тому назад. Процесс над двенадцатью руководителями коммунистической партии США происходил в наши дни, но метод фальсификации доказательств остался тем же. Фальсификация доказательств на процессе руководителей коммунистической партии США достигла невероятных размеров. Свидетели на этом процессе были либо шпиками, либо провокаторами. Цинизм и наглость организаторов этого процесса поразили даже выдавших виды американцев.

Интересно в связи с этим остановиться на показаниях некоторых свидетелей по этому процессу. Так свидетель Никодемус был завербован федеральным бюро расследований (ФБР), которое ему обещало, что за ложные показания на суде он будет освобожден от ответственности за преступление, за которое он подлежал осуждению. Этого не отрицал и сам Никодемус, хотя судья Медина и пытался не допустить разоблачения такого скандального для суда факта.

Для американского суда не новость — вербовка свидетелей для ложных показаний. Чаще всего такие свидетели вербуются из среды преступников, которым обещают избавление от наказаний за совершенное преступление.

Например, капитан полицейской службы Фиаскетти в своей книжке «Нечего церемониться» (одно название чего стоит!) описывает характерный для США случай. Полицейский на месте преступления задержал преступника, за совершенное преступление, которому грозило наказание — десять лет тюрьмы. Полицейский договорился с преступником, что освободит его от наказания за доставку полиции необходимых доносов. Сообщая об этом случае, Фиаскетти добавляет: «Многие думают, что шпикам платят наличными. Это чепуха. Я что-то не слыхивал, чтобы доносчики что-нибудь получали от полиции... Чаще всего суешь им в зубы эту самую драгоценную свободу... Конечно, это жульничество, но

я еще не читал ни одной книги, где бы говорилось, как благороднее торговать свободой в обмен на доносы»¹.

В свете таких рассуждений полицейского Фиаскетти становится понятным, как вербуются в США свидетели для политических процессов. На процессе руководителей американской коммунистической партии из тринадцати свидетелей обвинения двое оказались официальными агентами ФБР, семь были тайными осведомителями ФБР, трое, не считая Никодемуса, были преступниками и освобождены от наказания за ложные показания против коммунистов.

Тот же Фиаскетти в своей книжонке говорит: «Уничтожьте тайные доносы, наушничанье шпиков, и никогда ни одно преступление не будет раскрыто. Полицейские власти любого города в Америке так и стояли бы, опустив руки и разинув рты»².

Зная все эти методы американских органов расследования, судья Харрис дал такую характеристику процесса руководителей коммунистической партии США: «Процесс коммунистов — это фарс... и весь обвинительный акт следовало бы выбросить в корзину. Обвинение основано на грязной информации шпиков и доносчиков»³.

О том, как подбираются свидетели для провокационных процессов, можно судить и по делу Бриджеса. Последний был известным профсоюзным деятелем США и отличался от типичных американских профсоюзных боссов, получающих подачки от предпринимателей, своей честностью и неподкупностью. Вследствие этого он пользовался большим авторитетом у рабочих. Профсоюзная организация западного побережья США, возглавляемая Бриджесом, отличалась спаянностью и сплоченностью портовых рабочих. Судовладельцы стремились любым способом убрать Бриджеса. Для того чтобы расправиться с ним, был организован провокационный процесс. Свидетели подбирались для процесса по уже описанным методам. К одному рабочему, знавшему Бриджеса, пришли агенты ФБР. Зная, что жена этого рабочего тяжело больна, агенты ФБР обещали предоставить ей бесплатное лечение при условии, что ее муж публично назовет Бриджеса коммунистом. Бриджес был осужден к пяти годам тюремного заключения. Вместе с Бриджесом были признаны виновными двое свидетелей и защитник. Судья Гаррис перещеголял даже судью Медину: этот осудил не только лидеров коммунистической партии, но и их защитников, а Гаррис расправился не только с защитниками, но и со свидетелями.

Буржуазные криминалисты, являясь верными слугами господствующих классов, делают все, чтобы поставить криминалистику им на службу. И незаконные аресты, и средневековые методы допроса, и вымогательство сознания обвиняемого при помощи пыток, или, как выражаются американские криминалисты, «с помощью третьей степени взаимоотношений с обвиняемым», используются для одной определенной цели — сохранения господства империалистической клики.

Что собою представляет эта так называемая «третья степень», можно показать на примерах, взятых из книги лейтенанта американской полиции штата Калифорния Кидда⁴ «Полицейский допрос». Кидд в своей книге пишет: «Полицейский прибегает к насилию, к третьей степени. Что такое третья степень? Пытки, избиение, ослепление ярким светом, одиночное заключение в каземате без пищи и воды, заключение в камере, наполненной крысами или москитами. Если на арестованном оказы-

¹ Джон Марион, Судилище на Фоли-сквер, 1950, стр. 50.

² Там же, стр. 52.

³ Там же, стр. 53.

⁴ У. Р. Кидд, Полицейский допрос, Нью-Йорк, 1940.

ваются физические следы пыток при явке его на суд, то обычно дается такое объяснение: «он упал с лестницы в тюрьме» или «это следы борьбы с ним при его попытке к бегству». Кидд признает, что применение третьей степени при допросе имеет три исхода: 1) арестованный сознается во всем, что угодно; 2) он сходит с ума, если пытки были слишком жестоки; 3) он умирает».

Эта книга была издана в Нью-Йорке в 1940 году. Кидд хорошо знает практику американской полиции, ибо он сам полицейский. Все, о чем пишет Кидд, имеет место в действительности.

В какую бы страну американцы ни приходили, они всюду там практикуют свои методы организации провокационных процессов и «третьей степени» допроса.

Кроме открытых методов террора и провокаций, американские криминалисты разрабатывают и применяют на практике различные приемы и способы фальсификации доказательств, изобретают аппараты по «разоблачению лжи», «сыворотки против лжи» и т. п. Такой, например, аппарат — «разоблачитель лжи» — изобретен был еще в 1930 году одним сотрудником американской лаборатории судебно-технической экспертизы. Об этом аппарате в свое время очень много шумели американские газеты, как о большом научном открытии, но в действительности, кроме шарлатанства и сознательного стремления обеспечить фальсификацию судебных доказательств, ничего научного в этом изобретении не было. В настоящее время в США имеется несколько запатентованных изобретений вроде «психогальванометра», «патометра», «полиграфа» и тому подобной чепухи, ничего общего не имеющей с действительными научными изобретениями.

Кидд в своей книге «Полицейский допрос» на опыте полицейского отделения, где он работал, утверждает, что «разоблачитель лжи» применяется в Америке уже в течение двадцати лет. Приводя примеры, в каких случаях применяется «разоблачитель лжи» при допросах, Кидд сообщает: «В хищении на предприятии подозревается большое число лиц. Все они могли бы быть участниками хищения, но нет определенных улик против кого-нибудь из них. В таких случаях применяют «разоблачитель лжи»».

Этим заявлением Кидд подтверждает то положение, что «разоблачитель лжи» американской полицией применяется тогда, когда нужно создать фальсифицированные доказательства виновности человека. Кидд утверждает: «Когда следователь не имеет никаких улик против подозреваемого лица, он может добиться результатов с применением «разоблачителя лжи». Это значит, что с помощью этого аппарата полицейский может создать какие угодно желательные для него доказательства виновности данного человека».

Кидд, говоря о применении «разоблачителей лжи» и «сыворок против лжи», утверждает, что среди допрашиваемых все эти средства вызывают чувство страха и ужаса. Говоря о «прививках против лжи», Кидд сообщает, что «арестованный испытывает настолько сильное чувство ужаса перед прививкой, что предпочитает сказать все, что угодно, до прививки».

В США полиция давно проводит эксперименты с различными наркотиками при допросах. Допрашиваемым вводят морфий, хлороформ, скополамин с хлором, вызывая у допрашиваемых состояние анестезии. Под влиянием наркотиков мозговая деятельность подавлялась до состояния бессознательности, и в таком состоянии производился допрос свидетеля или обвиняемого.

Мульбар¹ приводит данные о практике применения скополямина при допросах в одной из лабораторий по расследованию преступлений. Он утверждает при этом, что в 50% случаев при впрыскивании скополямина обвиняемые говорили правду. Можно себе представить, что это за «правда», если допрашиваемый, по его же утверждению, находился в полусознательном состоянии.

Техника применения «разоблачителя лжи» при допросах такова: подозреваемого сажают на стул, одевают ему манжет для измерения кровяного давления, накладывают электроды, включают пневмограф. Аппарат записывает все реакции тела, давление крови и сопротивление кожи. Подозреваемому предлагают отвечать только «да» или «нет». Других ответов давать он не имеет права. Конечно, в таком «одеянии» обвиняемый чувствует себя почти как на электрическом стуле и аппарат может регистрировать самые невероятные колебания в давлении крови и дыхании у допрашиваемого!

Надо заметить, что все записанное на пневмографе аппарата служит отчетом о проведенном допросе и прикладывается к делу как документ, имеющий доказательственное значение.

В настоящее время американская полиция перешла уже от отдельных случаев использования «разоблачителей лжи»; при допросах к массовому использованию этих аппаратов.

Так в отчете полиции штата Мичиган сообщается о 3954 случаях применения «разоблачителя лжи» при допросах. Мульбар, приводя эти данные, указывает: «Когда исследование указало на то, что субъекты при показаниях говорили неправду, большинство из этих субъектов были впоследствии осуждены судом, хотя у них и не удалось получить сознания в причастности к данному преступлению».

Таким образом результаты применения пневмографа были положены в основу обвинения, хотя по делу не были добыты другие доказательства! Если виновность человека считать доказанной при регистрации аппарата, то при таких условиях можно, конечно, любого невинного человека посадить в тюрьму, как это и делается сейчас в США.

Здесь необходимо отметить, что об использовании при допросах так называемых «разоблачителей лжи» говорится в письме тов. А. Я. Вышинского от 13 сентября 1951 г. председателю Генеральной Ассамблеи ООН. Тов. Вышинский довел до сведения председателя Генеральной Ассамблеи, что им получена копия обращения группы греческих патриотов относительно процесса в чрезвычайном военном суде Греции. В этом обращении сообщалось, что греческая охранка применяет при допросах американские аппараты, так называемые «разоблачители лжи». За действием этого аппарата наблюдал американец. В обращении описывается и техника применения этого аппарата. На голову допрашиваемого надевают металлическое кольцо. Допрашиваемый после включения тока чувствует, будто тысячи иголок пронизывают его тело. Все допрашиваемые при этом отмечают, что они испытывали боль и страдание. Одновременно отмечается, что под действием электрического тока сжимается сердце и состояние допрашиваемого доходит до грани безумия. В таком состоянии греческий следователь диктует вопросы допрашиваемому и записывает его ответы. Если допрашиваемый теряет сознание, ток временно выключается. После некоторого отдыха аппарат снова приводят в действие.

Авторы всех этих «изобретений» сознательно стремятся скрыть от широких масс населения террористическую сущность американской

¹ Г. Мульбар, Техника допроса в уголовных делах, глава из книги «Расследование убийств», США, 1944.

юстиции, пытаются «научно» обосновать фальсификацию доказательств, фигурирующих в американском суде. Ввести в заблуждение американского обывателя, оболванить его, а под шумок о «научных открытиях и изобретениях», которых в действительности нет, творить самые гнусные беззакония и истязания жертв в застенках американского гестапо — вот действительная цель всех этих изобретений!

Но широкие массы американского народа знают действительное положение дел в полиции. Исходя, повидимому, из этого, полицейский Кидд откровенно признает, что рядовые граждане США, простые люди знают, что в США следует искать защиты не у полиции, а от полиции. Отсюда, как утверждает Кидд, получается, что симпатии публики всегда на стороне того, кого полиция задержала, а не на стороне полиции. Такого человека рассматривают всегда как жертву, ибо большая часть населения относится враждебно к полиции.

Здесь нужно отметить одну характерную особенность, касающуюся оплаты работников американской полиции. Обычно чиновник сельской полиции получает дополнительную оплату за производство каждого ареста. Такая система направлена к тому, чтобы стимулировать «производительность» работы полиции, и приводит к колоссальным злоупотреблениям. С целью увеличения своих заработков полицейские производят массу незаконных арестов.

Американская полиция поощряет и направляет преступников против революционных и прогрессивных людей страны, стремясь этим терроризировать и запугать граждан США. Дело дошло до того, что в Нью-Йорке образовалась компания под названием «Акционерная компания убийств». Эта организация за определенную оплату от 500 до 20 тыс. долларов и более предоставляет убийц для совершения убийств частных граждан или известных политических деятелей¹. Есть организации, которые занимаются тем, что дают за определенную плату на прокат для совершения преступления необходимые воровские инструменты и оружие. Все это известно властям, но они проходят мимо этого потому, что пытаются путем вооружения гангстеров и наемных убийц создать в стране чувство страха, запугать трудящиеся массы, терроризировать прогрессивных деятелей.

Методы и технические средства криминалистики правящими классами США используются как средство в политической борьбе за сохранение своего господства. Федеральное бюро расследований использует дактилоскопический метод регистрации для организации слежки за прогрессивными гражданами США. Руководитель федерального бюро расследований Гувер организовал специальную дактилоскопическую картушку для регистрации американских граждан, не совершивших никаких преступлений. В настоящее время в федеральном бюро расследований имеется более ста миллионов дактилоскопических отпечатков, причем подавляющее большинство дактилокарт снято с лиц, не совершивших никаких преступлений. Так федеральное бюро расследований взяло на подозрение всех граждан своей страны, применяя к ним методы регистрации, как к уголовным преступникам.

Дактилоскопические методы регистрации в настоящее время используются в США для борьбы с революционно-настроенными рабочими, профсоюзными работниками и прочими нежелательными для капиталистов элементами. Уволенный с предприятия рабочий за деятельность, направленную против предпринимателя, руководитель стачки или рабочий, участвовавший в стачке, уже не смогут рассчитывать на получение работы на других предприятиях, так как при приеме рабочих

¹ См. Дерек Картэн, Такова Америка, 1948, стр. 16.

на новую работу по отпечаткам пальцев проверяется в дактилоскопическом бюро, где они раньше работали и за что уволены.

Достижения фотографии также используются для борьбы с революционными и прогрессивными гражданами США. Сотрудники ФБР снабжены особыми фото- и киноаппаратами, при помощи которых они при слежке за гражданами фиксируют всю их деятельность и даже частную жизнь.

В США имеется и так называемая «частная» полиция. Она вербуется частным образом и финансируется отдельными предприятиями, хотя действует как официальная полиция. Сазерленд указывает, что около двух третей вооруженных сил частной полиции являются набранными из числа головорезов и бандитов. Основное назначение этой частной полиции — борьба с забастовками рабочих. Например, Пенсильванская железнодорожная компания тратит около миллиона долларов в год на частную полицейскую службу¹.

США превратились в сплошной полицейский застенок. Никто из честных людей не уверен в своем завтрашнем дне, в своей безопасности. В США, например, узаконено подслушивание частных телефонных разговоров. Подслушанный полицейскими телефонный разговор может впоследствии фигурировать на суде в качестве судебного доказательства.

В США сейчас никто не может быть уверен, что его разговор по телефону у себя дома или в служебном кабинете не подслушивается. Специальные аппараты для подслушивания установлены во всех общественных местах: в номерах гостиниц, в служебных кабинетах и т. д. Вот что говорит прогрессивный писатель США Дальтон Трумбо: «Вашингтон превратился в город, где ни один профсоюзный лидер не может довериться своему телефону, где старые друзья не решаются узнавать друг друга в общественных местах, где мужчины и женщины говорят, не боясь быть подслушанными, только в движущихся автомобилях или на открытом воздухе. Наш столичный город напоминает сейчас германскую столицу накануне поджога рейхстага»².

Характерны в этом отношении следующие рекламные объявления. В журнале «Уголовное право и криминология» № 2 за 1951 год имеется реклама о применении аппарата для подслушивания телефонных разговоров. Предприятия, изготовляющие эти аппараты, сообщают, что аппарат дает возможность проводить подслушивание одновременно несколькими лицами. Реклама сообщает, что аппарат обладает великолепными качествами и прекрасно приспособлен для работы полиции.

Практика незаконного подслушивания агентами федерального бюро расследований телефонных разговоров приняла в США весьма широкие размеры и вызывает возмущение американской общественности. Федеральное бюро расследований подслушивает телефонные разговоры всех иностранных посольств, а также сотрудников секретариата Организации Объединенных Наций.

При производстве обысков, осмотров, выемок, т. е. таких действий, при которых органы расследования особенно активно вторгаются в частную жизнь граждан, американская полиция уже давно перестала руководствоваться какими бы то ни было законами. В США полиции все дозволено. Полиция без всякого повода и надлежащего ордера может ворваться в любую частную квартиру и произвести там обыск. Полиция может задержать любого гражданина, не предъявляя ему никакого обвинения, и он в качестве подозреваемого может продолжительное время находиться в тюрьме.

¹ См. Э. Сазерленд, Принципы криминалистики США, Чикаго, 1947.

² М. Г. Мошенский, Фашизация политической жизни США, 1950, стр. 27.

Очень красноречиво высказывание американского судьи Оливера. Он говорит, что дом в Нью-Йорке «это всего лишь мусорный ящик, в котором может копаться полиция. Одно упоминание об ордере заставляет юристов хохотать. Если вы хотите видеть, как полицейский катается по полу от смеха, упомяните установленные конституцией правила об обыске и наложении ареста на имущество»¹.

В штате Нью-Йорк издан такой закон, на основании которого можно заключать под стражу свидетеля, показания которого имеют важное значение для выяснения обстоятельств по делу.

Такова хваленая демократия, таков американский образ жизни.

Задача советских криминалистов в разоблачении реакционной сущности буржуазной криминалистики заключается сейчас в том, чтобы на основе глубокого изучения показать подлинное лицо современных мракобесов от буржуазной криминалистики. Современные буржуазные ученые-криминалисты — это всего лишь «теоретики» охраны. Они преследуют цель не развития науки, а оправдания произвола и беззакония, творимых в капиталистических государствах.

Разоблачение этих врагов науки и прогресса является важнейшей политической задачей советских криминалистов.

¹ В. Корнонов, Паразитический разбойничий американский империализм, стр. 31.

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ НЕВМЕНЯЕМОСТИ

А. Халецкий

Нечеткое применение понятия невменяемости легко приводит к отрицательным практическим последствиям в осуществлении задач социалистической законности. Вследствие этого необходимо прежде всего рассмотреть два важных составных элемента понятий вменяемости — невменяемости, а именно их связь с наличием уголовной вины, а также связь со временем совершения преступления. Некоторые из поставленных ниже вопросов имеют дискуссионный характер и требуют участия в их обсуждении специалистов уголовного права и процесса.

Гражданский кодекс прибегает к экспертизе для установления дееспособности, но не для определения вменяемости. Эти задачи не возникают и при оценке психического состояния лиц, уже отбывающих наказание. Понятие вменяемости — невменяемости относится только к оценке психического состояния лиц, совершивших уголовно-наказуемое действие.

Неточность имеющихся в этой области формулировок ясна из такого примера. Судебные психиатры, рассматривая случаи временного душевного расстройства, вызвавшего общественно-опасные действия, часто пишут в резолютивной части судебно-психиатрических актов: «В настоящее время душевным заболеванием не страдает и в своем обычном состоянии является вменяемым» (далее устанавливается невменяемое состояние в момент совершения инкриминируемых действий). Такое заключение ошибочно, так как не существует вменяемых «вообще» или «в обычном состоянии». Подсудимый не может быть признан вменяемым в отношении каких-то иных несовершеннолетних, неопределенных действий. Понятие «вменяем в обычном состоянии» бессодержательно с уголовно-правовой точки зрения. Оно соответствует бытовому отождествлению вменяемости и здоровья, невменяемости и сумасшествия, без обязательной связи понятия вменяемости с конкретным уголовно-наказуемым действием, с уголовной виной.

Соотношение вменяемости и уголовной вины следует внимательно оценивать и в судебной и следственной практике. Например, неправильно было бы намерение следователя «предварительно» разрешить вопрос о «вменяемости» лиц с тем, чтобы в зависимости от решения экспертизы начать следственные действия (если будет установлено вменяемое состояние) или отказаться от этого (если экспертиза установит невменяемость). В таких случаях достаточно ясна необходимость ограничиться одной только оценкой психического состояния, без определения вменяемости.

Обоснованность решения о вменяемости возрастает вместе с уточнением следственных данных. Суд, признавая право экспертизы определять вменяемость (помимо установления диагноза, тяжести заболевания, его прогноза), должен рассматривать выводы экспертизы как предварительные медицинские данные, освещающие лишь часть задачи, полностью решаемой судом на основе всей совокупности материалов уголовного дела.

Неразрывная связь вменяемости и уголовной вины есть одновременно и связь понятия невменяемости со временем возникновения заболевания.

По распространенному взгляду, вменяемость представляет собой «способность ко вменению», т. е. психическое состояние преступника, при котором его действия могут быть ему вменены в вину.

«Способность ко вменению» не есть общий признак нормальной или ненормальной человеческой психики. Понятие «неспособность ко вменению» не следует относить, например, к пациентам психиатрических больниц, не совершившим уголовно-наказуемых действий. Точно так же нельзя каждого психически здорового человека рассматривать как «способного ко вменению». При таком расширенном понимании уголовно-правовой термин заменяется медицинским. Это одинаково относится к «вменяемости» и «способности ко вменению».

Психическое заболевание, наступившее после совершения преступления, по той же причине неосновательно рассматривается экспертами как развившееся состояние невменяемости. Расширительное понимание вменяемости — невменяемости одинаково относит его к душевным заболеваниям, имевшимся во время совершения преступления и развившимся после совершения преступления, в период следствия. В первом случае невменяемое состояние совпадает во времени с преступлением, во втором случае преступление, хотя и было совершено в нормальном состоянии, не может быть «вменено в вину» по причине заболевания, развившегося в период следствия.

Теория уголовного права и процесса, так же как и судебная практика, требует отнесения понятия невменяемости только ко времени совершения преступления, требует выделения заболеваний, наступивших после этого, как состояний, лишающих возможности возлагать ответственность за содеянное во вменяемом состоянии.

Невменяемость, установленная вследствие душевного заболевания, имевшегося во время уголовного деяния, есть величина постоянная. Лишь новые данные, касающиеся этого периода, могут привести к пересмотру решения. Если невменяемость установлена, последующее течение болезни (например, выздоровление от душевной болезни, имевшейся во время совершения инкриминируемых действий) несколько не колеблет принятого ранее признания невменяемости. В отличие от этого заключение по поводу заболевания, наступившего после совершения преступления, не имеет столь значительного характера. Если в таких случаях допускается понятие невменяемости, то следует прийти к выводу, что по выздоровлении вменяемость возвращается. При таком понимании преступник то становится вменяемым, то лишается этого признака в одном и том же уголовном деле.

Сторонники отнесения понятия вменяемости к любому периоду времени, начиная от момента совершения преступления и до судебного разбирательства, охотно устанавливают невменяемость «в настоящее время» в случаях, когда душевное заболевание развилось после совершения преступления. Мы уже говорили, что при другом положении, когда преступление совершено в период временного расстройства душевной деятельности, допускается противоположная формулировка: «в обычном состоянии вменяем». Некоторые эксперты считают, что, раз допустимо понятие «в настоящее время невменяем» (при заболеваниях, наступивших после совершения преступления), в противоположной группе случаев (при болезненном состоянии, прошедшем или не столь выраженном ко времени суда) следует заключать, что во время совершения инкриминируемых действий подсудимый был невменяем, а в «на-

Устоящее время» вменяем. На этой уродливой формулировке хорошо видна порочность отрыва понятия вменяемости от времени совершения преступления. Вот как выглядит такое заключение в судебно-психиатрической практике. Эксперты г. Краснодара свидетельствовали в 1950 году Скл., 68 лет, убившего жену в период обострения болезненного состояния (артериосклероз головного мозга с периодически возникающим бредом околдованности): «Скл. был невменяем в момент преступления, но в настоящее время вменяем. Подлежит лечению в психиатрической колонии». Эксперты г. Калуги, свидетельствуя эпилептика Куд., убившего в сумеречном состоянии сознания своего отца, пришли к заключению, что в момент преступления он был невменяем, но «в настоящее время вменяем». Из сказанного видно, что неправильные формулировки «в настоящее время невменяем», «в обычном состоянии вменяем», «в настоящее время невменяем» — родные сестры.

Сохраняя последовательность, сторонники расширительного толкования понятий вменяемости и способности ко вменению должны были бы признать, что лицо, совершившее преступление в нормальном состоянии, теряет в дальнейшем эту вменяемость на то время, пока длится истерический, эпилептический припадок, и т. д. Они должны были бы ответить на вопрос суда о подсудимом, признанном экспертизой вменяемым, но впавшим в истерический припадок во время судебного заседания, что «в настоящее время» в отношении инкриминируемого ему преступления это лицо невменяемо, однако через полчаса-час вернется во вменяемое состояние.

Эксперты, возражающие против отнесения понятия вменяемости только ко времени совершения инкриминируемых действий, отстаивая понятие «в настоящее время невменяем», спрашивают: «возможно ли вменить в вину» содеянное лицу, психически заболевшему после совершения преступления? Если рассматривать «возможность вменения в вину» в уголовно-правовом, а не в житейском смысле, то нельзя отождествлять ее с возможностью нести ответственность. Слово «ответственность» имеет широкий смысл и выходит далеко за рамки уголовно-правового понятия «вменяемость». Лицо, заболевшее после совершения преступления, может быть по разным причинам лишено возможности нести ответственность (психическая болезнь, тяжелый туберкулез, рак и т. д.), но возможность вменения в вину, способность ко вменению, вменяемость должны одинаково относиться ко времени содеянного.

Все эти вопросы имеют большое практическое значение. Прежде всего это можно доказать рассмотрением судебно-психиатрической оценки душевных заболеваний, наступивших после совершения преступления. В случае длительности такого рода заболеваний многие эксперты легко склоняются к признанию этих лиц невменяемыми. Как показывает опыт, эти больные после прекращения судебного дела нередко выздоравливают и через короткий срок выписываются из больницы, не понеся никакого наказания, иногда с убеждением, что в случае ареста по другому делу они снова будут признаны невменяемыми. Опыт Института судебной психиатрии имени Сербского убедительно показывает, что всего больше диагностических ошибок приходится на группу испытуемых, заболевших после привлечения их к суду. Хотя реактивные состояния достаточно хорошо изучены, во многих случаях они имеют атипичический характер и вводят в заблуждение врачей, предполагающих тяжелое хроническое душевное заболевание. Прогноз заболеваний, наступивших или обострившихся после привлечения к суду, требует большой осторожности.

Иногда судебные органы умело обнаруживают сомнительные стороны в поспешных заключениях экспертов по таким делам. Примером является определение подготовительного заседания судебной коллегии по уголовным делам областного суда Крымской области от 13 мая 1948 г. по делу Б., обвинявшегося по ст. 107 УК РСФСР. Рассмотрен был акт судебно-психиатрической экспертизы, где сказано, что Б. заболел в тюрьме и во время освидетельствования «контакту совершенно недоступен: внимания он не фиксирует; со страхом озирается по сторонам; однообразно повторяет: «мотор, мотор, мотор», или же: «купил, купил, купил»; при приближении к нему врача отскакивает в сторону, отмахивается движением рук; в палате также ни с кем не общается; расхаживает из угла в угол, жестикулирует и что-то бормочет, временами просиживает где-нибудь в углу двора, собирает мелкие камешки, кусочки земли, складывает их горкой; часто бывает нелепо агрессивен, злобен, без всякого внешнего повода набрасывается на персонал, на больных; совершает разрушительные действия, проявляя при этом большую силу».

Экспертная комиссия пришла к выводу, что Б. переносит реактивный психоз и в данное время является невменяемым.

Такое признание невменяемости «в данное время» не удовлетворило судебную коллегию и вызвало определение, которое ниже приводим почти полностью:

«Из представленного суду акта психиатрической экспертизы от 29 апреля 1948 г. видно, что выраженное психическое расстройство у Б. появилось лишь в тюрьме, что он переносит реактивный психоз и «в данное время является невменяемым». Между тем из судебно-психиатрической литературы известно, что в свое время выявились отрицательные результаты установки на признание невменяемыми больных реактивным психозом. Отмечались частые случаи, когда у больных после помещения их в больницу для принудительного лечения болезненные явления исчезали с быстротой, вызывающей удивление, а также доказано было, что при правильном подходе некоторые психогенные реакции могут быть ликвидированы в условиях тюрьмы. Поэтому, если Б. действительно страдает душевной болезнью, необходимо установить, излечима ли она, в какой обстановке и в какой срок. Если заболевание излечимо, то может ли Б. в дальнейшем нести уголовную ответственность за совершенные им преступления...».

На это следовало бы ответить, что заболевание, наступившее «ко времени суда», хотя бы оно и не могло закончиться выздоровлением, не дает оснований для прекращения уголовного дела. Что же касается вопроса о вменяемости, то он в этих случаях независимо от необходимости приостановить или прекратить дело должен решаться в отношении момента преступления положительно.

Как видно из следующих примеров, эксперты не всегда придерживаются такого мнения.

На судебно-психиатрическом совещании при III Всесоюзном съезде невропатологов и психиатров (1948 г.) один из судебных психиатров г. Тбилиси отстаивал необходимость признания невменяемости психогенного ступора, пуэрилизма, псевдодеменции, т. е. заболеваний безусловно излечимых, наступивших у лиц, обвиняемых в тяжких преступлениях, после возбуждения уголовного дела. Ввиду стойкости заболеваний (объясняемой ситуацией следствия) экспертная комиссия признавала их невменяемыми. Вслед за тем они быстро выздоравливали и выписывались домой без возобновления судебного дела.

В Одесской психиатрической больнице в 1949 году подвергался экспертизе Ф., обвинявшийся в крупных хищениях. Не было никаких сомнений в том, что в период, относящийся к преступным действиям, Ф. был здоров. В соответствии с этим экспертная комиссия признала его вменяемым. Однако в дальнейшем у него появилось реактивное состояние, вызванное, как правильно сказано в акте, «создавшейся для него ситуацией» (арест). Наступившее у Ф. длительное реактивное состояние не вызвало никаких диагностических затруднений и рассматривалось как заболевание благоприятное, имеющее хороший прогноз, длящееся только вследствие эмоциональной реакции на арест. Более того, в акте отмечено, что у Ф. «продолжается тенденция использовать по проторенным путям» истерическое состояние, имеется «вживание в патологические формы поведения». Несмотря на это, было дано заключение, что Ф. следует «в настоящее время признать невменяемым в смысле ст. 10 УК СССР». Наряду с этим сказано было, что он нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице с изоляцией. Вскоре Ф. был направлен для повторной экспертизы в Центральный институт судебной психиатрии имени Сербского. Здесь у него была установлена симуляция душевного заболевания.

Приведенные ошибочные решения допускаются не только при реактивных состояниях.

Шофер, ведший машину с недозволенной скоростью (при неисправности тормозов), налетел на большую группу пешеходов, в результате чего восемь человек получили ранения. Когда произошла авария, шофер потерял сознание. У него были установлены явления контузии мозга. Стационарное судебно-психиатрическое испытание состоялось в период неполного выздоровления. У больного отмечались значительная психиатрическая истощаемость, сильные головные боли, головокружения, слабость внимания и памяти. Эксперт уверенно предлагал применить вторую половину ст. 11 УК РСФСР на том основании, что это тяжелое заболевание — «не менее, чем на год» — исключало возможность содержания обвиняемого в тюрьме.

Такое мнение основано на уже рассмотренной нечеткости в понимании невменяемости. Мозговая контузия в большинстве случаев протекает как обратимое заболевание, состояние постепенно выравнивается и стабилизируется. Остаточные явления контузии редко бывают настолько выражены, чтобы сделать невозможным отбывание заключения. Шоферу, о котором идет речь, по приговору угрожало многолетнее заключение. Его заболевание мозга, требовавшее, по мнению самого эксперта, годичного лечения, рассматривалось без сопоставления с этим фактом. Впрочем, такое сопоставление нужно считать задачей суда, а не эксперта. Последнему достаточно было бы только указать, что свидетельские показания пассажиров и данные анамнеза не дают оснований предполагать у обвиняемого наличие какого-либо заболевания в период, непосредственно предшествовавший аварии; что последующее заболевание, вызванное травмой, требует временного помещения в больницу; что при такого рода заболеваниях, если они протекают без осложнений, состояние больных спустя известный срок значительно улучшается.

Слиянию понятий невменяемости и невозможности нести ответственность за содеянное во вменяемом состоянии способствовала неопределенность формулировки ст. 11 УК РСФСР, которая допускает объединение в одной фразе резко отличающихся положений¹. Первая часть

¹ «Социалистическая законность» 1939 г. № 7.

фразы устанавливает, что «меры социальной защиты судебно-исправительного характера не могут быть применяемы в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности» и т. д. Вторая половина фразы гласит: «а равно (не могут быть применяемы меры социальной защиты судебно-исправительного характера.— А. Х.) и в отношении тех лиц, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью».

Однако, несмотря на указанную нечеткость, можно утверждать, что ч. 1 ст. 11 УК не дает оснований для толкования ее как формулы невменяемости, относящейся к болезни, наступившей «к моменту вынесения приговора». В ней отсутствуют критерии невменяемости, а только имеется общее указание на состояние нарушенного душевного равновесия.

Более чем столетняя дискуссия относительно определения в законе понятия невменяемости касалась именно критериев невменяемости. Вначале в законе появляется медицинский критерий, затем он дополняется юридическим. Что же касается медицинского критерия, то он и дается обычно путем перечня нескольких признаков или в терминах, свидетельствующих о глубоком психозе. Во второй же части ст. 11 УК отсутствуют не только юридический, но и ограничивающий понятие невменяемости медицинский критерий. Указывается в самой общей форме на наличие психического состояния, при котором не может продолжаться расследование и не может дело слушаться в суде. Понятие невменяемости не могло быть изложено в таком укороченном виде, в такой форме, противоречащей уголовно-правовой точке зрения.

В. С. Трахтерев («Юридические критерии невменяемости в советском уголовном праве»,— Ученые записки Ленинградского юридического института», 1947 г., вып. 4, стр. 126) отмечает, что «структура» «в целом» юридических критериев невменяемости вытекает из самого понятия невменяемости как психического состояния, относящегося ко времени совершения невменяемым лицом тех или иных общественно-опасных действий. Вот почему формулировка юридических критериев невменяемости дана в прошедшем времени: «не отдавали себе отчета в своих действиях» («Руководящие начала»), «не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими» («Основные начала», действующие уголовные кодексы). Однако вторая часть приведенной фразы ст. 11 УК нарушает этот принцип.

Во втором издании учебника уголовного права (1939 год — общая часть, стр. 181) сказано, что заболевания, наступившие во время производства следствия или суда, «никакого отношения к вопросу о невменяемости не имеют, так как преступление здесь совершается вменяемым лицом, которое лишь после совершения преступления заболевает психической болезнью. Вопрос о таких лицах регулируется в уголовно-процессуальных кодексах». В третьем издании того же учебника эти соображения исчезают, и понятие невменяемости получает аморфное содержание. Однако в четвертом издании (1948 г.) по поводу текста ст. 11 УК РСФСР снова указано, что ее вторая часть не имеет, по существу, непосредственного отношения к вопросу о невменяемости, так как в этом случае преступление совершено лицом в состоянии вменяемости, и относится уже к области уголовного процесса» (стр. 321).

Статья 322 УПК РСФСР яснее разграничивает эти две группы болезненных расстройств душевной деятельности (имевшихся во время совершения инкриминируемого деяния или развившихся после него). В первом случае ст. 322 говорит о «невменяемом состоянии», во вто-

ром, рассматриваемом в самостоятельном абзаце, идет речь о приостановлении или прекращении дела без упоминания «невменяемости».

Инструкция 1948 года о принудительном лечении вносит существенные изменения в порядок содержания душевнобольных, совершивших преступление во вменяемом состоянии. В §§ 29 и 31 сказано: «Лица, заболевшие временным психическим расстройством в процессе производства по делу и направленные временно в психиатрическую больницу для лечения, содержатся там на положении испытуемых и «после выздоровления подлежат немедленному возврату в места заключения. Раздел, к которому относятся §§ 29 и 31, озаглавлен так: «Медицинские мероприятия в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии вменяемости и потом заболевших временным расстройством душевной деятельности». Инструкция (как и ст. 322 УПК) относит понятие невменяемости только к определенной категории больных: § 3. «Меры медицинского характера, указанные в ст. 1, могут применяться в отношении: а) лиц, совершивших преступление в состоянии хронического психического заболевания или временного расстройства душевной деятельности и признанных невменяемыми; б) лиц, совершивших преступление в состоянии вменяемости, но до вынесения приговора заболевших хронической душевной болезнью».

Все приведенные доводы дают основания считать, что суд и эксперт при рассмотрении вопросов вменяемости должны исходить из резкого ограничения заболеваний, имевшихся во время совершения преступных действий и наступивших в дальнейшем. К случаям последней группы не должно применяться понятие невменяемости. Более того, здесь необходимо признать наличие вменяемости в отношении инкриминируемых действий и установить характер болезни, требующей приостановления следствия «до выздоровления». Только при полной ясности диагноза, определенно указывающего на тяжелое и хроническое душевное заболевание, допустимо сразу же прекращение уголовного дела. За вычетом больных с явно тяжелым прогнозом заболевания, следует принимать решение о принудительном лечении «до выздоровления», не торопясь с окончательным выяснением характера и течения болезни.

УСИЛИТЬ БОРЬБУ С ХУЛИГАНСТВОМ

Помощник прокурора г. Мончегорска Мурманской области

Габлин

В обстановке величайшего патриотического и трудового подъема весь советский народ строит коммунистическое общество. В результате огромной творческой работы Советского государства изменились в корне взгляды советских людей на труд, на социалистическую собственность, на правила социалистического общежития. Однако нельзя сказать, что пережитки прошлого окончательно вытравлены из сознания отдельных наших граждан. Еще борется в безнадежных потугах за свое существование такое тяжелое и опасное наследие старого общества, как хулиганство. В этих органически чуждых нашему обществу фактах преступных посягательств на правила социалистического общежития сказывается влияние безобразных остатков прошлого на наиболее отсталую часть нашего населения.

Товарищ Сталин на январском Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1933 году указал, что революционная законность нашего времени направлена своим острием «...против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности» (Соч., т. 13, стр. 210).

Вполне правильно и своевременно была помещена в «Социалистической законности» (1952 г. № 4) статья тт. Чернявского и Клейнера «Усилить борьбу с хулиганством». Необходимость точного и ясного определения хулиганства в нашем уголовном законодательстве давно назрела. Если это неясно теоретикам уголовного права, то юристам-практикам бывает очень трудно разобраться в разнообразных толкованиях состава хулиганства. Недостаточно точное толкование состава хулиганства в комментариях к Уголовному кодексу РСФСР, упомянутое в указанной статье, которым пользуются наши практические работники при решении дел, влечет зачастую и ошибочное применение закона, выражающееся в необоснованном применении к хулиганам ст. ст. 159, 143, 146, ч. 1, УК РСФСР.

Основная причина переквалификации хулиганских действий на преступления против личности, как нам кажется, заключается в неправильном понимании термина «явное неуважение к обществу». В самом деле, почему, на каком основании хулиганство толкуется как проявление явного неуважения к обществу? Если этот термин употребил Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 29 апреля 1939 г., то это еще вовсе не означает, что хулиганство может быть совершено только с прямым умыслом. И в комментариях к Уголовному кодексу РСФСР и в учебниках по уголовному праву толкование этого постановления дается без учета той обстановки, в которой было издано это постановление. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 29 апреля 1939 г. издано для искоренения той путаницы, которая царила в то время в вопросах о квалификации преступлений против личности и хулиганства. И если Пленум Верховного суда СССР употребил термин «явное неуважение к обществу», то это сделано лишь для большей ясности и наглядности в разграничении хулиганства и преступлений против личности. Вывод же из этого о том, что хулиганство не может быть совершено с косвенным умыслом, абсолютно неправи-

лен. Такой вывод напрашивается, в частности, в пособии для народных судей «Уголовное право» Б. С. Утевского, который опирается на указанное постановление Пленума Верховного суда СССР.

Однако практика Верховного суда СССР вполне правильно идет по иному пути, т. е. по пути признания возможности совершения хулиганства с косвенным умыслом, несколько тем самым не игнорируя постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 апреля 1939 г. Приведенный авторами указанной статьи пример из практики Верховного суда СССР по делу Вахидова наглядно подтверждает это положение, принципиально правильно освещает хулиганство как действие, могущее быть совершенным не только явно, с прямым умыслом, но и с косвенным умыслом.

Аналогичным примером может быть дело по обвинению Валиева. Приговором народного суда 1-го участка Джапаридзевского района г. Баку Валиев был осужден по ст. 103, ч. 1, УК Азербайджанской ССР (ст. 74, ч. 1, УК РСФСР) к одному году тюремного заключения. Суд признал Валиева виновным в том, что он, будучи в фойе кинотеатра «Баку» в нетрезвом состоянии, приставал к Абрамовой, нанес ей побои и оскорбил ее нецензурными словами. Верховный суд Азербайджанской ССР, рассмотрев это дело в кассационном порядке, переqualificировал действия Валиева на ст. 184, ч. 1, УК Азербайджанской ССР (ст. 146, ч. 1, УК РСФСР) и определил наказание в три месяца лишения свободы. По протесту Генерального Прокурора СССР, сославшегося на то, что Валиев оскорбил и избил Абрамову в общественном месте при скоплении посетителей кинотеатра, Верховный суд СССР отменил определение Верховного суда Азербайджанской ССР и направил дело на новое рассмотрение в кассационном порядке (определение № 02/3191—У — «Социалистическая законность» 1951 г. № 3).

Как видно из приведенного примера, хулиганство было совершено в общественном месте, и то обстоятельство, что Валиев оскорбил одну лишь Абрамову, не направляя прямо и явно своих действий против других граждан, не может служить основанием для квалификации его действий по статьям частного обвинения. Тот факт, что преступник находился в общественном месте и, оскорбляя одного члена общества, оскорблял тем самым косвенно остальных членов общества, не может оставаться без внимания. Это подчеркивается практикой Верховного суда СССР в приведенных примерах.

Но этого, видимо, не понимают некоторые юристы-теоретики, в частности Б. С. Утевский, упорно повторяющий, что хулиганством является, например, «появление в пьяном виде в общественном месте и произнесение ни к кому в отдельности не обращенных бранных слов» (Советское уголовное право, Часть особенная, 1951, стр. 338). Это не совсем точное и правильное понимание хулиганства. Если этот пьяный станет в театре во всеуслышание выражаться нецензурными словами хотя бы по адресу одного определенного лица, то это надо расценивать именно как хулиганство, совершенное с косвенным умыслом. Ибо поведение хулигана задело не одно только определенное лицо, но и всех других граждан, находящихся в театре. Или, например, в столовой пьяный затевает скандал с другим гражданином исключительно на личной почве, наносит ему публично оскорбление, затевает драку, роняет столы, стулья, разбивает посуду и т. д.

Что это, хулиганство или преступление против личности? Прямого умысла, цели явного неуважения к обществу у преступника не было. Но преступник сознательно допускал, что в результате его действий может пострадать общественный порядок, или должен был по обстоятельствам

дела это предвидеть. Здесь нельзя говорить об одном лишь преступлении против личности; здесь можно и нужно говорить о хулиганстве. Не уважая одного гражданина, хулиган косвенно не уважает и все общество и все правила социалистического общежития.

Поэтому надо всегда учитывать конкретные обстоятельства совершения преступления, в частности, при хулиганстве место совершения преступления.

Разумеется, разграничивать хулиганство от преступлений против личности необходимо, но основным вопросом при таком разграничении должен стать, как нам кажется, вопрос о месте совершения преступления.

Отсутствие единого и точного указания закона о субъективной и объективной стороне хулиганства ведет к ошибочному толкованию состава этого преступления, создает путаницу и неуверенность, а зачастую и неправильное применение закона юристами-практиками.

Вполне соглашаясь со статьей тт. Чернявского и Клейнера, я хочу выразить надежду, что Пленум Верховного суда СССР в ближайшем будущем даст судам руководящие указания по делам о хулиганстве.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СРОКОВ, УСТАНОВЛЕННЫХ СТ. СТ. 430 И 433 ГК РСФСР

Проф. В. Серебровский

Среди некоторых спорных вопросов советского наследственного права немаловажное практическое значение имеет вопрос о правовой природе сроков, установленных ст. ст. 430 и 433 ГК РСФСР для принятия наследства.

Статья 430 ГК, ч. 1, устанавливает, что «наследники, отсутствующие в месте нахождения наследства, могут принять наследственное имущество лично или через поверенных в течение шести месяцев со дня открытия наследства».

Согласно же ст. 433 ГК «в случае неявки в течение шести месяцев со дня открытия наследства, отказа от принятия наследства (за исключением случаев, предусмотренных ст. 424) или лишения завещателем права наследования одного или нескольких наследников, их доля переходит к другим наследникам по закону и делится между ними в порядке, установленном ст. 420, если только в завещании не указано, что завещатель оставляет все свое имущество назначенным им наследникам. В случае неявки в установленный срок, отказа от принятия наследства или лишения завещателем права наследования всех наследников имущество признается выморочным и переходит в собственность государства».

По мнению одних авторов, установленный ст. ст. 430 и 433 ГК РСФСР шестимесячный срок для принятия наследства является так называемым специальным сроком, с истечением которого прекращается само право наследования данного лица. В частности, сторонником этой точки зрения выступил недавно на страницах журнала «Социалистическая законность» А. Барышев в своей статье «Последствия непринятия наследства в установленный срок и отказа от наследства»¹. Другие авторы относят срок, установленный ст. ст. 430 и 433 ГК, к числу давностных сроков, допускающих возможность его приостановления, перерыва и продления (ст. ст. 48, 49 и 50 ГК). Нет в этом вопросе достаточной устойчивости и в судебной практике, хотя, как мне кажется, за последнее время Верховный суд СССР стал проводить в этом вопросе довольно определенную линию.

Вопрос о правовой природе сроков, установленных для принятия наследства, является частью общего вопроса о правовой природе сроков исковой давности. В Гражданском кодексе РСФСР не содержится указаний, какие сроки допускают и какие не допускают возможность их приостановления, перерыва и продления. Но еще в двадцатых годах Верховным судом РСФСР было указано, что продление и перерыв давностного срока, как правило, не применимы к сокращенным срокам давности (постановления Пленума Верховного суда РСФСР от 16 ноября 1925 г., протокол № 19, и от 4 июля 1927 г., протокол № 12)². На этой основе впоследствии нашей теорией было создано

¹ «Социалистическая законность» 1952 г. № 4.

² См. постатейные материалы к Гражданскому кодексу РСФСР, Госюриздат, 1950.

довольно запутанное учение об общих, сокращенных и специальных сроках исковой давности¹. В правовой литературе за последнее время был высказан ряд серьезных критических замечаний по этому поводу, с обоснованностью которых нельзя не согласиться². Не имея возможности в рамках настоящей статьи остановиться на этом вопросе сколько-нибудь подробно, я могу только сказать, что как бы ни трактовать срок для принятия наследства как специальный или сокращенный, ни из закона (ГК), ни из существа отношений не вытекает, что этот срок исключает возможность его приостановления или продления.

Анализируя ст. ст. 429 и 433 ГК РСФСР в редакции, действовавшей до издания указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 г., а также те изменения, которые были внесены в ст. ст. 429 и 433 ГК РСФСР этим указом, А. Барышев приходит к следующим выводам. В первоначальной редакции ст. ст. 429 и 433 не предусматривали перехода доли наследников, отказавшихся от наследства либо не принявших наследство в установленный срок, к другим наследникам, установив переход этих долей в качестве выморочного имущества к соответствующим государственным органам или организациям. По новой же редакции ст. ст. 429 и 433 ГК факт непринятия наследства наследником, отсутствующим в месте открытия наследства в течение шести месяцев, не только лишает его права на предъявление претензии о принятии наследства установленным в законе способом, но и влечет за собой утрату им самого права на наследство. В результате наследственная доля такого наследника переходит к другим наследникам в виде приращения причитающейся им доли, а при отсутствии других наследников или лишения их завещателем права наследования имущество признается выморочным и переходит в собственность государства. Из этого, по мнению А. Барышева, следует, что шестимесячный срок, предусмотренный ст. 430 ГК, является специальным сроком, с которым закон связывает и существование самого права на наследство³. Вывод, который я не могу признать обоснованным. Изменения, внесенные в ст. ст. 429 и 433 ГК указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 г., изданным на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию», заключаются в том, что до издания указа от 12 июня 1945 г. доля наследника, не явившегося в срок или отказавшегося от наследства, переходила к государству, теперь же, как правило, переходит к другим наследникам. Тем самым было осуществлено дальнейшее расширение и укрепление прав наследников. Но отсюда вовсе не следует, что срок, предусмотренный

¹ См. учебник гражданского права для юридических вузов, 1938 г., т. I, гл. 8; изд. 1944 г., т. I, гл. 7; изд. 1950 г., т. I, гл. XII.

² Рецензия кафедры гражданского права Харьковского юридического института на учебник «Советское гражданское право», изд. 1950 г., т. I («Советское государство и право» 1951 г. № 10). См. также рецензию на этот учебник кафедры гражданского права Алма-Атинского юридического института («Социалистическая законность» 1952 г. № 5).

³ В подкрепление своей точки зрения А. Барышев («Социалистическая законность» 1952 г. № 4, стр. 13—14) ссылается на одну из моих старых работ, в которой я действительно высказал взгляд на установленные ст.ст. 429 и 430 ГК сроки, как на сроки преклюзивные, к которым правила ст.ст. 48—50 ГК об исковой давности не должны применяться («Наследственное право» 1925 г., стр. 56). Ход развития советского наследственного права привел меня к необходимости пересмотреть этот взгляд, и в моих последних работах я вполне определенно высказался за признание сроков, установленных ст.ст. 430 и 433 ГК, сроками, допускающими их приостановление и продление («Принятие наследства — «Советское государство и право» 1950 г. № 6, стр. 48; «Советское гражданское право», учебник для юридических вузов, 1951, т. II, стр. 473).

ст. 430 ГК, является таким сроком, с которым закон связывает самое существование права наследования. Во всяком случае, из указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 г. это ни в какой мере не вытекает.

Практика Верховного суда СССР допускает и приостановление и продление срока, установленного ст. ст. 430 и 433 ГК РСФСР.

Возможность приостановления течения шестимесячного срока, установленного ст. ст. 430 и 433 ГК, была признана постановлением Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г. «О приостановлении в связи с обстоятельствами военного времени течения сроков, указанных для принятия наследства в статьях 430 и 433 ГК РСФСР и соответствующих статьях ГК других союзных республик». В позднейшем постановлении Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г. «О применении указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» и других вопросах наследования» было признано, что вопрос о признании уважительными причин для приостановления течения установленного законом срока для принятия наследства в случаях, предусмотренных вышеуказанным постановлением Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г. должен решаться судом в зависимости от конкретных обстоятельств дела (п. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г.).

Но не только обстоятельства военного времени могут служить основанием к приостановлению течения шестимесячного срока, установленного ст. 430 ГК для принятия наследства¹. Таким основанием, по разъяснению Верховного суда СССР, может быть и такой факт, как отсутствие у несовершеннолетнего ко времени открытия наследства законного представителя (опекуна)².

Значительно чаще в судебной практике возникает вопрос о продлении срока, пропущенного для принятия наследства (ст. 49 ГК). Практика Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР последних лет показывает, что при наличии уважительных причин Судебная коллегия в ряде случаев восстанавливает пропущенный шестимесячный срок для принятия наследства. Таково известное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 30 апреля 1947 г. по иску Зуевой к управлению домами Президиума Верховного Совета Абхазской АССР, в котором Судебная коллегия признала нужным в соответствии со ст. 49 ГК продлить пропущенный по вине опекунов шестимесячный срок для принятия наследства наследнику, бывшему малолетним к моменту открытия наследства³. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 16 декабря 1950 г. по иску Жолнеркевич и др. прямо указано, что «ссылка Верховного суда Белорусской ССР на то, что шестимесячный срок, установленный ст. 478 ГК Белорусской ССР⁴, не может быть продлен, противоречит закону и указаниям, содержащимся в постановлениях Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г. № 15/м/16/у и от 20 июня 1947 г. № 9/4»⁵. Таким обра-

¹ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г. в настоящее время признано утратившим силу, как выполнившее свое назначение.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам от 25 февраля 1942 г. по делу № 173. См. П. Е. Орловский, Практика Верховного суда СССР по гражданским наследственным делам, М., 1947, стр. 13.

³ См. К. А. Граве, Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР, 1949, стр. 26.

⁴ Статья 478 ГК Белорусской ССР соответствует ст. 433 ГК РСФСР.

⁵ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 4, стр. 37.

зом, вопрос о возможности продления при наличии уважительных причин пропущенного шестимесячного срока как будто твердо проводится Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР. Такая позиция Судебной коллегии, нам кажется, не противоречит закону и отвечает интересам тех трудящихся, которые по уважительным причинам пропустили срок, установленный для принятия наследства¹.

Но Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР идет еще дальше. Согласно ч. 2 ст. 429 ГК «находящиеся налицо наследники могут вступить в управление наследственным имуществом, не дожидаясь явки прочих наследников, каковые, своевременно явившись, могут истребовать свою долю из наследственного имущества». Под «прочими» наследниками, очевидно, понимаются «отсутствующие» наследники. Что касается того, что надо понимать под своевременной явкой наследников, то по совокупному смыслу ст. ст. 430 и 433 ГК, казалось бы, следовало признать, что в данном случае дело может идти только о шестимесячном сроке со дня открытия наследства. Закон устанавливает шестимесячный срок для принятия наследства отсутствующими наследниками; в течение этого срока они и вправе требовать выдачи причитающихся им наследственных долей от наследников, уже вступивших в управление наследственным имуществом.

Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР пошла в этом вопросе по другому пути, признав, что «в случае предъявления иска о наследственном имуществе одними наследниками к другим применяются правила об общей давности, предусмотренной ст. 44 ГК» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 20 декабря 1946 г. по делу № 36/326)². В более развернутом виде этот тезис был дан в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 25 мая 1949 г. по делу Киселевских. В этом определении Судебная коллегия признала, что в соответствии с ч. 2 ст. 429 ГК отсутствующие наследники могут истребовать свои наследственные доли от других наследников, получивших имущество свыше своей доли, по закону, в течение общего трехлетнего срока, а если наследственное имущество, как выморочное, переходит к государству, то в течение шести месяцев со дня открытия наследства³.

В данном случае Судебная коллегия по существу воспроизвела в сжатом виде то, что было изложено более пространно в постановлении Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г. В этом постановлении Верховный суд РСФСР разъяснил, что «слово «своевременно» по отношению к государству, как ответчику, должно быть понято в смысле шестимесячного срока, по отношению же к ответчику, незаконно присвоившему себе имущество свыше своей доли по закону (ст. ст. 418, 420 и сл. ГК), если и пока меры охранения не были приняты и имущество не перешло по закону к государству, должен считаться общий давностный, т. е. трехгодичный срок (ст. 44)»⁴. Если же такие меры охранения были приняты, то отсутствующие наследники, явившиеся после истечения шестимесячного срока со дня принятия мер охранения, теряли право на наследственное имущество.

¹ Учитывая огромные расстояния, которые могут в нашей стране отделять наследников от места открытия наследства, а также возможность их длительного отсутствия из места открытия наследства (экспедиции, командировки и др.), нельзя не признать шестимесячный срок, установленный для принятия наследства, чрезмерно коротким.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946 г., вып. IX (XXIII).

³ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 10, стр. 32.

⁴ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, М., 1935, стр. 102—103.

Дело в том, что по первоначальной редакции ст. 430 ГК РСФСР шестимесячный срок на явку отсутствующего наследника исчислялся не со дня открытия наследства, а со дня принятия мер охранения наследственного имущества. Наследственное же имущество по первоначальной редакции ст. 433 ГК признавалось выморочным в случае неявки наследников в течение шести месяцев по принятии мер охранения. Но могло случиться, что меры охранения не были приняты, а находящиеся налицо наследники вступили в управление наследственным имуществом. В течение какого же срока отсутствующие наследники могли в таком случае истребовать причитающиеся им наследственные доли? Верховный суд РСФСР при действии ст. ст. 430 и 433 ГК в первоначальной редакции вполне последовательно разъяснил: в течение общего срока исковой давности, потому что при данных обстоятельствах никакого другого срока и быть не могло. Но ст. ст. 430 и 433 ГК 20 июля 1930 г. были изменены (СУ 1930 г. № 35, ст. 441), причем исчисление шестимесячного срока было установлено не со дня принятия мер охранения, а со дня открытия наследства.

В связи с этим я думаю (как и А. Барышев), что постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г. должно считаться утратившим силу. И надо признать, что Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, воспроизводя в своем определении от 24 мая 1949 г. по делу Киселевских выводы Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г., не учла, что ст. ст. 430 и 433 ГК действуют теперь в иной редакции. Следовательно, под «своевременной» явкой отсутствующих наследников следует понимать теперь шестимесячный срок со дня открытия наследства, и этот срок должен, по общему правилу, применяться и при истребовании отсутствующими наследниками своих наследственных долей от других наследников, получивших более того, что им причиталось при наследовании по закону или завещанию. Но, как я выше указывал, суд вправе в порядке ст. 49 ГК продлить срок для принятия наследства (что в ряде случаев фактически может привести только к небольшому удлинению этого срока, например, на один-два месяца). Но, разумеется, для продления пропущенного судом срока требуются уважительные причины. Устанавливать перечень таких причин нет оснований. В случае же какой-нибудь ошибки в этом отношении вышестоящая судебная инстанция всегда сможет ее исправить.

В отдельных случаях Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР допускает возможность продления срока для предъявления иска о признании права на наследственное имущество даже в случае истечения общего трехлетнего срока исковой давности (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 29 апреля 1947 г. по делу № 36/328 по иску Ильиной)¹, что нельзя признать правильным, так как закон знает только один срок для принятия наследства отсутствующими наследниками — шесть месяцев со дня открытия наследства.

А. Барышев высказывает опасение, что «неопределенность в сроках, установленных законом, которую вносит по существу практика Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР, может привести к тому, что сонаследники, получившие имущество в порядке ст. 433 ГК, не могут считать его собственным и они минимум в течение трех лет не будут заинтересованы, например, в производстве необходимого ремонта домостроений и иного наследственного имущества»².

Мне кажется, что А. Барышев несколько односторонне подходит

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1947 г., вып. V (XXXIX), стр. 24.

² «Социалистическая законность» 1952 г. № 4, стр. 21.

к этому вопросу. Нельзя исходить только из интересов наследников, уже вступивших во владение и управление наследственным имуществом. Следует подумать и об обеспечении интересов тех отсутствующих наследников, которые по уважительным причинам пропустили срок для принятия наследства. Не надо забывать, что по действующему законодательству вызов наследников путем публикаций или иным способом не производится (ст. 431 ГК). Отсутствующие наследники могут даже и не знать об открытии наследства. Как же они могут при таких условиях осуществить в установленный срок принадлежащее им право наследования? Я думаю, что единственным выходом в подобных случаях является продление наследнику судом пропущенного срока на принятие наследства, если, разумеется, наследник докажет, что он не мог по уважительным причинам знать об открытии наследства. Конечно, это связано с некоторыми неудобствами для наследников, вступивших во владение и управление наследственным имуществом: они должны будут возвратить все, ими излишне полученное.

А. Барышева смущает, как же это может быть, если сонаследник получил в соответствии со ст. 433 ГК в порядке приращения долю другого наследника, почему же он будет обязан ее вернуть. Но сонаследник может получить по приращению долю другого наследника только в том случае, если к тому имеются достаточные основания. Одним из таких оснований является факт непринятия наследником наследства в установленный срок. Если же будет установлено, что этот срок пропущен наследником по уважительным причинам и суд признает возможным продлить этот срок, то отпадает и основание к переходу к сонаследнику доли наследника, пропустившего срок для принятия наследства. Переход этой доли явится (по ст. 399 ГК) неосновательным обогащением сонаследника, и для него возникнет обязанность эту долю вернуть.

Если же наследники, вступившие во владение и управление наследственным имуществом, произвели какие-либо необходимые расходы (например, расходы по необходимому ремонту жилого дома), то они вправе при возврате наследственной доли наследнику, которому судом восстановлен срок на принятие наследства, потребовать от него возмещения этих расходов.

Поскольку в действующем законодательстве не содержится указаний, в течение какого времени следует допускать продление пропущенного по уважительным причинам срока для принятия наследства, следовало бы внести в разрабатываемый в настоящее время Гражданский кодекс СССР правило, по которому продление пропущенного срока во всяком случае не допускается, если со дня открытия наследства прошло более трех лет. Такая мера обеспечила бы в достаточной степени интересы отсутствующих наследников, которые по уважительным причинам пропустили срок для принятия наследства, и гарантировала бы полностью наследников, принявших наследство, в приобретенных ими правах на наследственное имущество.

ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ И ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Народный судья Советского района г. Орла

В. Чепегин

Исполнительные действия суд начинает либо по заявлению заинтересованной стороны, либо по собственной инициативе, либо в силу закона. Приведение решения в исполнение есть конечная стадия гражданского процесса, регулируемая нормами ГПК (гл. XXX). Кроме норм ГПК порядок исполнения регулируется также инструкцией Министерства юстиции СССР о порядке исполнения судебных решений.

Несмотря на то, что эти источники подробно регулируют вопросы исполнения судебных решений, однако ряд вопросов, возникающих в процессе исполнения, не регламентирован ни нормами ГПК РСФСР, ни упомянутой инструкцией и требует своего разрешения. К таким вопросам, в частности, относятся: о сроках исполнительской давности, о мерах воздействия в отношении лиц, не исполняющих решения суда о совершении определенных действий, о процессуальном оформлении различных вопросов, возникающих в процессе исполнения, и о порядке разрешения жалоб на действия судебного исполнителя.

В настоящей статье показано, как в практической работе разрешаются эти вопросы.

I. Статьей 255¹ ГПК РСФСР установлены сроки, в течение которых взыскатель имеет право предъявить для принудительного исполнения исполнительный лист. Эти сроки следующие: «по всем спорам между государственными предприятиями и учреждениями, колхозами, кооперативными и общественными организациями действует годичный срок, а по всем остальным спорам — трехгодичный».

Установление определенных сроков для приведения решений в исполнение имеет своей целью создать определенную устойчивость во взаимоотношениях между сторонами, между администрацией и вновь принятым работником.

Применение трехгодичного срока исполнительской давности в делах создало бы как для предприятия, так и для вновь принятого работника длящуюся угрозу расторжения их трудового договора, что, конечно, не соответствует интересам Советского государства. Нам кажется необходимым установить срок исполнительской давности по делам о восстановлении на работе такой же, как срок исковой давности, т. е. четырнадцать дней или несколько больше, но не свыше трех месяцев. Установление такого срока гарантировало бы обеим сторонам быстрое и окончательное разрешение спора и создало бы определенную устойчивость в их взаимоотношениях.

II. При вынесении решений суды иногда обязывают стороны к совершению определенных действий, как то: переоборудование общей жилой площади; устранение препятствий, мешающих собственнику пользоваться имуществом; восстановление неправильно уволенного на работе; предоставление выселяемому другой жилой площади, передача детей и т. д. Во всех этих случаях лица, которых касается судебное решение, обязаны выполнить его в точности, как это предписывает ст. 80 Закона

о судеустройстве. Однако не всегда обязанные лица точно и в срок добровольно выполняют решение, и тогда суд применяет принудительные меры к исполнению решения.

При исполнении решения, которым должник присужден к совершению определенных действий, судебный исполнитель вручает ответчику повестку о добровольном исполнении судебного решения в указанный в нем срок. По истечении срока судебный исполнитель составляет об этом акт и дело передает народному суду, который и определяет порядок исполнения решения. Глава XXX ГПК РСФСР и последующие главы ГПК, регулирующие порядок исполнения судебных решений и определений, не дают указаний о том, как должен поступить суд в случае невыполнения требований о добровольном исполнении решения. В судебной практике в таких случаях в отношении должностных лиц, злостно не исполняющих решения суда, иногда возбуждается уголовное преследование, либо о неправильных действиях его доводится до сведения вышестоящей организации для принятия мер дисциплинарного характера. Однако эти меры не всегда достигают цели, и поэтому народные суды применяют ст. 182 ГПК, которая хотя и не расположена в ГПК в разделе, регулирующем порядок исполнения, но все же дает некоторые правовые основания суду для применения необходимых мер. В ней записано, что «в исключительных случаях суд может и после вынесения решения отсрочить и рассрочить исполнение решения, а также изменить способ и порядок его исполнения». Слова «а также изменить способ и порядок исполнения», нам кажется, и дают суду право применить такой порядок исполнения, который бы позволил добиться точного выполнения решения.

В практике народных судов имели место случаи, когда жилищные органы продолжительное время не предоставляли выселяемым по решениям судов жилую площадь. В таких случаях суды при установлении свободной жилой площади в районе выносили в порядке ст. 182 ГПК определения, которыми устанавливали, что выселяемое лицо подлежит переселению на определенную жилую площадь независимо от возражения жилищных органов против такого вселения. Такое понимание ст. 182 ГПК дает возможность суду принудительно добиваться исполнения решений (в частности, по жилищным делам), несмотря на противодействие некоторых должностных лиц.

Нам кажется, что необходимо дать судам руководящее указание о том, какие меры и в каком порядке должен применять суд при невыполнении его решения, обязывающего ответчика совершить определенные действия.

III. В процессе исполнения судебных решений возникает ряд вопросов, которые требуют разрешения, истолкования. В зависимости от характера этих вопросов они разрешаются либо в административном либо в судебном порядке.

Какие же вообще возникают в практике вопросы при исполнении судебных решений и определений? В основном эти вопросы следующие: восстановление пропущенного срока для предъявления исполнительного документа для исполнения, жалобы на неправильные действия судебного исполнителя; приостановление исполнительных действий; принятие мер к лицам, не дающим отзыва; распределение взысканных сумм; определение доли члена колхозного двора и т. д.

Контроль или надзор за деятельностью судебного исполнителя осуществляют народный судья, суд, управления юстиции и прокуратура.

Как же распределяется компетенция между этими органами и в каком порядке они осуществляют контроль над деятельностью судебного

исполнителя? Народный судья непосредственно направляет и контролирует деятельность судебного исполнителя, разрешает ряд процессуальных вопросов, а также жалобы на действия судебного исполнителя о распределении взысканных сумм между взыскателями в случае возражений против такого расчета со стороны кого-либо из взыскателей (ст. ст. 266 и 267 ГПК). Причем постановление судьи об утверждении расчета обжалованию не подлежит, а постановление об изменении расчета может быть обжаловано. Народный судья единолично разрешает вопрос о наложении взыскания (штрафа) на лиц, не исполняющих предписания судебного исполнителя (ст. 291 ГПК). Народный судья единолично в соответствии со ст. 270 ГПК разрешает жалобы на действия судебного исполнителя, в частности, на неправильное включение в опись имущества, на которое по закону не может быть обращено взыскание, жалобы на неправильное взыскание по исполнительному листу в учреждениях и организациях, на совершение исполнительных действий в отсутствие сторон и т. д. Все перечисленные вопросы разрешаются народным судьей в процессуальном, судебном порядке путем вынесения определений с участием сторон, которые в случаях, предусмотренных законом, могут быть обжалованы в вышестоящий суд. Наряду с разрешением вопросов в процессуальном порядке, народный судья руководит работой судебного исполнителя и как администратор, разбирая жалобы на волокиту, на невыдачу справок и другие вопросы непроцессуального порядка.

Народный суд в коллегиальном составе также разрешает много вопросов, связанных с исполнением судебных решений и определений. Свои действия по разрешению тех или иных вопросов народный суд начинает либо по заявлению заинтересованной стороны (как, например, о восстановлении срока на предъявление исполнительного листа по взысканию, об исключении из описи имущества, включенного в опись судебным исполнителем, о признании торгов недействительным и т. д.), либо на основании докладной записки судебного исполнителя (например, в случаях определения доли члена колхозного двора при конфискации имущества, наложения штрафа на лиц, не давших отзыва на вопрос судебного исполнителя) (ст. 295 ГПК).

Свои процессуальные действия суд совершает в судебном заседании с вызовом заинтересованных лиц. По рассмотрении заявлений заинтересованных лиц или докладной записки судебного исполнителя, суд выносит определение, которое может быть обжаловано в порядке ст. 249 ГПК.

Определения, выносимые судом или судьей по делам, находящимся в данном суде, подшиваются в дела, а по делам, находящимся в других судах или органах, — в исполнительные производства судебного исполнителя.

Управления Министерства юстиции осуществляют над судебным исполнителем исключительно административный контроль, совершенно не касаясь процессуальных вопросов.

Органы прокуратуры осуществляют надзор за исполнением судебных решений и определений, принося в народный суд протесты на неправильные действия судебного исполнителя и лиц, участвующих в исполнении. Протесты рассматриваются либо народным судьей единолично либо народным судом коллегиально — в зависимости от характера обжалуемых действий.

IV. В судебной практике нет иногда четкого представления о том, когда вопрос об исключении из описи имущества разрешает единолично судья и когда это решает суд.

В тех случаях, когда судебный исполнитель описал имущество, на которое по закону не может быть обращено взыскание, должник, у которого описано имущество, вправе обратиться с жалобой к народному судье, который в соответствии со ст. 170 ГПК единолично разрешает этот вопрос, вынося соответствующее определение. В тех случаях, когда судебным исполнителем описано имущество, принадлежащее не должнику, а третьему лицу, последнее может обратиться с иском к лицу, в пользу которого описано имущество, и просить суд освободить имущество от описи. Короче говоря, в данном случае возникает не жалоба на действия судебного исполнителя, а спор о праве гражданском между предполагаемым или действительным собственником описанного имущества и лицом, в пользу которого оно описано. Этот спор разрешается в соответствии со ст. ст. 59 и 60 ГК. Лицо, чье имущество описано, может просить суд в порядке обеспечения иска приостановить продажу его. Срок для предъявления иска в таких случаях установлен в три года.

Статья 273 ГПК дает право судебному исполнителю не включать в опись имущество, явно не принадлежащее должнику, однако в случае сомнения в принадлежности имущества определенному лицу судебный исполнитель обязан включить имущество в опись, сделав об этом отметку в акте. Заинтересованные же лица в таких случаях могут добиваться освобождения имущества от описи в общем порядке.

Четкое представление о порядке разрешения различных вопросов, возникающих в процессе исполнения, поможет судебным работникам устранить недочеты в работе судебных исполнителей.

НЕДОСТАТКИ В ПОСТАНОВКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ОСНОВ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗАХ

В. Любкин

В журнале «Социалистическая законность» (№ 4 за 1952 г.) опубликована статья Б. Богданова «Недостатки в постановке преподавания основ бухгалтерского учета в юридических вузах и школах», в которой отмечена неправильная организация учебных занятий по этой дисциплине.

К мыслям, высказанным в этой статье, следует добавить, что более целесообразно не простое ознакомление учащихся-юристов с отдельными видами учета, а коренное преобразование курса «Основы бухгалтерского учета», читающегося в настоящее время в юридических вузах и школах, в другой, новый курс — «Судебная бухгалтерия».

Вопрос об этом неоднократно поднимался в специальных юридических изданиях. Так по этому вопросу были опубликованы статьи «Об изучении судебной бухгалтерии» в журнале «Социалистическая законность» (№ 5 за 1949 г., стр. 40), «Проблемы судебной бухгалтерии» в сборнике «Вопросы советской криминалистики» (Госюриздат, М., 1951) и т. д.

Эту необходимость перестройки в юридических вузах и школах курса «Основы бухгалтерского учета» в курс «Судебная бухгалтерия» можно обосновать следующим образом.

Значительность дел о хозяйственных и должностных преступлениях, связанных с бухгалтерским учетом, отмечавшаяся неоднократно в практике судебных и следственных органов, и часто встречающиеся при расследовании этих преступлений факты использования бухгалтерской техники для их сокрытия должны неизбежно повлечь за собой более широкую постановку вопроса.

Очевидно, что для обеспечения полноценного расследования таких преступлений необходимы не только внимательное изучение дела судебными и следственными работниками и сознательное восприятие ими всех обстоятельств и деталей дела, но и наличие специальной подготовки в области расследования преступлений, связанных с использованием бухгалтерского учета.

В равной степени при разрешении гражданских дел важно умение суда предельно отчетливо разбираться во всех представляемых сторонами доказательствах и обстоятельствах дела, а этими доказательствами часто являются данные бухгалтерского учета, а обстоятельства сводятся к сложным бухгалтерским расчетам между сторонами.

Изучение вопросов, связанных с бухгалтерским учетом, по программе основ бухгалтерского учета для юридических институтов не обеспечивает подготовки юридических работников в этой части и не связано с соответствующей юридической практикой.

Имея в виду, что изучение в юридических вузах бухгалтерского учета в существующем виде не связано с практикой работы органов юстиции, да и уровень экономической подготовки юристов в процессе подобного изучения бухгалтерского учета также заведомо недостаточен,

вполне целесообразно и своевременно поставить вопрос о коренной перестройке преподавания этой дисциплины в юридических вузах.

Курс «Судебная бухгалтерия» должен включать в себя, помимо общих сведений из курса бухгалтерского учета (основные счетные понятия и принципы общей и некоторые виды специальной бухгалтерии), еще и специальный курс счетного законодательства, бухгалтерской экспертизы и ревизии и методику расследования преступлений по делам, связанным с бухгалтерским учетом.

Условно новая дисциплина может быть подразделена на две части.

В общей части должны быть: 1) Основы общей бухгалтерии с включением принципов учета заготовок, производства, реализации и расчетов и анализ баланса, 2) Основы бюджетного счетоводства, 3) Основы колхозного счетоводства. Общая часть, являясь пропедевтической, должна способствовать будущему юридическому работнику овладеть необходимым минимумом счетных знаний, должна обеспечить ему общую счетную грамотность и понимание некоторых видов учета (бюджетное счетоводство и колхозное счетоводство), поскольку для их усвоения недостаточно знания принципов общей бухгалтерии, дела же, связанные с бюджетным счетоводством и колхозным учетом, встречаются в работе судебных и следственных органов достаточно часто.

Особенная часть должна включать в себя следующие разделы: 1) Счетное законодательство, 2) Бухгалтерская экспертиза и ревизия, 3) Методика расследования по делам, связанным с бухгалтерским учетом.

Для правильной ориентации работников органов юстиции в делах, связанных с бухгалтерским учетом, недостаточно знание только технических бухгалтерских приемов, а необходима отчетливая осведомленность об установленных законом правилах бухгалтерского учета и правилах составления баланса, о законодательстве, о списании естественной убыли товаров, о правах и обязанностях счетных работников и т. д.

При этом следует иметь в виду, что все эти вопросы в других курсах, читаемых в юридических вузах (финансовое право, гражданское право, трудовое право и т. д.), или вовсе не освещаются или освещаются недостаточно.

Овладение специальным счетным законодательством поможет в будущем судье, следователю во многих случаях, когда им придется встретиться по делам с вопросами учета.

Имея дело с ревизионными актами, судья и следователь должны знать принципы и технические приемы ревизии, — это обеспечит правильную и своевременную оценку отдельных недостатков по имеющимся у них ревизионным актам и возможность принятия мер к их устранению, а следовательно, и к предотвращению в будущем по этим делам волокиты в расследовании.

Изучение бухгалтерской экспертизы должно предполагать углубленное ознакомление с особенностями судебно-бухгалтерской экспертизы, поскольку вопросы, связанные с экспертизой вообще, освещаются в курсах уголовного и гражданского процесса.

К этим особенностям можно отнести: установление стадии следствия, в которой следует производить судебно-бухгалтерскую экспертизу; подготовку следователя к судебно-бухгалтерской экспертизе; ограничение экспертизы от ревизии; круг лиц, не могущих быть бухгалтерами-экспертами, методы судебно-бухгалтерской экспертизы; проработка конкретных заключений бухгалтеров-экспертов и т. п.

Методы совершения и раскрытия преступлений вообще изучаются в юридических вузах по курсу криминалистики. Но ни в одном из посо-

бий по этой дисциплине, — да и в самой программе по криминалистике, — наряду с изучением способов раскрытия самых различных преступлений (кражи, ограбления, убийства и т. д.) не выделяются способы раскрытия преступлений путем использования бухгалтерского учета. Пособия по криминалистике часто приводят методику расследования растрат, но они никогда не указывают специальных счетных приемов, с помощью которых совершенные растраты и хищения могут быть вскрыты, а такие приемы и счетные записи имеют место по большому количеству следственных и судебных дел.

Для будущего судебного или следственного работника полезно овладеть методикой расследования по делам, связанным с бухгалтерией.

Криминалистическая разработка имеющегося опыта по судебным делам, связанным с бухгалтерским учетом, должна явиться одним из основных разделов «Судебной бухгалтерии».

Если до сих пор у многих студентов юридических вузов и школ не изжито неправильное отношение к изучению такого предмета, как «Основы бухгалтерского учета», то можно с уверенностью сказать, что после замены этого курса курсом «Судебная бухгалтерия» отношение учащихся к нему изменится коренным образом, так как этот курс «Судебной бухгалтерии» будет полностью отвечать профилю специалиста-юриста и преподавание не будет оторвано от практической юридической деятельности.

В ЮРИДИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ

ДИСПУТ НА ТЕМУ „ВНОВЬ ОТКРЫВШИЕСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ“

В конце марта 1952 года кафедра гражданского процесса Ленинградского юридического института имени М. И. Калинина совместно с Ленинградской следственной школой Прокуратуры СССР провели диспут на тему: «Вновь открывшиеся обстоятельства в советском уголовном и гражданском процессе».

Диспут привлек к себе большое внимание научных и практических работников, а также учащихся ленинградских юридических учебных заведений.

В диспуте приняли участие члены кафедры уголовного и гражданского процесса Ленинградского юридического института, преподаватели Ленинградской следственной школы Прокуратуры СССР, работники суда и прокуратуры города и области, а также научные работники и студенты Ленинградского юридического института имени М. И. Калинина и юридического факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова.

Во вступительном слове заведующий кафедрой гражданского процесса Ленинградского юридического института имени М. И. Калинина проф. Л. Поволоцкий указал, что проблема вновь открывшихся обстоятельств относится к числу тех вопросов нашего советского уголовного и гражданского процессов, которые недостаточно освещены в нашей литературе. У нас нет ни одной монографической работы, а также и диссертаций, посвященных этому вопросу, у нас нет диссертаций ни в области уголовного, ни в области гражданского процессов, которые были бы посвящены этому вопросу. По его мнению, журнал «Социалистическая законность» поступил правильно, открыв дискуссию по этому вопросу, напечатав статью кандидата юридических наук В. С. Тадевосяна, который затронул ряд интересных вопросов, связанных с этой проблемой, и его ответ на эту статью («Социалистическая законность» 1951 г., № 6 и 1952 г., № 1).

Работники в области уголовного и гражданского процесса должны объединить свои силы для разработки этого вопроса, руководствуясь указанием товарища Сталина о том, что у общественных явлений, кроме того присущего им общего, что они обслуживают общество, «...имеются свои специфические особенности, которые

отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки»¹.

Бесспорно, что проблема вновь открывшихся обстоятельств является общей для обоих видов процесса, но также несомненно и то, что в каждом из этих видов процесса она имеет свои специфические черты, поэтому неправильно рассматривать этот вопрос как тождественный в уголовном и в гражданском процессах.

Целесообразно, — обсудить наиболее спорные вопросы этой проблемы, имеющие общее значение для обоих видов процесса, и выделить те, которые специфичны для отдельного вида процесса.

В. Тадевосян в своей статье пишет о том, что некоторые практические работники, ссылаясь на ст.ст. 15 и 16 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, считают, что институт пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам прекратил свое существование с момента издания Закона о судостроительстве. Эта точка зрения была поддержана проф. М. Чельцовым в его учебнике «Уголовный процесс» изд. 1948 года (стр. 589).

Проф. М. Чельцов в учебнике «Уголовный процесс» издания 1951 года отказался от своей прежней точки зрения и рассматривает институт вновь открывшихся обстоятельств как самостоятельный институт (стр. 406).

Следует согласиться с точкой зрения В. Тадевосяна, что Закон о судостроительстве не поколебал существования и необходимости института пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Правильность этой точки зрения подтверждается судебной практикой, и потому он считает этот вопрос не дискуссионным. Уже в декрете ВЦИК и СНК от 10 марта 1921 г. «О высшем судебном контроле» четко разграничивались два понятия: отмена приговоров и решений в порядке судебного надзора и отмена приговоров по вновь открывшимся обстоятельствам. Четкое разграничение этих понятий существует у нас и по сей день и находит свое подтверждение в соответствующих нормах УПК и ГПК РСФСР и других союзных республик.

При пересмотре дел в кассационном порядке либо в порядке надзора имеет место

¹ Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1950, стр. 35.

ошибка, допущенная судом при рассмотрении дела, и исправление этой ошибки соответствующим вышестоящим судом. При пересмотре же дел по вновь открывшимся обстоятельствам суд, рассматривавший дело по существу, не допустил ошибки и проявил полную активность при рассмотрении дела, но сила приговора или решения колеблется тем, что после вступления их в законную силу открылись такие факты, такие обстоятельства дела, о которых суд не знал и не мог знать вынося приговор или решение.

Обстоятельства — это юридические факты, а доказательства — это средства, при помощи которых устанавливаются эти юридические факты. Отсюда следует, что именно новые обстоятельства, существовавшие в момент вынесения решения или приговора, но не известные суду в момент их вынесения, служат основанием для пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам. В случае же обнаружения новых доказательств, имеющих существенное значение для дела, следует опротестовать решение или приговор в порядке надзора, как правильно указала Судебная коллегия Верховного суда СССР в своем определении по делу по иску Зарайского и Новиковой к Щелканову¹.

Вследствие вновь открывшихся обстоятельств решение впадает в противоречие с материальной истиной, являющейся основным принципом советского уголовного и гражданского процессов.

Нельзя согласиться с В. Тадевояном, считающим, что основной проблемой «вновь открывшихся обстоятельств» являются ложные показания свидетелей или редчайший случай — злоупотребления кого-либо из состава суда.

Центральным вопросом института вновь открывшихся обстоятельств является п. «а» ст. 251 ГПК РСФСР и п. 3 ст. 373 УПК РСФСР, так как в них идет речь именно о том, что действительно является вновь открывшимися обстоятельствами.

Нельзя согласиться с В. Тадевояном и по вопросу о том, для кого были неизвестны вновь открывшиеся обстоятельства. По УПК РСФСР вопросы эти не были и не могли быть известны суду, а по ГПК РСФСР вопросы эти не были и не могли быть известны заявителю. Исходя из принципа активности советского суда, надо и в гражданском процессе считать, что основанием отмены будет являться неизвестность этих обстоятельств суду. Было бы целесообразно, если бы, именно в этом смысле вопрос был решен ГПК СССР.

Нельзя согласиться с В. Тадевояном и по вопросу о пределах объединения института вновь открывшихся обстоятельств в уголовном и гражданском процессах, что и было им ранее высказано в его статье,

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1947 г. № 7, стр. 45.

напечатанной в «Социалистической законности» (1952 г. № 1).

Вопрос о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам должен во всех случаях рассматриваться вышестоящим судом, т. е. судом, являющимся кассационной инстанцией. В частности, должна быть пересмотрена ст. 252 ГПК РСФСР, в силу которой пересмотр дел по основаниям, указанным в п. п. «б» и «в» ст. 251 ГПК РСФСР, производится судом, рассматривавшим дело по существу. В этом он усматривает нарушение того принципиального правила, что акт правосудия может быть отменен только актом правосудия, исходящим от вышестоящего суда.

Пункт «в» ст. 251 ГПК РСФСР устанавливает, что решение может быть пересмотрено по вновь открывшимся обстоятельствам, когда отменено постановление суда или другого учреждения, положенное в основание данного решения.

Здесь нет вновь открывшегося обстоятельства, ибо специфичным для института пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам является то обстоятельство, которое существовало до вынесения решения или приговора, но не было известно суду; в данном случае само «обстоятельство» возникло после вступления решения в законную силу.

В советском гражданском процессе резко различаются понятия: вновь открывшихся обстоятельств и изменившихся обстоятельств, причем под изменившимися обстоятельствами понимаются имеющие существенное для дела значение те обстоятельства, которые были положены в основание решения, но изменились после вступления решения в законную силу (например, изменение размера присужденных алиментов на родителей в связи с изменением материального положения ответчика и т. п.).

В тех случаях, когда отпало или изменилось основание, положенное в основание решения, в гражданском процессе надо идти путем предъявления иска о признании вынесенного решения не подлежащим исполнению. Существует мнение о том, что в этих случаях надо просить суд истолковать решение как не подлежащее исполнению (ст. 185 ГПК РСФСР). Эта точка зрения неправильна, так как ст. 185 ГПК РСФСР может быть применяема лишь в целях правильного исполнения вынесенного решения.

После вступительного слова проф. Л. Поволоцкого все выступавшие на диспуте отметили, что организация научной дискуссии по отдельным правовым вопросам, особенно с участием практических работников, является необходимым условием успешного развития науки советского социалистического права, на что указывает товарищ Сталин в своем классическом труде «Марксизм и вопросы языкознания», говоря: Общепризнано, что никакая наука не мо-

жет развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»¹.

Все выступавшие отметили своевременность статьи кандидата юридических наук В. Тадевосяна и проф. Л. Поволоцкого, опубликованной в журнале «Социалистическая законность», которые привлекли внимание к одному из сложных процессуальных институтов, в котором имеется ряд спорных положений, требующих обсуждения и уточнения, что особенно важно в связи с работой по составлению проектов УПК и ГПК СССР.

По вопросу о жизни и необходимости существования института пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам высказался ряд товарищей.

Заведующий кафедрой уголовного процесса Ленинградского юридического института им. М. И. Калинина доцент В. Резепов соглашается с мнениями проф. Л. Поволоцкого и В. Тадевосяна о том, что ст. 16 Закона о судостроительстве не отменила ст.ст. 373—378 УПК РСФСР. Но в отношении проф. М. Чельцова считает, что в учебнике 1951 года он не изменил своей позиции по данному вопросу, что придерживается прежней точки зрения, что, в частности, подтверждается его неправильным указанием, данным в сноске на стр. 407. Рассматривая любой юридический институт нашего советского социалистического права, следует даже в пределах журнальной статьи знакомить читателей с вопросом о том, как рассматриваемый процессуальный институт решается законодательством стран народной демократии, чего не сделали В. Тадевосян и Л. Поволоцкий. Между тем институт возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам известен и процессу стран народной демократии.

Начальник гражданско-судебного отдела прокуратуры Ленинградской области К. Банченко-Любимова также подчеркнул, что никакого противоречия между ст.ст. 15 и 16 Закона о судостроительстве 1938 года и ст.ст. 251—253 ГПК РСФСР и ст.ст. 373—378 УПК РСФСР с точки зрения расхождения республиканского законодательства с общесоюзным усмотреть нельзя.

Преподаватель Следственной школы Прокуратуры СССР тов. Я. Куренцкий отметил, что как В. Тадевосян, так и Л. Поволоцкий правильно пришли к одному и тому же выводу, что пересмотр решений и приговоров по вновь открывшимся обстоятельствам есть действующий институт. Оба автора правильно отмечают расхождение точек зрения по этим вопросам в учебниках уголовного и гражданского процессов.

Доцент Ленинградского Планового института И. Рабинович не согласился с В. Тадевосяном и с В. Резеповым по

вопросу о том, что проф. М. Чельцов отрицает наличие института пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам, так как, по его мнению, проф. М. Чельцов не отрицает этого института и говорит не о ст. 373, а о ст. 378 УПК РСФСР, указывая, что районный или областной прокурор должен не непосредственно обращаться в верховный суд союзной республики, а войти с представлением к прокурору республики, причем районный прокурор через областного прокурора.

Прокурор гражданско-судебного отдела Ленинградской областной прокуратуры В. Халинина заявила, что проф. Л. Поволоцкий правильно отметил, что спорить по вопросу о том, существует или не существует институт пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам, излишне, так как такие дела имеют место, в частности, в практике гражданско-судебного отдела Ленинградского областного суда. Начальник уголовно-судебного отдела Ленинградской областной прокуратуры В. Иванов отметил, что проф. М. Чельцов неправильно говорит о том, что по вопросу о пересмотре приговора по вновь открывшимся обстоятельствам районный или областной прокурор должен сделать представление только прокурору республики, который и войдет с этим вопросом в верховный суд союзной республики. Закон такого положения не знает. Установив наличие вновь открывшихся обстоятельств, прокурор имеет право, минуя прокурора республики, представить дело в верховный суд союзной республики для рассмотрения вопроса о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

По вопросу о критерии разграничения между пересмотром приговоров и решений, вступивших в законную силу, в порядке судебного надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам и по вопросу о том, являлось ли решение или приговор, которые впоследствии будут пересмотрены по вновь открывшимся обстоятельствам, установленной материальной истиной, были высказаны следующие точки зрения.

Доцент В. Резепов считает, что приговор или решение, отмененные по вновь открывшимся обстоятельствам, в момент их вынесения устанавливали материальную истину, ибо обстоятельства, послужившие основанием для отмены приговора или решения, хотя и существовали в действительности, но не были и не могли быть известны суду. В своей работе «Теория судебных доказательств в советском праве» акад. А. Вышинский говорит: «Факты должны быть безусловно верными, должны быть безусловно истинными, и выводы из этих фактов должны при данных условиях безусловно соответствовать установленным судом фактам, исключаяющим всякие сомнения» (изд. 3-е, стр. 202). Очевидно, в данном случае следует признать, что именно на данный момент, в данных конкретных

¹ Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 31.

условиях, когда суд не мог знать этих (правда, существовавших реально) вновь открывшихся обстоятельств, вынесенный, но впоследствии отмененный по этой причине приговор, устанавливал материальную истину. По мнению В. Резепова, В. Тадевосян неправ, когда он указывает, что пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам не может иметь места на основании представления новых доказательств, так как основанием пересмотра в этом случае являются новые обстоятельства, а не новые доказательства (стр. 37). Ведь не само лжесвидетельство, не самый факт должного заключения эксперта будут представлены в суд, а доказательством наличия этих обстоятельств, как устанавливает ст. 375 УПК РСФСР, будет являться судебный приговор, вступивший в законную силу. Этот вступивший в законную силу приговор будет не вновь открывшимся обстоятельством, а доказательством, устанавливающим наличие существования вновь открывшегося обстоятельства. В. Резепов согласен с Л. Поволоцким, что при наличии единых оснований для возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам все же определенные особенности пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам в уголовном и гражданском процессе должны быть сохранены.

К. Банченко-Любимова указала, что центральным вопросом пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам являются обстоятельства, указанные в п. «а» ст. 251 ГПК РСФСР и в п. 3 ст. 373 УПК РСФСР, которые проф. Л. Поволоцкий называет «вновь открывшимися обстоятельствами в чистом виде», а проф. М. Чельцов «в тесном смысле слова». На практике основания для пересмотра дел в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам часто смешиваются, но, по ее мнению, этот вопрос не нашел полного разрешения и в опубликованных статьях проф. Л. И. Поволоцкого и В. С. Тадевосяна, тем более что последний смешивает обстоятельства и доказательства. Для пересмотра решения по вновь открывшимся обстоятельствам надо, чтобы не только суд не знал об этих обстоятельствах, но и не мог их знать.

Я. Куренецкий также отметил, что главным и наиболее спорным вопросом является вопрос об основаниях для пересмотра приговора или решения по вновь открывшимся обстоятельствам и определение этого обстоятельства. Проф. Л. Поволоцкий, возражая В. Тадевосяну, указывает, что пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам не может иметь места на основании обнаружения новых доказательств, так как в этом случае суд и следственные органы допустили ошибку в собирании доказательств, а, следовательно, должен иметь место пересмотр приговора в порядке надзора. Когда речь идет об обстоятельстве, которое суду

было известно в момент рассмотрения дела, но суд не мог располагать данным доказательством, то действительно следует ставить вопрос о пересмотре дела в порядке надзора, ибо об этом обстоятельстве суд имел суждение. В. Тадевосян говорит о том, что новые обстоятельства — это такого рода факты, которые не были предметом обсуждения в судебном заседании, так как они не могли к моменту рассмотрения гражданского или уголовного дела быть известны суду.

Я. Куренецкий присоединяется к мнению проф. Л. Поволоцкого и К. Банченко-Любимовой о том, что из статьи В. Тадевосяна нельзя установить, почему при установлении вновь открывшихся обстоятельств ранее вынесенное решение или приговор должны быть отменены. В. С. Тадевосян говорит о том, что ранее вынесенное решение надо считать незаконным и необоснованным, а институт пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам устраняет это незаконное и необоснованное решение или приговор. Более правильно считать, что вопрос идет не о том, чтобы устранить незаконное или необоснованное решение или приговор, а о том, чтобы их отменить в целях вынесения нового решения или приговора, соответствующих материальной истине.

В. Халипина считает, что вновь открывшееся обстоятельство должно быть неизвестно не только суду, но и заявителю; этой точки зрения придерживались и выступавшие студенты V курса юридического факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова т.т. Иванов и Абрамова.

В. Иванов считает, что если приговор был отменен по вновь открывшимся обстоятельствам, суд не допустил ошибки, вынося приговор; тов. Иванов также считает, что нельзя смешивать новые обстоятельства и доказательства. Эти обстоятельства должны быть не известны суду. Расширять круг лиц, которым не должны быть известны новые обстоятельства, не следует. Если же впоследствии будет установлено, что осужденный совершил еще другое преступление, может быть более тяжкое, чем то, за которое он осужден, и скрыл это от суда, то при наличии соответствующих доказательств необходимо возбуждать новое уголовное дело по этим совершенным им преступлениям.

По вопросу о порядке возбуждения ходатайств о пересмотре дел по вновь открывшимся обстоятельствам К. Банченко-Любимова указала, что имеющиеся различия в УПК и ГПК необходимо сохранить. Существующий в ГПК порядок разрешения дела по вновь открывшимся обстоятельствам дает возможность срочного разрешения этого вопроса, тогда как надзорный порядок требует значительно больших сроков для его осуществления. Было бы правильно внести соответствующие изменения в ГПК РСФСР, установив, что

пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам по всем основаниям, указанным в ст. 251 ГПК РСФСР, должен разрешаться судебной коллегией по гражданским делам вышестоящего суда.

По вопросу о том, необходимо ли установить единый порядок для пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам в уголовном и гражданском процессе, Я. Куренецкий присоединился к мнению проф. Л. Поволоцкого и добавил, что следует изменить ст. 252 ГПК РСФСР, предоставив право отмены во всех случаях вышестоящему суду, и что необходимо порядок пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам распространить и на определения, вступившие в законную силу.

Выступавшие студенты юридического факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова присоединились к мнению выступавших товарищей по вопросу о разграничительном критерии для пересмотра дел, причем тов. Абрамова указала, что когда возникает вопрос о пересмотре решения по п. «в» ст. 251 ГПК, т. е. когда в основу решения положено постановление суда или другого учреждения, впоследствии отмененное, то в этом случае нет вновь открывшихся обстоятельства и следует предъявить новый иск о признании решения недействительным. По мнению студентов т.т. Абрамовой и Иванова, следует установить правило о том, что ходатайство о пересмотре решения по основаниям, указанным в п.п. «б» и «в» ст. 251 ГПК РСФСР, необходимо направлять в вышестоящий суд.

Л. Халипина считает, что пересмотр гражданских дел по вновь открывшимся обстоятельствам должен иметь место в вышестоящем суде и в этом вопросе неправильно проводить аналогию со ст. 377 УПК РСФСР.

В своем заключительном слове проф. Л. Поволоцкий указал, что организация подобного рода диспутов приносит большую взаимную пользу, в первую очередь работникам науки, ибо выдвижение ряда вопросов, которые ставятся самой жизнью, облегчает основную задачу разработки науки советского права. Советский научный работник должен быть тесно связан с практикой, и с этих позиций нужно только приветствовать выступления практических работников суда и прокуратуры, принявших активное участие в диспуте. Диспут установил, что необходимо сохранить следующие различия между уголовным и гражданским процессом: а) в гражданском процессе имеют право возбуждать ходатайства стороны, третьи лица, если они участвовали в деле, и прокурор; в уголовном процессе — только прокуратура; по отношению к гражданскому процессу целесообразно слушать вопрос о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам с участием сторон; б) по отношению к уголовному процессу, поскольку могут возникнуть вопросы, связанные с тайной предварительного следствия, которые не могут быть оглашаемы до его окончания, целесообразно этот вопрос слушать без участия защиты, т. е. в гражданском процессе — применительно к кассационному, а в уголовном — к надзорному производству.

Инициатива, проявленная Следственной школой Прокуратуры СССР и Юридическим институтом имени М. И. Калинина, полностью себя оправдала.

Проведенный диспут показал целесообразность и необходимость организации подобного рода обсуждений дискуссионных вопросов советского процессуального права.

А. З.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ

В конце марта 1952 года я закончил поддержание обвинения группы подсудимых в числе 33 человек, бывших работников Вяземского и Ржевского маслозаводов «Росглавжирмасло» Министерства пищевой промышленности РСФСР, директоров магазинов и баз торгов Ленинского, Загорского и Пушкинского районов Московской области, а также коммерческих директоров, начальников химических цехов и агентов артелей промысловой кооперации г. Москвы.

Вся эта группа обвинялась в хищении растительного (льняного и соевого) масла и маслоотходов на сумму свыше полутора миллионов рублей. Преступная группа подготовила помимо этого и иные крупные хищения, но до конца их не довела в связи с возбуждением против нее уголовного дела.

Дело это слушалось в Судебной коллегии Верховного суда РСФСР с 4 февраля по 20 марта 1952 г.

По делу о расхищении растительного масла сложным для прокурора явилось освоение доказательственного материала, собранного в ходе предварительного следствия. В двадцати семи томах были подобраны многочисленные поддельные и фиктивные накладные счета, сертификаты, производственные акты, отчеты и пр. Надо было изучить массу отдельных операций, произведенных при хищении масла и маслоотходов. Весьма сложны были методы и формы хищений.

Следовало бы по такому сложному делу назначить не одного обвинителя, а нескольких, так как пришлось очень много изучать фактического материала, напряженно следить за ходом судебного следствия и ввиду громадного объема дела произносить большую обвинительную речь.

Хищения производились в 1948 и 1949 гг. в основном тремя способами.

Бывший бухгалтер Вяземского маслозавода Свиридов, поступивший на работу по подложным документам Рябова, в прошлом осужденный за хищение на десять лет и скрывшийся с одного из Саратовских заводов, где он отбывал наказание, по сговору с директором завода Маркушкиным и главным инженером Полевым (последний был впоследствии выдвинут на должность директора Ржевского маслозавода) организовал хищение маслопродукции путем заключения незаконного договора с коммерческим директором артели «Разнопром» Пожариным на переработку маслоотходов на мыло. Отпуская с завода высокока-

личные маслоотходы и даже чистое масло, преступники фабриковали подложные сертификаты на заниженное качество отпускаемой продукции. Мыло, полученное из похищенного жира, не оприходовали и продавали, а деньги делили между собой. Главный инженер Полев, ставший впоследствии директором Ржевского маслозавода, втянул в преступление главного бухгалтера Ржевского завода Суворова. Следовательно, хищение производилось путем занижения жирности отпускаемой маслопродукции, без уменьшения количества последней. Подобным же способом производилось хищение по операциям работниками артели «Спортивентарь», которая изготавляла из получаемого масла олифу.

Был и другой метод хищения. Преступники, орудовавшие на маслозаводах, вступив в связь с коммерческим директором артели «Мосхимкраска» Яхниним, отпускали растительное масло по фиктивным телеграммам-нарядам, посылаемым из Москвы на маслозаводы по подложным командировочным удостоверениям Вяземского маслозавода от имени начальника отдела сбыта «Росглавжирмасло» Гривнина об отпуске масла по льготным ценам в 4 руб. и в 8 руб. 50 коп. вместо обычной розничной цены в 28 руб. за килограмм. Подложные командировочные удостоверения от имени Гривнина фабриковал Свиридов-Рябов; по этим удостоверениям с различных телеграфных отделений г. Москвы направляли на Вяземский и Ржевский заводы телеграммы-наряды как сам Свиридов, так и один из организаторов хищения, скрывающийся от суда и следствия по другому делу, — бывший заместитель директора конторы «Курортснаб» Ардашников и тетка жены Свиридова, ранее судимая за крупное хищение, Буткевич.

На отпускаемое по льготным ценам масло в артель «Мосхимкраски» выставлялись без отражения в бухгалтерии завода дополнительные счета, минуя Госбанк, на разницу в 200 руб. на килограмм и по доверенности, подписанной директором завода Маркушкиным и главным бухгалтером Свиридовым. Из артели «Мосхимкраска» получалась различная продукция в виде резиновых детских мячей, спирта, спиртового лака, порошка для стирки, концентрата «Лебедь» и пр. лично главным бухгалтером Свиридовым-Рябовым и его первой сожительницей, подсудимой Конченко. Эти товары реализовали неустановленные следствием преступники, а деньги делили

участники хищения. Всего в артель «Мосхимкраска» от имени Вяземского маслозавода было выставлено дополнительных счетов на сумму 358 381 руб. Этот способ хищения (получение товаров по дополнительным счетам, на разницу между льготной и розничной ценой на масло и присвоение материальных ценностей) преступниками был применен и при операциях с артелью «Химширпотреб».

Третий метод хищения заключался в том, что преступники с маслозаводов, в частности Свиридов-Рябов, при посредстве агента артели «Разнопром» Фрадкина, прежде неоднократно судимого (в последний раз был судим как валютчик, имеющий многочисленные связи среди торговых работников), подыскивали среди работников торговой сети продавцов похищаемого масла и через них продавали масло. Практически это осуществлялось следующим образом. Свиридов-Рябов при помощи Фрадкина установил преступную связь путем направления фиктивных нарядов с заместителями директора продовольственной базы торгового района Гольдиным и Серебренным, которые получали масло и продавали при посредстве директоров магазинов торгового Крель, Вагина, Чернышева, Малахова, Кондрашину и Иванову. Кроме того, при посредстве Фрадкина масло похищалось и реализовалось директором магазина № 8 Загорского треста Бычковым-Леоновым и заведующим магазином № 16 Горудевой, директором магазина торгового Пушкинского района Финкелем, ныне скрывшимся от суда и следствия, и Хайкиным, также скрывшимся, работавшим товароведом в орсе «Академстрой». Оформлялись эти хищения путем выставления заводами на инкассо счета торговцам на уменьшенное количество отпущенного масла по цене 28 руб. за килограмм. Получатели масла снабжались фиктивными фактурами на меньшее количество отпущенного масла и по этим фактурам масло приходилось в магазинах. Неоприходованное масло продавалось и участники хищения делили выручку. Преступники, орудовавшие на заводах, получали по 5000 руб. за похищенную тонну масла. Директора магазинов, которые реализовали масло, получали 20% от выручек. Остальная сумма оставалась у посредника Фрадкина. Следовательно, методами хищения являлись фиктивное снижение наличия маслоотходов, отпуск масла по заниженным льготным ценам и выставление получателю, помимо банка, дополнительных счетов на разницу до розничной цены, получение по этим дополнительным счетам от артелей товаров и их реализация, отпуск масла по фиктивным телеграммам-нарядам и фиктивное уменьшение количества отпущенного масла, продажа неоприходованного масла через торговую сеть.

Дело это, как уже выше сказано, было весьма солидное по объему, материал предварительного следствия был заключен в 27 томах. По делу было вызвано в суд и

допрошено до восьмидесяти свидетелей. Двумя бухгалтерами-экспертами была проведена судебно-бухгалтерская экспертиза, а специалистами-мыловарами и химиками маслодельной промышленности — технологическая экспертиза. Свыше двухсот документов следователь подверг графической экспертизе. Обвинительное заключение имело 150 печатных страниц.

К недостаткам организации государственного обвинения относится позднее назначение обвинителя. Весьма полезно назначать обвинителя до передачи дела в суд, так как у него сохранится больше времени для ознакомления с материалами дела. Он получит возможность уточнить со следователями ряд вопросов, вызывающих сомнение. Будущему обвинителю полезно и докладывать дело в подготовительном заседании суда. К сожалению, все эти вопросы не решены, и практика разнообразна.

При изучении материалов предварительного следствия обвинитель должен в полной мере использовать в суде весь доказательственный материал, собранный следователем. Поэтому тщательное ознакомление с материалами предварительного следствия имеет весьма важное значение. У обвинителя до судебного заседания должно быть ясное и четкое представление о всех обстоятельствах дела а главное — о всех прямых и косвенных доказательствах. Он должен осознать личность и роль каждого подсудимого, еще не видя его, по материалам предварительного следствия.

Следовательно, имеет важное значение и техника конспектирования материалов дела, так как правильное расположение в записях прокурора доказательств, собранных в ходе предварительного следствия, имеет существенное значение. Эти записи освобождают память обвинителя от запоминания отдельных мелких деталей дела, не лишенных известного значения, противоречивых показаний подсудимых, свидетелей и экспертов.

Все записи по данному делу я расположил в четырех разделах по признакам той отрасли, в которой действовали отдельные группы преступников. В первом разделе у меня имелись записи, относящиеся к преступной деятельности подсудимых с маслозаводов; в следующем разделе — о преступниках, орудовавших в промысловых артелях; в третьем разделе — о подсудимых из торгов; в четвертом разделе — о посредниках-связистах, выполнявших поручения организаторов хищения. По данному делу с большим числом подсудимых, с обилием количества операций, производимых преступниками, мне представлялось, что это — лучший способ расположения моих записей.

В каждом разделе моих записей я имел как бы «лицевой счет» на каждого отдельного подсудимого, где отмечал кратко содержание его показаний (со ссылками

на номер тома и листы этого тома), перечень доказательств его вины.

Помимо этого, на свидетелей, вызываемых в судебное заседание, также имелся «лицевой счет», причем фамилия свидетеля, вызываемого в суд, была подчеркнута красным карандашом в отличие от свидетелей, которые не вызывались в судебное заседание. В «лицевой счет» свидетеля я кратко записывал содержание всех его допросов (со ссылками на тома и листы дела).

На отдельных листах в соответствии с четырмя указанными разделами были отдельные записи из данных экспертами заключений. Подробно конспектировать заключения экспертизы не было необходимости, так как у меня были вторые экземпляры заключений экспертизы.

Подобное конспектирование материалов дела и расположение записей дает прокурору возможность лучше усвоить все, даже второстепенные детали. Этот труд не пропадает даром.

Подсудимый, бывший начальник цеха артели «Химширпотреб» Ружайло, отрицал в суде свою вину в том, что он, получая масло, оформлял в производственных отчетах об израсходовании маслоотходов, в соответствии с фиктивным сертификатом. Стремясь доказать, что с Вяземского маслозавода были получены низкосортные маслоотходы с большим содержанием воды, используя заявление в суде подсудимого Маркушина, что в прессовые ямы попадала подпочвенная вода и в связи с этим якобы понижалась жирность, подсудимый Ружайло и его адвокат Гершуни выставили свидетелей, что жиры, привезенные в артель, замерзали в бачках и их приходилось размачивать. Зная, что в показаниях Маркушина есть указание только на единственный случай хранения в прессовых ямах маслопродукции в 1947 году, обвинитель путем дополнительного допроса бывшего директора Маркушина, главного инженера Полева, свидетеля Чнанникова и технологических экспертов опроверг версию подсудимого Ружайло и его адвоката и установил, что прессовые ямы не могут служить этим целям, так как они имеют другое назначение. Таким образом было установлено, что масло и маслоотходы содержали стандартное количество влаги. Сложное «сооружение» защитника Гершуни рухнуло, так как масло не могло попасть в прессовую яму и смешаться с водой.

Активное участие обвинителя в судебном процессе способствует установлению истины.

В ходе судебного следствия обвинитель должен напряженно следить за изменениями общей линии обвинения, так как часто в судебном заседании показания подсудимых, свидетелей и даже экспертов изменяются, а эти показания могут повлечь за собой искажение общей перспективы.

Подсудимый Серебренный, бывший заместитель заведующего продовольственной базой торгового Ленинского района, на предварительном следствии утверждал, что он получал с маслозаводов три партии масла не по 2500 кг, а, как значилось в фиктивных накладных, по 600—650 кг, и подпись на этих фиктивных накладных он признавал за свою. Таким образом, он утверждал, что все масло, которое он получал, было оприходовано. Предварительное следствие опровергло это утверждение Серебренного рядом доказательств.

Серебренный в судебном заседании стал утверждать другое: что масла он получил то количество, которое значится по документам завода, т. е. по 2500 кг, но сколько и как оприходовал другой заместитель заведующего продовольственной базой подсудимый Гольдин, он не знает, фиктивные накладные он не подписывал, и они поддельные. Поэтому в судебном заседании встретилась необходимость подвергнуть графической экспертизе фиктивные накладные с подписью подсудимого Серебренного.

Хотя подсудимый и изменил показания, но они не повлияли на существо дела.

Подсудимые Кондрашина, Иванова и Вагин, являясь директорами магазинов торгового Ленинского района, реализовали неоприходованное масло. На предварительном следствии на очной ставке с подсудимым Серебренным и шофером Кудиновым они вынуждены были признать получение неоприходованного масла в значительно большем количестве, чем было оприходовано по накладной продовольственной базы.

В судебном заседании они стали категорически отрицать получение масла сверх накладной. Объективными доказательствами, показаниями свидетелей и данными судебно-бухгалтерской экспертизы их вина была доказана, и существо предъявленного им обвинения не изменилось.

Не только подсудимые и свидетели меняют свои показания, но иногда и эксперты без достаточных оснований дают в суде противоположное заключение, как это имело место с бухгалтерами-экспертами по данному делу Задорожным и Новиковым.

По делу обвинялся главный бухгалтер артели «Мосхимкраска» Карева за соучастие в хищении, выразившееся в том, что она получала систематически дополнительные счета помимо банка, на суммы значительно превышающие основной счет, получаемый через банк от Вяземского маслозавода на одну и ту же партию маслопродукции, эти счета визировала к оплате без контроля банка, в уплату по дополнительным счетам отпускала главному бухгалтеру Вяземского маслозавода Свиридову-Рябову и его сожительнице Конченко различные товары-изделия артели. Эти действия Карева осуществляла в нарушение Положения о кредитной реформе и положения о старших и главных бухгалтерах. Указан-

ные выше бухгалтеры-эксперты на предварительном следствии признали, что все эти действия главного бухгалтера Каревой противоречат указанным Положениям и являются нарушением действующих инструкций о порядке взаиморасчетов между предприятиями.

В судебном заседании в связи с дополнительными вопросами защитника Каревой, эти же бухгалтеры-эксперты дали совершенно противоположное заключение, — что в действиях Каревой нет нарушений правил бухгалтерского учета. Обвинитель, в опровержение неправильного заключения бухгалтеров-экспертов вынужден был представить письмо Государственного банка СССР, что все расчеты должны производиться через банк или под контролем банка и производство расчетов по предъявленным дополнительным счетам товарами, взамен оплаты этих счетов платежными поручениями через банк, — является незаконным. Суд согласился с позицией обвинителя и с заключением Госбанка, признав в этой части ответы судебно-бухгалтерской экспертизы неправильными.

Всякого рода попытки подсудимых ввести суд в заблуждение должны быть парированы активными действиями обвинителя путем допроса подсудимых, свидетелей и экспертов и путем представления дополнительных доказательств.

В ходе судебного следствия активность обвинителя определяется не количеством возбужденных им ходатайств или вопросов, заданных подсудимым, свидетелям и экспертам, а качеством этих действий, продуманностью их, настойчивым и принципиальным отстаиванием правильных и обоснованных позиций обвинения.

Допрос, производимый обвинителем, должен быть четок и ясен. Необходимо избегать постановки наводящих вопросов. Адвокат Гершуни, защищая подсудимого Ружайло, вел допрос, как я называл его в обвинительной речи, «методом вопросно-ответным», т. е. сам защитник задавал и сам же на него отвечал, обращаясь к допрашиваемому обычно так: «позвольте вас так понимать...» и дальше излагал желательный для него ответ. Я был вынужден просить суд обратить внимание защитника на неправильную форму допроса.

Такой метод допроса неправилен и может затемнить истину, не способствует выяснению объективных обстоятельств дела.

В ходе судебного следствия некоторые прокуроры иногда становятся на неправильный путь, тенденциозного подхода к делу. Они решительно отвергают в своих заключениях просьбу о приобщении к делу документов, представляемых подсудимыми и защитниками, отвергают возможность истребовать дополнительные документы или вызвать дополнительных свидетелей по ходатайству подсудимых или защитников. Такое поведение обвинителя снижает в глазах суда его авторитет как представителя государства и вместе с тем показы-

вает, что обвинитель как бы боится, что представлением новых доказательств будет опровергнуто обвинение. Все это указывает на его неуверенность, на неспособность убедительными аргументами, основанными на совершенном знании материалов предварительного следствия, опровергнуть представляемые защитой доказательства. Кроме того, такая позиция обвинителя создает впечатление необъективности обвинителя.

Обвинитель должен решительно возражать против всякого рода крючкотворства, направленного на затяжку рассмотрения дела и на затуманивание ясных обстоятельств дела и роли подсудимых.

Некоторые прокуроры высказывают недовольство адвокатами, защищающими подсудимых, считая, что те необъективны при рассмотрении дела, не способствуют во многих случаях суду найти материальную истину, считая действия адвокатов недобросовестными.

Подобные высказывания иногда действительно справедливы в отношении отдельных адвокатов, однако огульный характер таких высказываний является следствием неправильного понимания роли защитника. Нельзя требовать от защитника, чтобы он обвинял, а не защищал своего подсудимого. Молодой защитник подсудимого Фрадкина в своей речи указал, что он, несмотря на полное отрицание вины его подсудимым, признает, что часть вины Фрадкина доказана объективными данными. Он сообщил, что Фрадкин в разговоре с ним считал, что он все равно будет осужден независимо от признания или отрицания своей вины. Такая речь защитника дала основание Фрадкину в последнем слове утверждать, что защитник не защищал, а обвинял его. Я не собираюсь высказываться относительно задач и роли защитника, но приведенным фактом хотел бы отгнетить правильную позицию адвоката и опровергнуть предвзятое отношение к задачам защитника.

К недобросовестным защитникам, пытающимся иногда неправильными приемами запутать дело, я также отношусь отрицательно. В состязании сторон — обвинителя и защитника — следует пользоваться только честным оружием.

К произнесению обвинительной речи следует готовиться на протяжении всего хода судебного следствия, каждый перерыв в заседании следует использовать для записей отдельных, установленных в судебном заседании положений, подтвержденных доказательствами. Следует записывать и наиболее характерные вопросы защитников и ответы свидетелей и подсудимых, которые обвинитель намеревается использовать в обвинительной речи. По ходу судебного следствия у обвинителя накапливается значительный фактический материал. Кроме того, «на лицевых счетах» подсудимых и свидетелей я делаю в судебном заседании записи, в какой части произошли изменения в показаниях допрошенных в суде

лиц. Эти «лицевые счета» служат мне важным материалом при подготовке обвинительной речи.

Пользуясь всем этим материалом, остаётся лишь привести его в определённую систему и сделать окончательные выводы о доказанности обвинения, о соответствии квалификации преступлению.

При подготовке к обвинительной речи я делаю много записей, как бы очень подробные тезисы. Все эти записи расположены в определённой логической последовательности.

Большие записи к обвинительной речи я считаю необходимым делать вследствие некоторых особенностей моей памяти: она лучше сохраняет зрительные восприятия, т. е., как принято говорить, я обладаю зрительной памятью, поэтому значительно лучше запоминаю записанное.

Во время самой речи эти записи очень полезны. Основные мысли, имеющиеся в этих записях, я сохраняю в памяти и по ходу речи их развиваю и обосновываю, но стараюсь их произносить, а не читать. По моим наблюдениям, речь, которую оратор читает, менее доходчива и порой утомляет слушателя, а речь, которую оратор произносит, более доходчива и убедительна и производит на слушателей большее впечатление.

Всякую судебную речь принято начинать с определения общественно-политиче-

ского значения рассматриваемого дела. В этой очень важной части речи некоторые судебные ораторы допускают ошибки, предполагая, что следует говорить не по вопросам, связанным с рассматриваемым делом, а лишь о больших политических задачах и о сущности нашей внутренней и внешней политики.

Обвинительная речь тоже должна содержать вводную часть, в которой обвинитель обязан изложить общественно-политическое значение данного процесса. Вводная часть моей обвинительной речи по делу о хищении масла и содержала перечисление тех характерных черт, которые давали основание считать, что это дело имеет большое общественно-политическое значение: громадный размер расхищенного, крупная, организованная группа расхищателей, совершающая хищения особо опасными способами и методами.

В этой части я привел указания товарища Сталина о значении охраны нашей социалистической собственности — экономической основы нашего строя.

Хорошо бы прокурорам — государственным обвинителям почаще делиться своим практическим опытом, высказывать свои пожелания с целью улучшения организации и содержания работы по поддержанию государственного обвинения.

Д. Машин

НЕДОСТАТКИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ОТЧУЖДЕНИЕМ ДОВОЛАДЕНИЙ

Сталинская Конституция устанавливает, что право личной собственности граждан СССР на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан охраняются законом (ст. 10). Личная собственность граждан СССР, являясь результатом их трудовой деятельности, базируется на общественной социалистической собственности, представляющей собою основу советского строя, источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» выражает рост зажиточности нашего населения и заботу большевистской партии и советского правительства о дальнейшем повышении материального и культурного уровня советского народа в условиях постепенного перехода нашей страны от социализма к коммунизму.

Вот почему важное значение имеет в настоящее время правильное рассмотрение судами дел, затрагивающих имущественные интересы граждан.

В этой статье мы коснемся недостатков судебной практики по искам, основанным на сделках об отчуждении домовладений, когда стороны не оформили сделку в нотариальном порядке. Как известно, такие иски суды рассматривают в порядке ст. 29 ГК РСФСР (и соответствующих статей ГК других союзных республик), устанавливающей, что несоблюдение требуемой законом формы влечет за собой недействительность сделки лишь в том случае, когда такое последствие несоблюдения формы прямо указано в законе. Судебная практика РСФСР при разрешении вопроса о действительности или недействительности договора, подлежащего заключению в определенной форме, руководствуется инструктивным письмом ГКК Верховного суда РСФСР за 1927 год № 1, в котором указано, что «сделка, совершенная с нарушением ст. 29 ГК, но не заключающая в себе ничего противозаконного или явно убыточного для

государства, фактически целиком или в большей своей части выполнения сторонами, может быть в интересах участвующих в сделке трудящихся признана судом действительной, с возложением на заинтересованную сторону обязанности оформить сделку в нотариальных органах в определенный судом срок».

На основании таких решений народных судов по искам, основанным на сделках об отчуждении домовладений, рассмотренным в порядке ст. 29 ГК РСФСР, стороны обращаются в нотариат для оформления и удостоверения договоров купли-продажи, дарения домовладений и строений, возведенных по договорам о праве застройки.

Нотариальная практика по г. Москве показывает, что в некоторых случаях нотариус при обращении к нему сторон не имеет возможности оформить куплю-продажу домовладений по решению народного суда, вынесенному в порядке ст. 29 ГК РСФСР. Это объясняется рядом существенных недостатков в таких решениях, неясностью их, а иногда даже и нарушениями со стороны судов материального и процессуального законов. В отдельных решениях народных судов г. Москвы по делам этой категории имеются нарушения ст. 6 Конституции СССР и ст. 21 ГК РСФСР, устанавливающих, что земля как государственная собственность не может быть предметом купли-продажи, предметом частного оборота.

Народный суд 9-го участка Красно-Пресненского района г. Москвы 1950 года, рассмотрев дело по иску Поповой М. П. к Гребенщиковой Е. Г. о признании права собственности на долю домовладения № 8 по пятой улице Шеленихе г. Москвы, вынес решение о признании за истицей одной четырнадцатой, а за ответчицей тринадцати четырнадцатых долей домовладения и обязал стороны оформить эту сделку как куплю-продажу в нотариальном порядке. Нотариус вынужден был отказать в оформлении этой сделки купли-продажи одной четырнадцатой доли домовладения.

Одной из основных причин отказа в удостоверении этой сделки является следующая. Как видно из решения народного суда, Попова не покупала долю указанного домовладения, не было даже домашней сделки купли-продажи доли домовладения. В решении народного суда указано, что истица в 1936 году купила у мужа ответчицы «часть двора», на месте которого самавольно выстроила для себя строение, но нигде его не оформила. Таким образом, здесь имела место купля-продажа не доли домовладения, а земельного участка. В довершение к этому нотариальная контора лишена была возможности удостоверить сделку продажи доли домовладения, так как не было другой стороны в этой сделке: ответчица, указанная в решении суда как продавец домовладения, вовсе не является собственницей домовладения и по-

этому не может продавать то, что ей не принадлежит. Согласно справке и регистрационному удостоверению на момент обращения истицы в нотариальную контору указанное домовладение принадлежало умершему мужу ответчицы Гребенщикову М. Б.

Как видно из решения суда, после смерти Гребенщикова М. Б., наследниками на основании ст.ст. 418 и 420 ГК РСФСР в равных долях являются ответчица, ее сын и дочь; однако никто из них не оформил своих наследственных прав, т. е. они не вводились в право наследования путем получения свидетельства нотариата о праве наследования.

Почему же суд признал долю домовладения за ответчицей и за счет чьей из наследников доли отчуждается Поповой одна четырнадцатая часть домовладения? Само собой разумеется, что при таких неясностях относительно существа сделки, подлежащей удостоверению, нотариат правильно отказал в удовлетворении этого договора.

Эти серьезные нарушения норм ГК РСФСР суд допустил главным образом в результате невыполнения требований ст. 80 ГПК РСФСР, обязывающей суд назначать гражданские дела к слушанию в судебном заседании лишь после того, как дело будет подготовлено к слушанию, т. е. уточнены требования и возражения сторон, выявлены и собраны необходимые для решения дела доказательства. Правильно подготавливая дело к слушанию, суд выяснил бы, что Гребенщиков Е. Г. не является собственником домовладения, на долю которого он просит признать право Попова М. П. Выяснив это, народный суд обязан был бы разъяснить Гребенщковой, что она и ее дети как наследники могут обратиться в нотариальную контору за получением свидетельства о праве наследования.

Правовая регистрация домовладений и строений, возведенных по договору права застройки, и регистрация перехода права собственности в целом или в части от одного лица к другому лицу возложены на отделы коммунального хозяйства исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся (в Москве на учетно-технические секторы). Однако суды не вызывают представителей учетно-технических секторов в судебные заседания при рассмотрении дел этой категории.

Одним из основных документов, без которого суд не может подготовить к слушанию и правильно рассмотреть дело этой категории в судебном заседании, является справка учетно-технического сектора районного исполкома. В этой справке указывается: является ли это домовладение на праве личной собственности или же это—строение, возведенное по договору о праве застройки; адрес, фамилии, имена и отчества всех совладельцев и размер идеальной доли домовладения, принадлежащей каждому из них; основание владения (договор купли-

продажи, договор о праве застройки, свидетельство о праве наследования, решение народного суда и т. д.); размер общепольной жилой площади и земельного участка, инвентаризационная оценка и т. п. Однако, как показывает практика, народные суды во многих случаях рассматривают дела этой категории без указанной справки и в результате не выясняют, кто является владельцем, и выносят неправильные решения.

Народный суд того же участка рассматривал дело «по иску Степановой, Лекасовой, Васиной и Фадеевой к Сенатской, встречному иску Сенатского к Степановой, Лекасовой, Васиной и Фадеевой и встречному иску Киселевой и Степановой к Сенатской о признании собственности на часть строения». Существо этого дела заключается в следующем: из решения народного суда и справки учетно-технического сектора районного совета видно, что владельцами спорного домовладения явились семь человек в различных долях: Сенатский И. Д., Поздняков П. Ф., Селезнева Е. В., Шнейдер С. И., Киселева Х. М., Липовецкий Ш. Я. Ответчица Сенатская и ее сын Сенатский Александр, предъявивший встречный иск, не имели никакой доли в спорном домовладении. Сенатский И. в 1938 году продал Шнейдер, Киселевой и Липовецкому долю домовладения, оформив продажу в нотариальном порядке. В 1942 году Сенатский И. умер. После его смерти жена его, ответчица по делу Сенатская и его сын Сенатский Александр, предъявивший встречный иск по настоящему делу, не оформили своих наследственных прав на 34/100 доли домовладения, как не оформили этих прав и другие дети умершего Сенатского, о которых упоминается в решении народного суда, но кто они и количество их судом не указано. В 1942 году часть домовладения сгорела, в том числе сгорела и часть, проданная наследодателям Киселеву, Липовецкому и Шнейдер. В 1944—1945 гг. жена умершего Сенатская, не вводясь в права наследования после смерти мужа на 34/100 доли домовладения, а также не являясь владелицей долей, принадлежащих Шнейдер, Киселевой и Липовецкому, продала по домашней сделке 44/100 долей домовладения истцам по делу. В числе проданных 44/100 долей домовладения были проданы также и 26/100 долей, принадлежащих Шнейдер, Киселевой и Липовецкому. На участке земли, где находилась спорная часть домовладения, истицы Степанова, Лекасова, Васиная и Фадеева самовольно возвели для себя какие-то строения без разрешения соответствующих органов. Следовательно, фактически были проданы участки земли, что является нарушением ст. 6 Конституции СССР и ст. 21 ГК РСФСР.

Решением народного суда за истцами было признано 44/100 доли домовладения, и сторонам было предложено оформить эту сделку в нотариальном порядке. Следова-

тельно, нотариат в силу ст. 183 ГК не имел права удостоверить такой договор.

Между тем, народный суд при рассмотрении этого дела не истребовал справки о правовой регистрации домовладения из учетно-технического сектора районного совета для установления действительных совладельцев домовладения. В результате отсутствия этой справки суд признал Сенатскую владельцем домовладения и, следовательно, стороной, которая должна оформить в нотариальном порядке договор купли-продажи 44/100 доли домовладения истцам. Но Сенатская и ее сын по правовой регистрации в учетно-техническом секторе не являлись совладельцами домовладения. Они могли бы быть совладельцами, если бы оформили в нотариальном порядке свои наследственные права, в соответствии со ст. 435 ГК РСФСР после смерти Сенатского И. При этом оформиться в наследственных правах следовало бы и другим его детям, о которых в решении народного суда сказано только, что «дети Сенатской имеют право наследства и на этот дом». Несмотря на то, что Сенатская и ее сын Александр не получили свидетельства о праве наследования в нотариальной конторе и не произвели правовой регистрации этого наследства в учетно-техническом секторе районного совета, народный суд в своем решении указывает: «дом принадлежит ей (Сенатской) по праву наследства от покойного мужа».

Это исходное положение в решении народного суда по данному делу противоречит ст. 435 ГК РСФСР, которая устанавливает, что наследственные права оформляются нотариатом. Суд не вправе был по данному иску устанавливать наследственные права.

Нотариальная контора была вынуждена отказать в удостоверении договоров купли-продажи, поскольку народный суд, вынося такое решение, допустил нарушение ст. 183 ГК РСФСР, в силу которой право продажи имущества, кроме случаев продажи с публичных торгов, принадлежит собственнику. В данном случае, как это видно из решения народного суда, ни Сенатская, ни ее сын Сенатский не являлись собственниками того, что было ими продано Фадеевой, Степановой, Лекасовой и Васиной.

Народный суд вправе согласно ст. 428 ГК РСФСР разобрать дело по иску о наследстве, если имеется спор между наследниками, но в данном случае никакого спора между наследниками о наследстве не было, и вопрос, связанный с наследованием, должен был быть разрешен нотариальной конторой на основании ст. 435 ГК РСФСР, а не судом. Следовательно, наследники имели право обратиться в нотариальную контору по последнему месту жительства наследодателя, с заявлением о выдаче свидетельства о праве наследования.

Народный суд вправе также разобрать дело о наследстве, если нотариальная контора отказала выдать свидетельство о пра-

ве наследования наследникам, призванным к наследованию по закону или по завещанию. В этом случае суд рассматривает дело о наследстве по жалобе наследников на действия нотариуса в порядке ст. 231 ГПК РСФСР по существу, в данном деле и этого не было.

Суд нарушил также ст. 429 РСФСР, в силу которой наследник, присутствующий в месте открытия наследства и не заявивший в течение трех месяцев со дня открытия наследства подлежащему нотариальному органу об отказе от наследства, считается принявшим наследство. В данном случае дети наследодателя не заявляли об отказе от наследства, а суд лишил их этого права, так как своим решением признал фактически наследницей лишь жену наследодателя.

Сенатская продала 44/100 доли целого домовладения, а, как видно из справки учетно-технического сектора, мужу Сенатской принадлежало лишь 34/100 доли домовладения. Следовательно, если бы даже Сенатские ввелись в право наследования на 34/100 доли, то они могли бы продать только то, к чему ввелись бы в права наследования, но не 44/100 доли, а суд не должен был бы присуждать истцам по делу более того, что имел наследодатель.

Разберем другие дела, рассмотренные в порядке ст. 29 ГК РСФСР, когда суды допустили нарушения закона в области наследственного права.

Народный суд 2-го участка Ленинградского района г. Москвы рассматривая дело по иску Корчагиных Анастасии, Александра и Валентины, к Корчагину Игнату о разделе наследства, состоящего из целого домовладения, находящегося в Москве по 2-му Красноармейскому пер., по ходатайству сторон вынес определение о прекращении дела. Несмотря, однако, на такое определение о прекращении дела, суд по непонятным причинам продолжал рассмотрение дела и в том же определении признал право личной собственности за Корчагиным И. А., на две комнаты, размером в 14 и 4 кв. метра, или одну четвертую долю домовладения, за Корчагиными, Анастасией, Александром и Валентиной, — на три комнаты размером в 45 кв. метров, или три четвертых доли домовладения, и обязал «зарегистрировать определение в нотариальной конторе».

При вынесении этого определения суд допустил ряд нарушений. Прекратив дело, суд не должен был продолжать его рассмотрение. Установив в судебном заседании, что на домовладение, о котором шла речь, еще раньше нотариальной конторой было выдано свидетельство о праве наследования в одной пятой доле каждому, как сторонам по делу, так и Корчагину П. А., суд не должен был рассматривать дело о разделе наследства, поскольку свидетельство о праве наследования не аннулировано и судом также не аннулировано. Суд не должен был указывать, что определение подлежит ре-

гистрации в нотариальной конторе, так как нотариальные конторы не занимаются регистрацией определений и решений народных судов.

Установив в судебном заседании, что один из пяти наследников получивших свидетельство о праве наследования, Корчагин П. А., пропал без вести на фронте Отечественной войны, суд не должен был рассматривать дело по иску Корчагиной А. о признании за нею права наследования на долю Корчагина П., так как он судом еще не признан умершим в порядке ст. 12 ГК РСФСР, а в право наследования можно вводится лишь после смерти наследодателя. Но если бы даже Корчагин П. и был признан умершим, то и тогда суд не должен был выносить такое определение, а должен был бы разъяснить Корчагиным Игнату, Александре и Валентине, что им надлежит обратиться в нотариальную контору за получением свидетельства о праве наследования после их брата на имущество, ему принадлежащее, поскольку он не имел наследников, относящихся к первой и второй очереди, предусмотренных в ч.ч. 1 и 2 ст. 418 ГК РСФСР.

Суд неправильно признал в равной доле с братьями и сестрой наследницей к имуществу Корчагина Петра его мачеху Корчагину Анастасию, так как мачеха, как известно, не является наследницей после пасынка, а на его иждивении она никогда не была.

22 марта 1951 г. народный суд 8-го участка Москворецкого района г. Москвы, рассмотрев дело № 82—257 по иску Бутюгиной Надежды Евдокимовны к Бабановым Сергею Евдокимовичу и Нине Алексеевне о 1251 руб. и неизвестно по чьему встречному иску «о признании права наследования и аннулировании нотариального удостоверения», решил: «свидетельство о праве наследования, выданное 1-й Московской государственной нотариальной конторой гр. Бутюгиной Надежде Евдокимовне 7 июля 1946 г. по реестру № 1207, признать утратившим силу, признать право наследования за Бабановой Анной Никитичной на половинную долю и одну шестую второй половины за Бабановым Сергеем Евдокимовичем, Ниной Алексеевной (фамилии суд не указал), Бабановой Клавдией Евдокимовной, Страховой Марией Евдокимовной, Бутюгиной Надеждой Евдокимовной — по одной шестой доле второй половины за каждым; утвердить мировое соглашение от 22 марта 1951 г., по которому в части денежных расчетов по 22 марта 1951 г. стороны претензий друг к другу не имеют».

Вынося такое решение, суд нарушил ст. 176 ГПК РСФСР, в силу которой решение должно содержать в себе: время постановления; состав суда и наименования тяжущихся; указание предмета спора; основания решения и законы, которыми суд руководствовался; содержание вынесенного по делу решения и порядок его исполнения; порядок обжалования, распределение

суд
ние
вол
наз
сле
то
оби
не
сте
]
то
ра
пр
ни
сти
зи
вт
дс
ос
ш
То
вт
1С
вз
де
би
тс
и

яп
н
к
н
д
а
ч

п
н
с
ш
е
е
г
е
т
е
г

судебных издержек. Суд не указал основные решения и законы, которыми он руководствовался при вынесении решения, не назвал предмета спора, т. е. о каком наследстве шла речь в судебном заседании: то ли спор был о предметах домашнего обихода, то ли о строениях в какой-то доле, не определил, в чем выражалась наследственная масса.

Из представленной в нотариальную контору справки учетно-технического сектора районного совета видно, что наследодателю принадлежала одна вторая доля всех строений, возведенных по договору о праве застройки. Следовательно, суд не мог признать за Бабановой Анной Никитичной одну вторую долю всех строений и одну шестую долю второй половины строений, а за остальными пятью наследниками по одной шестой доле второй половины за каждым. Той же справкой подтверждается, что одна вторая доля всех строений принадлежит с 1939 года Деевой Пелагее Ефимовне, не входящей в круг наследников по данному делу. Как видно, наследственной массой была одна вторая доля всех строений, которая должна была быть предметом спора и о которой только и могла идти речь.

Если в действительности наследниками являются перечисленные в мотивировочной части решения шесть человек и в такой пропорции, как решил суд, то Бабанова Анна имеет право только на семь двадцать четвертых доли всех строений, а остальные пять человек одну двадцать четвертую долю всех строений каждый.

Судом нарушены ст. 435 ГК РСФСР и п. «в» ст. 10 положения о государственном нотариате РСФСР, в силу которых выдача свидетельства о праве наследования лицам, признанным к наследованию, входит в функции нотариальных контор, а в данном случае суд сам признал за сторонами право наследования, вместо того чтобы вынести решение об аннулировании свидетельства о праве наследования и разъяснить сторонам, что они могут обратиться в нотариальную контору за получением свидетельства о праве наследования.

Признавая за наследниками право наследования, народный суд не аннулировал свидетельство о праве наследования, выданное первой Московской государственной нотариальной конторой на имя Бутюгиной, Надежды Евдокимовны, а признал это свидетельство утратившим силу, тогда как последнее не может утратить силу, а может быть лишь аннулировано судом.

В описательной части решения суд указал, что свидетельство о праве наследования было выдано с нарушением ст. 413 ГК РСФСР, а в действительности нотариальная контора не могла нарушить эту статью, поскольку она говорит о том, как возмещается вред, причиненный наступлением страхового случая.

Некоторые суды, рассматривая дела этой категории, недостаточно активно реагиру-

ют на случаи самовольного строительства, произведенного без ведома соответствующих органов.

По действующему порядку исполнительные комитеты городских и поселковых Советов депутатов трудящихся обязаны организовать через соответствующие отделы коммунального хозяйства охрану находящихся в их ведении земель от самовольного строительства, а индивидуальные застройщики за производство самовольного строительства привлекаются к уголовной ответственности по ст. 90 УК РСФСР.

Как видно из практики первой Московской государственной нотариальной конторы, соответствующие отделы Московского городского исполкома ведут недостаточную работу по борьбе с самовольным строительством, в результате чего строения переоборудуются, обрастают пристройками, надстройками и отдельными строениями, самовольно возведенными на земельных участках, предоставляемых в пользование владельцев строений. И народные суды не только не выносят определений о направлении материалов в прокуратуру для возбуждения уголовного преследования против лиц, самовольно возводящих пристройки, надстройки и отдельные строения, но даже не ставят вопроса о сношении в случаях необходимости самовольно возведенных строений. Иногда некоторые суды, не считаясь с тем, кто возводил самовольно строение, т. е. лицо ли, продавшее эти строения, или лицо, купившее его, считают домашний договор действительным и обязывают нотариальные органы удостоверить договор купли-продажи. Установлены отдельные случаи, когда народные суды признавали в порядке ст. 28 ГК РСФСР действительными явно незаконные сделки.

Народный суд 9-го участка Красно-Пресненского района Москвы рассматривал дело № 92—124 по иску Лавринович Евфросиньи Федоровны, Николая Ивановича, Ивана Ивановича и Михаила Ивановича к Рябкову, Кондюкову и другим о выселении и третьего лица колхоза «Смычка» к Лавринович о признании действительным соглашения, заключенного колхозом с Лавринович 25 сентября 1939 г. Суд признал соглашение от 25 сентября 1933 г. между Лавринович Евфросиньей Федоровной и колхозом «Смычка» действительной сделкой и возложил на них оформление сделки в нотариальных органах.

Однако в удостоверении этой сделки сторонам было отказано нотариальной конторой, так как из представленного соглашения было видно, что члены колхоза «Смычка» Лавринович И. П. и Е. Ф. заключили с колхозом «Смычка» соглашение на совместное строительство дома на приусадебном участке колхозников. Лавринович передал колхозу сруб, имеющийся пиломатериал и семьдесят листов кровельного железа, а колхоз «Смычка» обязался приобрести на свои средства недостающее количество строительного материала, по

ставить и отделать дом. Согласно этому соглашению одна вторая доля дома должна была быть собственностью колхоза и одна вторая доля дома собственностью колхозников Лавринович. Суд неправильно признал соглашение между колхозом «Смычка» и колхозниками Лавринович действительной сделкой и неправильно обязал оформить сделку в нотариальной конторе, так как такое соглашение является не договором купли-продажи строения, а соглашением о совместном строительстве дома, каковое было заключено с нарушением закона, ибо кооперативная организация не могла участвовать в строительстве дома совместно с частными лицами на приусадебном участке колхозников.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что далеко еще не все народные судьи

достаточно знакомы с законодательством, касающимся отчуждения домовладений и строений, возведенных по договорам о праве застройки, с законодательством о праве наследования и с Положением о государственном нотариате.

Органам юстиции необходимо помочь народным судьям, особенно вновь избранным, в изучении этого законодательства, в методике подготовки и рассмотрения этих дел. Необходимо проводить совместные совещания народных судей и нотариусов с приглашением представителей коммунального хозяйства для обсуждения итогов обобщения судебной практики по делам данной категории.

Нотариус 1-й Московской нотариальной конторы Е. Афанасьев

Вопрос о праве собственности на строение, возведенное на приусадебном участке колхозника, является одним из наиболее распространенных в судебной практике народных судов. В соответствии с Положением о государственном нотариате от 15.02.53 г. (ст. 10) сделки по отчуждению недвижимого имущества подлежат нотариальному удостоверению. Однако в силу ст. 11 того же Положения сделки по отчуждению недвижимого имущества, заключенные до вступления в силу указанного Положения, не подлежат нотариальному удостоверению. В связи с этим возникает вопрос о том, подлежат ли нотариальному удостоверению сделки по отчуждению недвижимого имущества, заключенные после вступления в силу Положения о государственном нотариате, но до вступления в силу ст. 11 того же Положения. Судебная практика по этому вопросу не является единообразной. Одни судьи считают, что такие сделки подлежат нотариальному удостоверению, другие — нет. В связи с этим возникает вопрос о том, подлежат ли нотариальному удостоверению сделки по отчуждению недвижимого имущества, заключенные после вступления в силу Положения о государственном нотариате, но до вступления в силу ст. 11 того же Положения.

Вопрос о праве собственности на строение, возведенное на приусадебном участке колхозника, является одним из наиболее распространенных в судебной практике народных судов. В соответствии с Положением о государственном нотариате от 15.02.53 г. (ст. 10) сделки по отчуждению недвижимого имущества подлежат нотариальному удостоверению. Однако в силу ст. 11 того же Положения сделки по отчуждению недвижимого имущества, заключенные до вступления в силу указанного Положения, не подлежат нотариальному удостоверению. В связи с этим возникает вопрос о том, подлежат ли нотариальному удостоверению сделки по отчуждению недвижимого имущества, заключенные после вступления в силу Положения о государственном нотариате, но до вступления в силу ст. 11 того же Положения. Судебная практика по этому вопросу не является единообразной. Одни судьи считают, что такие сделки подлежат нотариальному удостоверению, другие — нет. В связи с этим возникает вопрос о том, подлежат ли нотариальному удостоверению сделки по отчуждению недвижимого имущества, заключенные после вступления в силу Положения о государственном нотариате, но до вступления в силу ст. 11 того же Положения.

В
И
С
С
К
Г
Н
П
О
С
В
У
Г
И

**ПЯТАЯ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЛУЧШИХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ**

Вслед за республиканскими, краевыми и областными конференциями лучших следственных работников со 2 по 8 июня в Москве состоялась пятая учебно-методическая конференция лучших следователей органов Прокуратуры СССР.

Открывая конференцию, Заместитель Генерального Прокурора СССР А. Н. Мишутин вкратце охарактеризовал цель и задачи учебно-методических конференций. На основе широкой критики недостатков в следственной работе, обмена опытом участники конференции должны наметить пути к устранению этих недостатков и прежде всего волокиты в расследовании, обогатить практику своими достижениями в области расследования преступлений.

С докладом о состоянии следственной работы и мерах ее улучшения выступил и. о. начальника Следственного управления Прокуратуры СССР Г. Н. Александров. Он указал на резкое сокращение числа преступлений в нашей стране и продолжающийся рост преступности в странах капитализма, в первую очередь в США, где ежедневно совершаются сотни убийств, ограблений, изнасилований, краж и других преступлений, что вполне закономерно в условиях капитализма, порождающего преступность. В Советской стране созданы все необходимые условия для полного искоренения преступлений, и в этом вопросе роль прокуратуры является весьма важной.

Особое значение имеет решительная борьба с расхитителями социалистической собственности, подрывающими экономическую базу Советского государства. В расследовании этих преступлений имеются недостатки, хотя следствие по этим делам должно вестись особенно квалифицированно, следователь должен уметь разоблачать все ухищрения расхитителей. Нередко еще следователи, производя расследование хищения, ограничиваются «оформлением» материалов, полученных от ревизионных органов, не вскрывая глубоко преступления. Это ведет к тому, что преступникам в иных случаях удается ускользнуть от ответственности. Некоторые следователи не производят при расследовании таких важных следственных действий, какими являются обыски, осмотры и пр. Пренебрежение этими действиями приводит к снижению качества следственной работы. Не выполняется требование указа Президиума Верховного Со-

вета СССР от 4 июня 1947 г. о привлечении к ответственности лиц, виновных в недонесении о заведомо известном им хищении. Это требование указа не используется в должной мере следователями и прокурорами, как важнейшее средство борьбы с хищениями. С этим серьезным упущением в работе надо покончить. В равной мере надо усилить борьбу с попустителями аферы тех, которые описывались в фельетоне «Будем знакомы», помещенном в «Правде».

Большое значение имеет работа органов прокуратуры по предупреждению преступности, в особенности хищений.

Тов. Александров привел ряд примеров, показывающих государственную важность мероприятий по предупреждению хищений, необходимость в которых вскрывается при расследовании по тем или иным делам. В докладе было обращено внимание на необходимость вести борьбу за высокие темпы следствия. Снижение числа преступлений в СССР и уменьшение в связи с этим нагрузки следователей позволяет решительно поставить вопрос о ликвидации случаев волокиты в расследовании, снижающей эффективность борьбы с преступлениями.

Тов. Александров подчеркнул также важность повседневной заботы следователей о возмещении ущерба, причиняемого государству преступниками.

Большое внимание в докладе было уделено вопросу о следственных кадрах, от работы которых зависит качество следствия в органах прокуратуры. За последние два года в ряды следователей влился большой отряд молодых специалистов. Они успешно работают, причем многие из них не хуже, а порою и лучше старых, опытных следователей. Фамилии многих из них были названы в докладе. 35 таких передовых молодых следственных работников принимают участие в конференции.

Важная задача опытных прокурорско-следственных работников помогать молодежи и в дальнейшем совершенствовать свое мастерство, высоко держать знамя социалистической законности, соблюдать большевистскую принципиальность в своей ответственной, государственно важной работе.

Попрежнему задачей всех следователей остается неустанное повышение качества следственной работы. В связи с этим орга-

во время производства ревизии местной конторы «Главконсервмолоко» следователь осуществил ряд следственных действий, которые позволили установить фиктивность некоторых документов. Это обстоятельство было закреплено показаниями подотчетных лиц, еще «не разобравшихся» в обстановке и не успевших сговориться. В связи с тем, что уголовное дело было возбуждено еще в то время, когда шла ревизия, от следствия не ускользнули многие важные доказательства, которые при отсутствии оперативности были бы, несомненно, утрачены. Важное для дела значение имело ознакомление с первоначальными документами, которые были приготовлены к уничтожению или спрятаны. Чтобы установить это, следователь произвел обыск в конторе «Главконсервмолоко» и на квартире арестованного главного бухгалтера. После весьма тщательных поисков т. Фиоментов нашел в пристройке к квартире, где жил главный бухгалтер, сверток с денежными документами, приготовленными для уничтожения, на сорок с лишним тысяч рублей. Это были частные расписки управляющего конторой, получившего несколько тысяч рублей, частные расписки бухгалтера и т. д. Обнаруженные при обыске документы полностью изобличили преступников. Вместе с тем во время обыска следователь изъял ряд ценных вещей, которые обеспечили возмещение ущерба, причиненного государству преступниками. Следователь тщательно обыскал территорию огорода, где обнаружил наличные деньги. Не довольствуясь этим и имея сведения, что главный бухгалтер прятал деньги и ценности у своих знакомых, т. Фиоментов произвел обыски у них и изъял, кроме наличных денег (около 8000 руб.), принадлежавших главному бухгалтеру, еще ряд ценных вещей, в том числе изделия из драгоценных металлов. Результаты обыска позволили изобличить преступников объективными доказательствами и способствовали признанию обвиняемыми своей виновности в расхищении социалистической собственности.

Важность наблюдения за ходом ревизии, проводимой в связи с расследованием по уголовному делу, была показана и в сообщении т. Рыженко, который вел следствие по делу о хищениях в городском ломбарде. Во время ревизии в прокуратуру поступило сообщение о том, что бухгалтер Андреева получила большие ссуды за сданные ею в ломбард старые вещи. Рабочий стол Андреевой был вскрыт, и в нем нашли 51 залоговый билет, по которым было получено более чем на 17 тыс. руб. ссуд. Эта «находка» позволила размотать клубок преступлений, творившихся в ломбарде, руководители которого систематически складывали в неограниченном количестве вещи по завышенной стоимости. Оперативному возбуждению уголовного дела способствовала деловая связь между следователем и ревизорами. Ревизии в ломбарде производились и ранее, но ни разу они не

вскрывали хищений. Оперативно произведенные обыски застали преступников врасплох. При обысках у обвиняемых были обнаружены как вещественные доказательства их преступной деятельности, так и плоды преступлений. Уличенные материалами следствия, почти все участники хищений признали себя виновными. Расследованием было установлено, что обвиняемые — работники ломбарда, используя свое служебное положение, грубо нарушали установленный порядок сдачи вещей в залог и выдачи ссуд. Они по несколько раз получали ссуды, не погасив предыдущие, и хранили свои вещи не четыре месяца, как полагалось, а несколько лет. К тому же, оказалось, преступники славали в залог старые вещи, которые ломбард вообще не должен был принимать. Следствие по этому делу позволило вскрыть ряд типичных нарушений в работе ломбарда. В связи с этим прокуратура сделала соответствующие представления, по которым были осуществлены необходимые мероприятия по устранению условий, способствовавших преступлениям.

О важности анализа первичных документов говорил в своем сообщении т. Чистяков, доложивший на конференции о примененных им методах при расследовании по делу о хищениях общественной собственности в колхозе «Крестьянский труд». Дело это было возбуждено по инициативе следователя. Из беседы с инструктором — бухгалтером областного управления сельского хозяйства следователю стало известно о нескольких случаях разбазаривания добра в указанном колхозе. Выехав в колхоз, т. Чистяков тщательно ознакомился там со всей документацией и изъял те из документов, которые свидетельствовали о разбазаривании руководством колхоза общественной собственности. Своевременно произведенные обыски позволили следствию получить важные документы, подтверждавшие многочисленные злоупотребления, имевшие место в колхозе. Одновременно с производством обысков следователь описал имущество уличенных в хищениях преступников. Приняв меры к срочному проведению ревизии следователь наблюдал за работой ревизоров, что позволило по свежим следам установить новые факты преступлений, а главное, выявить получателей колхозных овощей и других продуктов, которые председатель правления колхоза Чувашкин разбазаривал. Работники саратовских учреждений и Пязовского района, где расположен колхоз, попадая в зависимость от Чувашкина, в свою очередь оказывали ему незаконные услуги и ослабляли контроль над его деятельностью. Изучение первичной документации позволило также вскрыть злоупотребления при продаже колхозной продукции на рынках и в рестораны г. Саратова.

Сообщение т. Кунакова показало, как успешно в случаях необходимости можно расследовать преступления бригадным спо-

собом. Благодаря этому быстро и всесторонне удалось раскрыть преступления в Жердевском районном исполкоме Тамбовской области, где расхищались государственные средства, выделенные для пособий многодетным и одиноким матерям. С помощью большого количества ревизоров следственная бригада организовала и сплошную проверку нескольких тысяч личных дел награжденных. Одновременно при содействии местных партийно-советских организаций и актива удалось проверить всех без исключения лиц, которым полагалась награда. Такой большой объем проверочных действий завершился успешно только благодаря тому, что прокуратура области применила бригадный метод расследования (кроме Кунакова, следствие вели еще три следователя). Особенно важно это было при организации обысков, в проведение которых включились другие работники прокуратуры и милиции. Обыски были произведены одновременно и к тому же внезапно. Благодаря этому было изъято большое количество ценностей и множество доказательств преступной деятельности обвиняемых (фальшивые бланки, разного рода записки и пр.).

О важности применения научно-технических средств при расследовании преступлений прочел доклад старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Н. А. Селиванов. Свообразной иллюстрацией к этому докладу явились сообщения народного следователя М. П. Сидорина (Ленинский район г. Омска) и старшего следователя М. Д. Атчикова (Ростовская область). Они рассказали, как применение научно-технических средств, сосредоточенных в следственном чемодане, способствовало раскрытию преступлений и изобличению преступников. Однажды т. Сидорину сообщили, что из магазина районного промкомбината совершено хищение большого количества мануфактуры. Прибыв на место происшествия со следственным чемоданом, т. Сидорин приступил к осмотру. На грядках огорода, находившегося во дворе промкомбината, следователь заметил свежие следы двух пар обуви. Две дорожки следов вели к забору, который отделял участок промкомбината от соседнего огорода.

Осмотр следов привел т. Сидорина к выводу, что след правой ноги в одной из дорожек имеет характерные особенности, свидетельствующие о некотором дефекте походки. Следы эти были сфотографированы по правилам масштабной фотографии, а с четырех следов (правых и левых ног на обеих дорожках) тов. Сидорин снял гипсовые слепки. Затем следователем был произведен осмотр огорода за забором, окружающим участок промкомбината. На грядках этого огорода имелись дорожки следов, аналогичные только что осмотренным. Эти дорожки вели к забору, отделявшему огород от улицы. На колючей проволоке, по-

верх забора, следователь заметил клочки материи, которые после фотографирования были изъяты. Служебно-розыскная собака милиции привела следователя к дому некоего Горюнова. Обыском в сарае Горюнова было обнаружено два тюка с мануфактурой (более 500 метров). Горюнов, однако, отрицал свою причастность к хищению, но объяснить, как оказалась мануфактура у него в сарае, не сумел. В момент обыска у Горюнова в гостях был его сосед Чухонцев. Изъяв их обувь, следователь с помощью экспертизы идентифицировал обувь, принадлежащую Чухонцеву. Эта обувь имела те же характерные дефекты, что обувь, следы которой были изъяты на огороде. Экспертиза установила также, что другие следы, обнаруженные на огороде, оставлены обувью Горюнова. При осмотре тюков мануфактуры было установлено, что из материала, в котором она была завернута, оказались вырванными кусочки ткани. При сопоставлении этого материала с кусочками того же материала, обнаруженного на колючей проволоке в огороде, оказалось, что эти кусочки полностью совпадают с вырванными местами в ткани. Это обстоятельство было зафиксировано в протоколе, а также путем фотографирования.

Таким образом, применение научно-технических средств позволило изобличить преступников, отрицавших свою причастность к хищениям, но тем не менее признанных судом виновными на основании всех объективных доказательств, собранных следствием.

Тов. Сидорин привел еще ряд примеров успешного применения научно-технических средств при расследовании преступлений.

Тов. Атчиков поделился своей практикой применения фотоаппарата при расследовании по уголовным делам, в частности применения светофильтра и насадочной линзы при съемке.

После этого участники конференции прослушали доклад старшего научного сотрудника Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики В. И. Тербилова «Методика расследования нарушений правил техники безопасности».

В докладе было показано, какое значение придается в Советском государстве борьбе с нарушениями правил техники безопасности и как пренебрежительно относятся к травмам на производстве в капиталистических странах, в особенности в США.

Указав на задачи наших следователей в борьбе с нарушениями правил техники безопасности, докладчик отметил пути для ликвидации еще имеющихся недочетов при расследовании указанных преступлений. Сюда прежде всего относится умелое применение научно-технических средств. Важную роль в улучшении следствия по таким делам играет неуклонное осуществление участковой системы, что, в частности, способствует более оперативному расследованию преступлений. Особо важное значение в борьбе

с
н
сти
пре
С
по
опа
прс
об
Е
ган
чес
Сл
СС
стр
сле
сти
до
П.
вы
ни:
но:
кр
во,
[
ее
о

пр
В.
по
те
ни
он
ри
де
ус
ж
лс
к
ее
ри
ли
Н
ри
ни
м
М
с
В
п
т
с
К
к
м
п
к
о
х
в
Г
в
п
н
у
п
с
п
1

с нарушениями правил техники безопасности имеет работа органов прокуратуры по предупреждению этого рода преступлений.

Сообщение о своем опыте расследования по делам о нарушении правил техники безопасности сделал народный следователь прокуратуры г. Нелидово Великолукской области Е. И. Кураго.

Вслед за этим с докладом о борьбе органов прокуратуры с выпуском недоброкачественной продукции выступил прокурор Следственного управления Прокуратуры СССР Г. Р. Гольст. Этот доклад иллюстрировали своими сообщениями старший следователь прокуратуры Пензенской области А. А. Колбяков и старший следователь прокуратуры Томской ж. д. П. А. Калашников. Первый расследовал выпуск недоброкачественной продукции одним из заводов сельскохозяйственного машиностроения, а второй выпуск — стрелочных крестовин низкого качества стрелочным заводом.

В последний день конференции участники ее заслушали ряд сообщений следователей о практике расследования убийств.

Один из старейших следователей органов прокуратуры подполковник юстиции В. С. Ручкин, выступая на конференции, подчеркнул важность закрепления доказательств, какими бы они на первый взгляд ни казались незначительными, — поскольку они могут скреплять обвинительный материал, собранный следователем. По одному делу, которое вел т. Ручкин, потребовалось установить, не является ли неизвестная женщина, труп которой был найден в болоте около Любани, именно той Л., розыск которой производился в связи с заявлением ее брата. В числе мелких деталей, которые в совокупности позволяли установить личность убитой, было коричневое пальто. На нем, по словам пятнадцатилетней дочери исчезнувшей женщины, имелись накладные карманы. Эти карманы перед отъездом матери из деревни были будто бы спорты. Между тем при осмотре пальто никаких следов карманов обнаружить не удалось. В остальной части показания девочки совпадали во всех деталях. Поэтому следователь решил во что бы то ни стало добиться подтверждения показаний и о карманах. И в самом деле: эксперт-криминалист при косом освещении сумел найти следы карманов в виде некоторой примятости ворса шерсти по линии, по которой когда-то прикреплялись карманы. Больше того, эксперт обнаружил в шерсти остатки трех черных хлопчатобумажных ниток, которыми в свое время были пришиты упомянутые карманы. Не оставляя невыясненным ни одного утверждения девочки, т. Ручкин добился полного подтверждения ее слов. Конечно, не только этими показаниями был уличен убийца. Обвинение базировалось на большом числе улик, кропотливо собранных следователем. Спустя два года после совершения преступления удалось найти свидетеля, видевшего покойную вместе с ее

мужем (оказавшимся убийцей) гулявшими по лесу около болота. Свидетель этот, охотник Б., настолько подробно описал внешность мужа и жены, что следователю показалось это даже подозрительным. Следователь подкрепил детализированный и казавшийся подозрительным рассказ свидетеля неопровержимыми объективными доказательствами.

Имея данные о том, что подозреваемый в убийстве Л. является упрямым и решительным человеком, следователь прежде, чем допрашивать, окружил его крепкой цепью доказательств. Не была забыта ни одна деталь из объяснений Л., данных им при прокурорской проверке заявления брата исчезнувшей Л., например, утверждал, что расстался со своей женой на станции Кулунда (Сибирь), откуда жена будто бы уехала по купленному им билету в г. Кузнецк. Следователь тщательно проверил эту возможность, и оказалось, что ни в день, указанный Л., ни в предшествующие или последующие дни со станции Кулунда в Кузнецк ни один билет продан не был. А чтобы Л. вдруг не заявил о другой дате поездки, следователь документально (путем изъятия приказов о предоставлении Л. отпуска и о возвращении его из такового) доказал, что Л. именно в эти дни проследовал мимо станции Кулунда в направлении к Ленинграду. Обвиняемый признал себя виновным. Но и здесь следователь остался верен себе и, прежде чем закончить следствие, неопровержимыми же доказательствами закрепил признание убийцы. Так, обнаруживая детали, а затем подтверждая их другими данными, следователь создавал цепь доказательств, скрепившую обвиняемого.

С сообщением о расследовании убийства Андреевой выступил молодой следственный работник А. С. Швалев (Горно-Марийский район Марийской АССР). Успешно раскрыв это убийство, тов. Швалев показал себя вдумчивым следователем, умеющим находить выход из сложных положений. Собрав множество серьезных улик против бывшего мужа Андреевой Полушина, тов. Швалев, однако, долгое время не мог найти трупа убитой. Обыскивая приусадебный участок дома, где жили Андреева и Полушин, следователь обратил внимание на два вишневых дерева, по всем признакам недавно пересаженных с другого места и притом, по словам Полушина, до исчезновения Андреевой. Изучая «историю» этих двух вишневых деревьев, следователь установил, что они были пересажены не до, а после исчезновения Андреевой. Пересадке деревьев предшествовал эпизод, замеченный соседями Полушина: однажды днем свинья разрыла яму на участке, где раньше, при Андреевой, стояла баня. Увидев эту яму, Полушин спешно пересадовал на это место указанные вишневые деревья. Изучая их, следователь обратил внимание на непомерно сухие, безжизненные сучья. Взявшись за ствол одного из деревьев,

тов. Швалев без всякого труда извлек его из земли. Корни дерева почти отсутствовали. В таком же состоянии было и второе вишневое дерево. Полушин при виде действий следователя стал проявлять с трудом скрываемое беспокойство. Следователь вызвал землекопов, и через несколько минут из земли был извлечен скелет человека. Полушин признался в убийстве Андреевой, а остатки одежды, гребенка и пр. были опознаны соседями как принадлежащие Андреевой.

Конференция заслушала сообщения народного следователя г. Могилева А. С. Шавенько и старшего следователя прокуратуры Сахалинской области И. Н. Денисенко о расследовании преступных абортов.

Участникам конференции был прочитан ряд лекций. Кандидат юридических наук доцент М. П. Шаламов прочитал лекцию «Косвенные улики по делам о хищениях государственного и общественного имущества». Старший научный сотрудник института криминалистики проф. В. Ф. Черваков выступил с лекцией об основных

вопросах судебно-медицинской экспертизы. Старший научный сотрудник того же института М. П. Калядинцев прочитал лекцию об организации борьбы со взяточничеством и методике расследования по делам о взяточничестве.

Заключительную лекцию на тему «Реакционная сущность буржуазной криминалистики» прочитал кандидат юридических наук С. П. Митричев.

Группа участников конференции совершила экскурсию в Музей управления милиции г. Москвы. Другая группа следователей посетила институт криминалистики, где они были ознакомлены с результатами исследования вопроса о возможности применения в следственной практике разработанного М. М. Герасимовым метода восстановления лица по черепу.

На заключительном заседании конференции с речью выступил Генеральный Прокурор СССР тов. Г. Н. Сафонов.

Лучшие следователи — участники конференции — отмечены специальным приказом Генерального Прокурора СССР.

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

★ Старший следователь прокуратуры
Томской ж. д.

т. Калашников

Дела, связанные с выпуском недоброкачественной и некомплектной продукции, являются в подавляющей своей части сложными как по характеру расследуемых событий, так и по методам расследования. Сложность расследования по делам этой категории требует от следователей глубокого изучения методических приемов и практического претворения их при ведении следствия.

В этой связи я хочу рассказать о тех методических приемах, которые были использованы при ведении следствия по делу о выпуске стрелочных крестовин низкого качества.

Ознакомившись с поступившими ко мне материалами и считая, что они достаточны для возбуждения уголовного дела, но не исчерпывают всей суммы вопросов, возникающих перед следствием, я решил выехать на завод. На заводе я прежде всего потребовал предъявить мне письма-рекламации с железных дорог. Ознакомившись с этими документами, я понял, что основным недостатком выпускаемых заводом стрелочных крестовин является быстрый износ деталей, которые вследствие недостаточной твердости металла сминались.

После ознакомления с письмами-рекламациями я произвел их изъятие, оформив это соответствующим протоколом. Одновре-

менно я принял меры к обеспечению сохранности таких документов, как плавильные журналы, в которых фиксируется технологический процесс плавки стали, а также журналов лаборатории завода с регистрацией химических анализов выпущенных плавок стали и механических испытаний изготовленных деталей, причем несколько позже, когда стало ясно, что эти журналы имеют значение вещественных доказательств, произвел их изъятие после производства осмотра.

Чтобы не быть введенным в заблуждение заинтересованными лицами и полнее ознакомиться с интересующими меня вопросами, я обратился за помощью к специалистам, о незаинтересованности которых в данном деле мне было достоверно известно. Пользуясь их консультацией, я в необходимых мне пределах изучил технологический процесс литья стали и ее термообработки, освоил специальную терминологию. Вместе со специалистами я ознакомился со всеми процессами изготовления на заводе интересующей меня продукции.

После этого я смог приступить к планированию следствия и изучению документации, подготовиться к допросу свидетелей.

На заводе имелось некоторое количество изготовленной, но еще не отправленной продукции. Возможно было провести соответствующие исследования качества металла, но то, что требовалось в других случаях, в данном случае не дало бы надежных результатов и не имело бы серьезного доказательственного значения.

Гораздо целесообразнее было подвергнуть исследованию те стрелочные крестовины, которые уже имели сильный износ. Химический и металлографический анализ металла этих крестовин выявил бы причины его низкого качества. С этой целью было изучено состояние изношенных стрелочных крестовин производства этого завода.

Из числа подвергшихся износу крестовин было отобрано около 20. Эти крестовины доставлялись на один из заводов, в лаборатории которого производились исследования. До начала исследования по мере поступления крестовин, производился их следственный осмотр при участии всех экспертов, работников лаборатории завода и Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта.

После осмотра с участием экспертов и всех заинтересованных лиц была согласована программа исследований образцов осмотренных крестовин, т. е. где именно взять образцы, какому их подвергнуть исследованию и по какому методу. Это также было оформлено соответствующим образом. Если добавить к этому, что крестовины были изъяты также с составлением актов, в которых указаны условия их укладки и эксплуатации, то мне кажется, что необходимая точность в отобрании образцов продукции для исследования была соблюдена.

Исследование было поручено незаинтересованным лицам, которые к тому же были предупреждены об их особой ответственности за точность анализов.

Было уделено большое внимание формулировке вопросов экспертизе с тем, чтобы они охватывали все интересующие следственные вопросы, были конкретными и не давали оснований для общих рассуждений. Конечно, я советовался с экспертами в отношении технической грамотности вопросов.

Как готовили и проводили допрос свидетелей по делу?

Общее правило, что без подготовки к допросу приступать нельзя, тем более относится к этой категории дел. Надо учесть, что при расследовании по делам, связанным с выпуском недоброкачественной продукции, как правило, следователи имеют дело с допросом свидетелей из числа инженерно-технических работников, которые, конечно, лучше следователя разбираются в тех технических вопросах, по которым им предстоит дать показания.

Трудная и в то же время почетная задача стоит перед следователем — тактически и технически умело провести допрос и вполне правильно записать показания свидетеля даже по самым сложным техническим вопросам.

С этой целью перед допросом тщательно просматривались материалы дела, в ряде случаев составлялся перечень вопросов, выяснение которых требовалось при допросе, во время допроса предъявлялись документы и ссылкой на них закреплялись показания свидетелей.

Если свидетель ссылался на документы, еще не имеющиеся в деле, то они истребовались и приобщались к делу вслед за протоколом его допроса. Таким образом, достигались конкретность, деловитость показаний и избегались общие фразы, рассуждения свидетеля.

Вместе с тем при допросах свидетелей исследовались вопросы, касающиеся истории внедрения в производство стрелочных крестовин.

Я считаю, что в делах, связанных с системой выпуска продукции низкого качества, необходимо допросом свидетелей и приобщением соответствующих документов устанавливать не только положение на момент производства следствия, но и те обстоятельства, пусть даже несколько отдаленные по времени, которые в их развитии привели к факту выпуска недоброкачественной продукции.

Конечно, в этом случае перед следователем возникают трудности, связанные с поисками в архивах документов, нахождением свидетелей, но зато это компенсируется не только полнотой следствия, но и возможностью применения мер по предупреждению выпуска недоброкачественной продукции.

Старший следователь прокуратуры Пензенской области т. Колбяков

В Следственное управление Прокуратуры СССР поступил сигнал о выпуске недоброкачественной продукции одним из заводов.

После ознакомления с письмами и отчетами приемщика Министерства сельского хозяйства на заводе, говорившими о выпуске заводом негодных сеноуборочных машин — сенопресс-подборщиков, Прокуратурой СССР было возбуждено уголовное дело по признакам ст. 128 п. «а» УК РСФСР, расследование по которому было поручено мне.

В начале следствия я ознакомился с выпускаемой заводом машиной — сенопресс-подборщиком и технологическим процессом ее изготовления.

Проходя по складу готовых изделий, я заметил, что многие сенопресс-подборщики со штампами отдела технического контроля потеряли свой товарный вид: на них облезла краска, многие детали заржавели. Несмотря на то, что машины имели резиновый ход, подставок под ними не было, и они стояли на земле под открытым небом, занесенные снегом.

Через заведующего складом готовых изделий я узнал, что сенопресс-подборщики хранились так около года, в результате чего и потеряли товарный вид.

Поскольку это было в апреле, когда не совсем еще растаял снег, я счел необходимым зафиксировать ненормальные условия хранения сенопресс-подборщиков путем панорамной фотосъемки в присутствии работника планового отдела и начальника

отдела технического контроля. Было сделано четыре фотоснимка.

По словам заведующего складом готовых изделий, эти машины не отгружаются в связи с тем, что их не принимает приемщик министерства, так как все они имеют отклонения от чертежей и технических условий.

В места отгрузки сенопресс-подборщиков были разосланы отдельные требования для установления работоспособности и качества машин. Допросами приемщика министерства и работников отдела технического контроля мною был установлен порядок приемки готовых сенопресс-подборщиков, причем установлено, что завод мог стгрузить только принятые приемщиками министерства машины.

Согласно изъятым в отделе технического контроля актам приемки сельскохозяйственных машин было принято значительно меньше сенопресс-подборщиков, чем было отгружено их сельскому хозяйству. Таким образом, ряд машин был незаконно отгружен без предъявления их приемщику министерства. Впоследствии мною было установлено, что самовольную отгрузку сенопресс-подборщиков помимо приемщика сознательно произвели директор и главный инженер завода, вопреки имеющемуся в то время запрещению на отгрузку со стороны главной инспекции по качеству машин министерства.

Через работников отдела технического контроля я узнал, когда и кем проводились проверки качества выпускаемых на заводе сенопресс-подборщиков, и все акты таких проверок изучил и изъясил.

После приобщения к делу указанных актов и допроса соответствующих лиц из числа мастеров производства и работников отдела технического контроля была доказана недоброкачественность скопившихся на заводе готовых машин, принятых отделом технического контроля, от приемки которых отказался представитель заказчика.

Должен сказать, что, несмотря на наличие столь веских доказательств недоброкачественности изготовленных машин, мною была назначена техническая экспертиза. Шесть инженеров-конструкторов после произведенных замеров деталей на машинах первого и предпоследнего выпуска обнаружили, что почти все детали изготовлены с отступлениями от чертежей и технических условий.

Для проверки работоспособности машин мне пришлось договориться с руководством областной конторы «Заготсено» о выделении сена для испытаний машин.

Во время испытания машин на работе в хозяйственных условиях произошла поломка отдельных деталей по причине недоброкачественного изготовления, а некоторые детали на машинах оказались негодными, и их пришлось заменить.

Я узнал также о том, что инженеры-конструкторы совместно со слесарями завода выезжали в отдельные места Советского

Союза, куда были отгружены сенопресс-подборщики, для испытания их работы в хозяйственных условиях. Допросами этих лиц было установлено, что много сенопресс-подборщиков оказались непригодными к работе, ввиду недоброкачественности их изготовления. В момент испытания некоторые машины поломались, и, поскольку поломка деталей произошла по вине завода, завод бесплатно отгрузил в эти места новые запасные детали.

В отделе сбыта мною была взята справка о таких дополнительных отгрузках запасных деталей.

Хочется сказать еще о двух важных фактах, выявленных мною в процессе следствия и имеющих большое доказательственное значение выпуска на заводе недоброкачественной продукции, а именно:

1) В ноябре 1950 года на заводе производилась контрольная разборка одного сенопресс-подборщика, в результате которой было выявлено много отклонений от чертежей. Несмотря на этот факт, руководством завода совершенно ничего не было сделано для предотвращения в дальнейшем сборки машин из деталей, имеющих отклонения от чертежей. 2) В октябре 1951 года, т. е. в конце производства сенопресс-подборщиков, по инициативе партийных органов на заводе было решено собрать один сенопресс-подборщик из деталей, точно соответствующих чертежам. Отборка таких деталей производилась шестью инженерами завода в течение почти трех месяцев из числа принятых отделом технического контроля деталей, поступающих на сборку готовых машин.

Из допроса этих инженеров и при ознакомлении с их записями замеров деталей было выяснено, что на сборку машин поступали детали, изготовленные с отступлениями от чертежей. Многих деталей, сложных по своей конструкции и изготовленных точно по чертежам, для контрольной сборки подобрать не удалось, ибо их на заводе не было.

Таким образом, был установлен, а директором и главным инженером завода подтвержден факт сборки сенопресс-подборщиков из деталей с отклонениями от чертежей и технических условий.

Следствием были выяснены причины изготовления деталей с отклонением от чертежей и технических условий и причины пропуска их контролерами отделом технического контроля.

Допросами технологов завода и производственных мастеров было установлено, что завод приступил к изготовлению сенопресс-подборщиков при отсутствии разработанного технологического процесса. Выяснилось, что руководство завода, стремясь выполнить производственную программу и не заботясь о качестве выпускаемой продукции, приступило к изготовлению сенопресс-подборщиков при отсутствии необходимой оснастки и соответствующих контрольно-измерительных инструментов, что и

яв
не
I
сл
ре
от
ра
ла
яв
пр

м
м
п
д
я
р
п
з
д
к
и
н
б

1
1
1

явилось основной причиной изготовления негодных деталей.

Наступил самый ответственный момент следствия — предъявление обвинения директору, главному инженеру и начальнику отдела технического контроля завода. Я еще раз ознакомился со всеми материалами дела, затем составил постановление о предъявлении обвинения и заготовил план допроса каждого из обвиняемых.

Кроме формулировки вопросов, я продумал, какие документы и чьи показания мною должны быть использованы при допросе. После предъявления обвинения директору и главному инженеру завода я допросил их. Сначала они пытались отрицать недоброкачественность выпускаемой продукции, но когда я их постепенно познакомил с отдельными, изъятыми мною документами и зачитал отдельные выдержки из показаний важных свидетелей, то ими в основном все изложенные в постановлении о предъявлении обвинения факты были подтверждены.

**Народный следователь прокуратуры
Ленинского района г. Тамбова
т. Кунаков**

В январе нынешнего года к нам в прокуратуру поступил акт ревизии, в котором говорилось, что старший инспектор отдела по государственным пособиям Жердевского районного исполкома Колмакова в 1950—1951 гг. по сфабрикованным ею документам присвоила более восьми тысяч рублей. Прокурор Жердевского района сообщил в областную прокуратуру, что 23 декабря 1951 г. в момент ревизии отдела по государственным пособиям, группа ребят обнаружила в проруби р. Бурначка 85 орденов и медалей для многодетных матерей.

Расследовать эти два преступных факта поручили мне. Я составил два отдельных плана расследования, но следствие решил вести одновременно по обоим фактам, чтобы установить, имеется ли между ними связь.

С самого начала я осмотрел и сфотографировал место обнаружения орденов и медалей с разных берегов реки, поросших густым кустарником, зимние дорожки, ведущие от проруби к ст. Бурнак и к ст. Жердевка, и близлежащие домики.

С целью проверки показаний ребят, обнаруживших ордена и медали, я организовал следственный эксперимент и во время его сделал ряд фотографий. Многие из жителей ст. Бурнак, которым я предъявил медали и ордена, заявили, что такие награды они часто видели в большом количестве у Колмаковой, когда она их разносила по дворам и вручала матерям. Колмакова, как выяснилось, проживала на ст. Бурнак и ходила ежедневно на работу в районный центр (Жердевку) и всегда мимо проруби, где были обнаружены ордена и медали.

Личные дела матерей за разные годы, проверенные мной, в части оформления документов сомнений не вызывали. Мне было ясно, что если по этим делам Колмакова расхищала государственные средства, под видом выплаты государственного пособия многодетным и одиноким матерям, то она не могла этого делать без содействия других лиц, в частности работников сельских советов, выдававших первичные документы. Раскрыть хищения можно было только путем проверки этих документов на месте.

В результате проверки получения и выдачи орденов и медалей в районном исполкоме за 1945—1951 гг. недостачи наградных знаков установить не удалось.

Добиться успеха в расследовании можно было лишь в том случае, если в сельских советах будет проверено как можно больше случаев выплаты пособий. Нужно было выяснить, действительно ли получили деньги те женщины, на которых оформлены личные дела. Таких дел было несколько тысяч.

Сплошная проверка личных дел была осуществлена с помощью большого количества ревизоров и представителей общественности.

Поскольку хищения производились несколько лет, было необходимо провести большое число следственных действий. Один следователь физически не мог всего выполнить. Поэтому по указанию прокурора области был применен бригадный метод ведения следствия, для чего мне в помощь выделили трех следственных работников.

Расследование показало, что на протяжении ряда лет в Жердевском районе грубейшим образом нарушалась инструкция о порядке оформления и выдачи государственных пособий многодетным и одиноким матерям со стороны руководящих работников районного исполкома, районного финансового отдела и некоторых сельских советов, что создавало условия для крупных злоупотреблений и хищений.

В нарушение инструкции многодетная мать не вызывалась на заседание сельского совета, а выписки из решения сельского совета с ходатайствами о назначении пособия оформлялись и подписывались председателем сельского совета в «рабочем порядке».

Заведующий районным финансовым отделом (он же заведующий отделом по государственным пособиям многодетным и одиноким матерям) не проверял личных дел многодетных матерей по их месту жительства, хотя это являлось его обязанностью. Личные книжки и чеки на получение денег (пособия) из сберегательной кассы он сам не выдавал, а поручал это Колмаковой и другим исполнителям.

Председатель и секретарь районного исполкома не обеспечили соблюдения установленного порядка, согласно которому оформленные Колмаковой материалы по выдаче государственного пособия должны

были рассматриваться на заседании исполкома районного совета депутатов трудящихся. Поэтому вопреки установленным требованиям представители сельских советов, знающие многодетных матерей и могущие удостоверить их личность, на заседание исполкома не приглашались.

Председатели и секретари исполкома районного Совета (их сменилось несколько) фактически ограничивали свою роль только тем, что подписывали представленные им проекты решений, заранее заготовленные преступниками.

Колмакова приобретала фиктивные медицинские справки о якобы родившемся ребенке, или с помощью работников сельского совета в документы многодетной матери вписывался новорожденный ребенок другой женщины. На основании врачебной справки через подставное лицо преступники добивались в записе получения свидетельства о рождении.

В тех случаях, когда в документы многодетной матери вписывался ребенок от другой женщины, у последней брали свидетельство о рождении якобы для учета новорожденных детей, но фактически оно копировалось, свидетельствовалось в нотариальной конторе и возвращалось обратно его владельце. В других случаях свидетельство о рождении ребенка полностью фабриковалось, а работниками сельского совета заверялось, что оно является якобы копией с подлинного. Таким образом, появлялась мнимая многодетная мать с правом получения единовременного государственного пособия.

Затем фабриковалась выписка из решения сельского совета с ходатайством о назначении государственного пособия многодетной матери и якобы согласно ее просьбе оформлялось решением районного исполкома, разрешающим выплату пособия. На основании всего этого заведующий отделом по государственным пособиям многодетным и одиноким матерям подписывал чеки на получение денег в сберегательной кассе.

Чеки вручались подставным лицам, которые от имени многодетной (вымышлен-

ной) матери по подложным справкам сельских советов получали в сберегательной кассе деньги и присваивали их. В качестве подставных лиц оказывались знакомые и родственники преступников, снабженные доверенностями от имени несуществующих многодетных матерей.

Способы хищения этим не ограничивались. Преступники использовали и другие лазейки. В процессе следствия было установлено, что в Жердевском районе нарушались не только правила оформления и выдачи государственного пособия; руководители районного исполкома игнорировали также порядок представления к награждению многодетных матерей и вручения награжденным знаков отличия.

Бывший секретарь районного исполкома Резинкин, на которого была возложена персональная ответственность за этот участок работы, относился к этому важнейшему делу с преступной безответственностью.

Областному исполкому регулярно высылались за подписью Резинкина заведомо ложные отчеты о сроках вручения наград. Обнаруженные в реке ордена и медали имели прямое отношение к хищениям денег по сфабрикованным личным делам на вымышленных многодетных матерей. Поэтому два следственных дела были объединены в одно.

Я не ограничился привлечением лиц, которые непосредственно расхищали и присваивали государственные средства. Были привлечены к уголовной ответственности и попустители: Резинкин, два заведующих районным финансовым отделом, работавших в разное время, — Ивлиев и Остроухов, председатель сельского совета Кудинов.

Мы провели ряд предупредительных мер. Исполком областного совета депутатов трудящихся наметил целую систему мероприятий, направленных на предупреждение преступлений указанного характера. Мы подготовили также представление о необходимости изменения порядка оформления и выдачи государственного пособия многодетным и одиноким матерям.

С Л Е Д С Т В Е Н Н А Я П Р А К Т И К А

УМЕЛОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАУЧНЫХ МЕТОДОВ РАССЛЕДОВАНИЯ

В ночь на 31 марта 1950 г. постовой милиционер 99-го отделения милиции г. Москвы заметил идущего гражданина, который при сближении с милиционером свернул в переулок, избегая с ним встречи.

Поздний час и то обстоятельство, что незнакомец избегает встречи, насторожили милиционера, и он задержал незнакомца. Задержанный оказался Войтишенко, электрик одной из строек. При нем оказались два электросчетчика. Войтишенко был доставлен в отделение милиции, и там у него были изъяты счетчики и клещи (щипцы). Будучи допрошен, Войтишенко заявил, что эти два счетчика он купил у Гусарова.

Допрошенный Гусаров показал, что Войтишенко он не знает и никогда ему счетчиков не продавал. Вторично допрошенный Войтишенко изменил показания и заявил, что эти два счетчика он нашел в ночь на 30 марта 1950 г., когда он был невольным свидетелем, как неизвестный гражданин, скрываясь от преследования милиционера, бросил какие-то предметы в канаву. Воспользовавшись этой «находкой», он взял счетчики, принес их на работу, спрятал под верстаком, а ночью решил отнести их домой.

К концу дня 31 марта стало известно, что минувшей ночью в доме № 49-а на 1-й Брестской улице и в доме № 1/9 на 4-й Тверской улице Москвы были похищены два действующих электросчетчика.

Однако Войтишенко продолжал утверждать, что он счетчики нашел.

В таком виде дело принял к производству следователь т. Шкаруппа. На допросе следователя Войтишенко продолжал утверждать то же самое. Он сослался на свидетеля слесаря Слободенюка. Последний подтвердил показания Войтишенко, однако, по ряду обстоятельств показания Слободенюка значительно расходились с показаниями Войтишенко.

Следователь, отправившись на место с понятыми, предложил сначала Слободенюку, а затем Войтишенко показать, где хранились счетчики. Один из них указал одно место, второй — другое. Было ясно, что Слободенюк из приятельских соображений пытался выручить Войтишенко, что он тут же и признал.

Но факт совершения кражи счетчиков именно Войтишенко еще не был доказан. Следователь путем допроса жильцов квартиры, где были похищены счетчики, путем

проверки и сличения номеров похищенных счетчиков и номеров счетчиков, изъятых у Войтишенко, установил, что это одни и те же счетчики, что похищены они именно в ночь на 31 марта. Осматривая счетчики, следователь обратил внимание на остатки на счетчиках одножильного провода с четырьмя концами длиной от пяти до шести сантиметров. Сопоставив эти концы с концами провода в месте их отсоединения, следователь обратил внимание на свежие следы откуса проводов каким-то острым инструментом.

Правильно предположив, что Войтишенко, похищая счетчики и, отсоединяя их от проводов, мог использовать изъятые у него клещи для перекусывания провода, следователь решил прибегнуть к помощи криминалистической экспертизы. Это было тем более правильно, что при рассмотрении режущей части клещей с помощью увеличительного стекла на них были заметны неровности, которые могли оставить след на перекушенном проводе.

Для производства экспертизы следователь с понятыми изъял концы проводов в месте их отсоединения в обоих квартирах. При этом следователь на месте убедился, что концы проводов на счетчиках и концы проводов на месте по длине и по сечению совпадали и являлись продолжением одного и того же провода.

Представив в криминалистическую лабораторию вещественные доказательства, — счетчики с концами проводов, клещи и концы проводов, изъятые на месте хищения, — следователь поставил перед экспертом вопрос: этими ли клещами, изъятыми у Войтишенко, перекушены четыре провода, концы которых сохранились у электросчетчиков?

Эксперты-криминалисты тт. Покровский и Хаустов путем исследования режущей части клещей и затем исследования следов откуса на концах проводов, путем получения искусственных контрольных следов откуса на свинцовой пластинке, при помощи сравнительного микроскопа пришли к выводу и дали заключение, что откус проводов в данном случае произведен именно теми клещами, которые изъятые у Войтишенко.

Свои выводы эксперты подкрепили фотографированием следов откуса на проводе и контрольных следов откуса на свинцовой пластинке. Совмещение следов откуса на

полученных фотографиях не вызывало сомнения в обоснованности выводов экспертизы. Но Войтишенко продолжал упорствовать, категорически отрицая факт кражи счетчиков. Войтишенко утверждал, что в ночь на 31 марта, с 9 часов вечера находился вместе с Суриковой сначала в кино, а затем у нее на квартире и в два часа ночи ушел домой.

Умелым допросом Суриковой, которая вначале подтверждала алиби Войтишенко, следователь сумел опровергнуть показания Суриковой. Сурикова и Войтишенко дали противоречивые показания о названии и содержании кинокартины, о том, где они сидели, на каких местах, и о других подробностях.

Допросом соседей Суриковой следователь установил, что Войтишенко действительно 30 марта был у нее на квартире и ушел один в 23 часа. В конечном счете Сурикова была изобличена в ложном показании и призналась в этом.

Несмотря на отрицание Войтишенко хищения счетчиков, заключение экспертизы в данном случае явилось решающим доказательством, которое и было положено в основу обвинительного заключения. Войтишенко был осужден.

При расследовании по этому делу возник вопрос о квалификации действий Войтишенко. Следователем было установлено, что

один из похищенных счетчиков, который был похищен первым, являлся государственной собственностью; второй счетчик принадлежал жильцам квартиры, являлся собственностью граждан. Возник вопрос, как квалифицировать действия Войтишенко, как установить, на что был в данном случае умысел.

Войтишенко был осужден по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и по ст. 1, ч. 1, указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Таким образом, это — один из примеров, как умелое использование научных методов расследования помогает раскрытию преступления.

При расследовании любого преступления, особенно вначале, важно выявить, закрепить и сохранить следы преступления, чтобы использовать их в качестве доказательства по делу.

Умелое использование криминалистической техники для целей расследования преступлений дает возможность следователю улучшить качество расследования и повысить эффективность своей работы.

П. Никулин

ПОВЫСИТЬ ПОЛИТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ В СУДЕБНЫХ ОРГАНАХ

Непременным условием дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов является строжайшее соблюдение устава сельскохозяйственной артели — незыблемого закона колхозной жизни. Судебные органы обязаны всемерно ограждать права и охраняемые законом интересы колхозов, правильно, с чувством партийной и государственной ответственности и своевременно решать дела по имущественным искам колхозов, руководствуясь при рассмотрении их постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах».

Советский суд, в соответствии с постановлениями партии и правительства об организационно-хозяйственном укреплении колхозов, ведет борьбу с нарушениями Устава сельскохозяйственной артели. Своими решениями суд содействует возвращению колхозам незаконно взятого имущества, земель, взысканию задолженности от неаккуратных и недобросовестных дебиторов, воспитанию социалистического отношения к общественной собственности колхозов.

Партийный и государственный подход к решению гражданских колхозных дел в том и заключается, что суд, установив факты нарушения Устава сельскохозяйственной артели по конкретному делу и вынося решение, не только восстанавливает нарушенные права и интересы колхоза, но и обязан в силу своего служебного долга принять меры к предотвращению этих нарушений в будущем, к привлечению нарушителей к ответственности. Судебные органы выносят частные определения или делают представления по материалам обобщений судебной практики по гражданским колхозным делам в местные партийные и советские органы. Содержательные, политически острые частные определения и представления судов о нарушениях Устава сельскохозяйственной артели и о причинах, их порождающих, имеют серьезное значение в общей системе мероприятий партии и правительства, направленных на организа-

ционно-хозяйственное укрепление колхозов, особенно для предупреждения этих нарушений. С другой стороны, реагирование судебных органов на нарушения законов о колхозном строительстве вовлекает их в более актуальную борьбу за охрану общественных земель колхозов, колхозной собственности, за увеличение общественных средств производства колхозов.

Изучение судебной и кассационной практики судебных органов Иркутской области по гражданским колхозным делам показало, что далеко не все народные суды поняли свою задачу — обеспечение точного и неуклонного исполнения советских законов всеми и защиту прав и охраняемых законом интересов колхозов. Отдельные судьи рассматривают иски колхозов узко-профессионально, по-чиновничьи, в отрыве от жизни.

«Опасность бюрократизма, — указывает товарищ Сталин, — состоит... в том, что он не терпит проверки исполнения и пытается превратить основные указания руководящих организаций в пустую бумажку, оторванную от живой жизни» (Соч., т. 12, стр. 328).

Некоторые народные суды, ограничив задачу суда только решением конкретных дел по искам колхозов, не выносят частных определений, какие бы нарушения Устава сельскохозяйственной артели ни вскрывались перед судом по материалам дела. Некоторые суды, удовлетворяя иски колхозов об убытках, вызванных нарушениями законов о колхозном землепользовании, не ставят вопросов о возврате колхозу незаконно изъятых у него земель, и о привлечении виновных к ответственности.

Так, например, народный суд Заярского района, рассматривая дело по иску колхоза «Новая жизнь» к Федоровскому леспромхозу о 42 325 руб. убытков, причиненных колхозу в связи с самовольным захватом общественных земель колхоза, ограничился только удовлетворением исковых требований колхоза, из материалов же дела было видно, что леспромхоз незаконно изъясил земли колхоза в 1945 году и продол-

жал ими пользоваться и по день рассмотрения дела в суде. Несмотря на вопиющее нарушение постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г., народный суд не поставил вопроса о привлечении к ответственности виновных в этом лиц и о возврате земель колхозу, не довел до сведения местных партийных и советских органов о продолжающихся нарушениях Устава сельскохозяйственной артели в районе.

Шиткинский леспромхоз в 1950 году самовольно захватил 58 га сенокосных угодий колхоза «Заря коммунизма». Рассматривая иск правления колхоза об изъятии снятого ответчиком урожая сена, суд также не реагировал на грубое нарушение закона, что не могло не создать впечатления безнаказанности у нарушителей Устава в этом районе.

Иногда суд, не желая «портить отношения» с районными организациями, допускающими нарушения закона, не сигнализирует партийным органам о нарушениях колхозного землепользования. Народный суд 3-го участка г. Черемхово (народный судья т. Поляков) прекратил дело по иску правления колхоза к Юркову об изъятии девяти центнеров семенных трав, которые были им накошены на самовольно захваченном участке сенокосных угодий колхоза и ночью вывезены. Основанием к прекращению дела послужила для суда справка, выданная Юркову его начальником о том, что сено из семенных трав Юрков заготовлял для учреждения.

По искам колхозов о возмещении дебиторской задолженности с государственных учреждений и предприятий, а также с частных лиц не всегда суды обращают внимание на время образования этой задолженности и проходят мимо действий должностных лиц отдельных учреждений и предприятий, которые под всякими предлогами уклоняются от погашения задолженности колхозам, рассчитывая, что колхоз пропустит исковую давность.

Народный суд Киренского района на протяжении 1951 года рассмотрел ряд исков колхозов к государственным учреждениям и предприятиям о возмещении задолженности, которая не погашалась ими в течение ряда лет (иск колхоза «Ленский рабочий» к пристани Ленского управления речного пароходства о 16 700 руб. — стоимости проданного пристани колхозом картофеля; иск колхоза «Путь Ленина» к Киренской конторе управления малых рек о 2880 р. — стоимости проданных колхозом дров и др.), однако, суд ни по одному из этих дел не вынес частного определения в адреса вышестоящих организаций или в местные руководящие органы для принятия мер по этим нарушениям. Подобное равнодушное отношение суда к нарушителям законов не могло не отразиться отри-

цательно на борьбе за полную ликвидацию дебиторской задолженности колхозам Киренского района.

Кассационная инстанция областного суда при рассмотрении гражданских колхозных дел по жалобам и протестам прокурора, к сожалению, также не всегда реагирует на нарушение законов об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и не учит народные суды остро относиться к нарушениям социалистической законности, хотя к этому у областного суда есть полная возможность.

Рассматривая в кассационном порядке дело по иску прокурора Заярского района в интересах колхоза имени Молотова к группе граждан об изъятии значительного количества сена, накошенного ими на сенокосных угодьях колхоза, сданных им в аренду председателем колхоза, нарушившим постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от расхищения» и Устав сельскохозяйственной артели, областной суд не вынес частного определения о привлечении к ответственности виновных.

Также бесстрастно проходили некоторые члены суда мимо иных нарушений устава которые вскрывались перед ними при рассмотрении гражданских колхозных дел.

Все эти факты говорят о том, что в деятельности судебных органов нашей области нет еще в полной мере необходимой большевистской непримиримости к нарушениям законов о колхозном строительстве, к недостаткам в работе сельскохозяйственных органов.

Одной из драгоценных особенностей советского суда является то, что суд вместе со всем советским народом борется за построение коммунистического общества, что он не замыкается в узкие профессиональные рамки своей работы, а глубоко и внимательно изучает все вопросы колхозного строительства, проводит в жизнь политику партии и правительства по укреплению колхозов и не может поэтому не реагировать на каждое нарушение Устава сельскохозяйственной артели.

Задача судебных органов — повысить политический уровень рассмотрения гражданских колхозных дел, помочь колхозам в их еще более мощном росте и процветании.

Заместитель председателя
Иркутского областного суда

Рупасова

УСТРАНИТЬ НЕДОСТАТКИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И РАССМОТРЕНИИ СУДЕБНЫХ ДЕЛ О НИХ

Рязанский областной суд изучил и обобщил судебную практику народных судов Рязанской области и кассационную практику областного суда по делам о преступлениях несовершеннолетних.

Изучение и обобщение судебной практики показало, что в работе судебных, прокурорских и следственных органов области по делам данной категории имеются серьезные недостатки и упущения.

В нарушение ст. 3 приказа НКЮ СССР и Прокурора СССР № 67/110 от 11 июня 1940 г. некоторые дела о преступлениях несовершеннолетних рассматриваются судами в срок свыше десяти дней. Так дело по обвинению Ускова и других по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» народным судом Сапожковского района (народный судья Степанов) было принято к производству суда 7 апреля 1951 г., а рассмотрено 28 апреля 1951 г.

В нарушение ст. 5 того же приказа НКЮ и Прокурора СССР, предусматривающей обязательное участие защиты по делам о преступлениях несовершеннолетних, суды рассматривают дела данной категории без участия адвокатов. Так народный суд Ново-Деревенского района (народный судья т. Чибисова) рассмотрел без участия адвоката дело по обвинению Афоничкина по ст. 143, ч. 2, УК. Народный суд Данжковского района (народный судья т. Васильев) рассмотрел без участия адвоката дело по обвинению Кириллова по ст. 5, ч. 1, указа от 26 июня 1940 г.

Ст. 8 упомянутого приказа НКЮ СССР и Прокурора СССР обязывает суды в случае выявления при рассмотрении дел несовершеннолетних в воспитательной работе школ, детских учреждений и общественных организаций сообщать об этом соответствующим организациям. Однако суды не делают этого.

Имеют место факты неправильного осуждения несовершеннолетних. Народный суд 5-го участка г. Рязани (народный судья т. Андрианов), признав несовершеннолетних Карасева и Гриндина виновными в совершении хищения товаров из палатки орс, осудил их к длительным срокам лишения свободы. Верховный суд РСФСР отменил приговор в отношении Карасева и Гриндина, а дело прекратил, указав, что суд осудил их только на основании противоречивых показаний несовершеннолетних свидетелей.

В нарушение приказа НКЮ РСФСР от 22 апреля 1936 г. № 94, обязывающего суды в приговорах точно указывать число, месяц и год рождения несовершеннолетнего, народные суды Рязанского района

(т. Твртинов), 3-го участка г. Рязани (т. Кузьмина) не указывают в приговорах дату рождения несовершеннолетних.

По делам о несовершеннолетних нарушаются сроки ведения предварительного следствия. Так возбужденное прокурором Сапожковского района т. Матюхиным дело по обвинению Бычкова, Ускова и Губарева по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» находилось в стадии предварительного следствия с 2 декабря 1950 г. по 3 апреля 1951 г. (преступление было совершено в июле 1950 года). Будучи допрошены на предварительном следствии, все обвиняемые признавали свою вину в хищении 9 кубометров дров из Лукмосской дачи. Директор районного промкомбината Окочков, допрошенный на предварительном следствии, утверждал, что имело место хищение дров и что обвиняемые взяли дрова из леса самовольно. При предъявлении следственного материала обвиняемым последние представили расходную накладную на получение шести кубометров дров; в суде же подсудимые показали, что дрова они взяли по распоряжению Окочкова, который это обстоятельство в суде подтвердил. Вместо того, чтобы настаивать перед судом на осуждении подсудимых за хищение и просить суд о возбуждении дела против Окочкова по ст. 95 УК, поддерживавший в суде обвинение прокурор Галицкий просил суд осудить подсудимых по ст. 90 УК. Суд вынес приговор, осуждающий подсудимых по ст. 90 УК.

В нарушение ст. 7 инструктивного письма Верховного суда и Прокурора СССР № 36/71 от 21 июля 1935 г. прокуроры не всегда принимают участие в работе подготовительных заседаний. Так, прокурор Сапожковского района т. Матюхин не явился на подготовительное заседание для рассмотрения дела по обвинению Ускова и др. по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Прокуроры не всегда принимают участие в судебных заседаниях при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних. Из изученных дел видно, что прокурор в народном суде выступал только по 38% рассмотренных дел, а в областном суде по второй инстанции давал заключение только по 23% рассмотренных дел.

Судебным и прокурорско-следственным работникам Рязанской области необходимо изменить свое отношение к расследованию преступлений несовершеннолетних и рассмотрению судебных дел о них.

Член Рязанского областного суда
Л. Соловьева

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

В № 2 журнала «Социалистическая законность» была напечатана корреспонденция т. Пчелина «Недооценка работы по уголовно-судебному надзору прокуратуры».

Прокуратура РСФСР сообщила в редакцию, что корреспонденция Пчелина обсуждалась руководством уголовно-судебного отдела и намечены мероприятия к устранению отмеченных в корреспонденции недостатков.

В № 3 журнала была опубликована корреспонденция т. Веселова «Недостатки в распространении передового опыта работников прокуратуры».

Прокуратура Вологодской области сообщила в редакцию, что корреспонденция т. Веселова была обсуждена на оперативном совещании при прокуроре области. Замечания и критика в адрес прокуратуры области признаны правильными. Прокуратура области, кроме приказов прокурора области, где констатируются основные недостатки в работе отдельных прокуроров, еще мало рассылает городским и районным прокурорам обзоров, информации и методических писем, в которых больше отмечалось бы положительных методов работы. На оперативном совещании критические замечания т. Веселова и его пожелания в адрес прокуратуры области приняты к проведению в жизнь в дальнейшей практической работе.

Прокуратура СССР сообщила в редакцию, что в течение 1951 года и первого квартала 1952 года отделом общего надзора Прокуратуры СССР проведен ряд мероприятий, направленных на улучшение работы городских и районных прокуроров по общему надзору. Ежеквартально отделом издается сборник лучших протестов, приносимых городскими и районными прокурорами, который рассылается всем прокурорам. На места были направлены письма в порядке обмена опытом работы по важнейшим вопросам надзора за соблюдением законности. Во всех республиках и областях проведены учебно-методические конференции с городскими и районными прокурорами, а в некоторых областях и с их помощниками по общему надзору, на которых подвергалась критике работа прокуроров, неудовлетворительно работающих, и передавался положительный опыт передовых прокуроров.

В № 3 журнала была напечатана корреспонденция Радонцева «Повысить качество следствия по делам о хищениях».

Прокуратура Брянской области сообщила в редакцию, что следователь прокуратуры Брянского района Барменкова действительно по некоторым делам допускала волокиту и поверхностно проводила следствие, в связи с чем дела судом возвращались на доследование. В конце 1951 года и за первое полугодие 1952 года следо-

ватель Барменкова улучшила качество расследования. Все дела, оконченные ею за это время, были без нарушений сроков расследования, следствие проведено с достаточной полнотой и по всем делам вынесены обвинительные приговоры. За хорошее качество расследования и успешное выполнение приказа Генерального Прокурора СССР № 63 от 19 марта 1952 г. прокуратурой области Барменковой объявлена благодарность.

В № 4 журнала была опубликована корреспонденция т. Гончарова «Необходимо судебное установление фактов регистрации брака».

Министерство юстиции РСФСР сообщило в редакцию, что вопрос о судебном установлении факта регистрации брака разрешен постановлением Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. № 9/8/у «О порядке судебного установления фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан». Директивное же письмо НКЮ РСФСР № Д-29 от 3 июля 1945 г., ошибочно именуемое автором инструкцией № Д-22 от 3 июня 1945 г., в связи с изданием указанного выше постановления Пленума Верховного суда СССР утратило силу и в перечень приказов и инструкций Министерства юстиции РСФСР, действующих на 1 декабря 1948 г., не включено. Таким образом в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. народные суды должны принимать к своему производству заявления об установлении факта регистрации брака, если документы о регистрации брака утрачены и органами загса не могут быть восстановлены.

В № 4 журнала была опубликована корреспонденция т. Карацева «Некоторые вопросы процесса».

Министерство юстиции РСФСР сообщило в редакцию, что в судебной практике отказ в приеме заявления оформляется в соответствии со ст. 28 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик определением или резолюцией народного судьи, где излагаются причины отказа. Статьи 37 и 44 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, предусматривающие единоличные действия председателей областных, краевых, окружных судов автономных областей и верховных судов АССР, не предоставляют им права единоличной проверки законности и обоснованности определений народных судов. Эти вопросы решаются судом коллегиально. Ставить вопрос об изменении этого порядка, как это предлагает т. Карацев, Министерство юстиции считает нецелесообразным.

В МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ СССР

Коллегия Министерства юстиции СССР обсудила итоги состоявшегося в мае 1952 года совещания заместителей председателей областных, краевых и верховных судов по вопросам кассационной практики.

Коллегия отметила, что дальнейшее улучшение работы народных судов в значительной мере зависит от качества рассмотрения в областных, краевых и верховных судах уголовных и гражданских дел по кассационным жалобам и протестам. Между тем в этой работе некоторых областных, краевых и верховных судов имеются серьезные недостатки. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 г. № 17/15/У «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке» выполняется в ряде случаев все еще плохо. В результате поверхностного рассмотрения дел имеют место факты неправильного оставления в силе, а равно необоснованной отмены и изменения приговоров и решений. Качество кассационных определений в некоторых случаях все еще не отвечает предъявляемым требованиям: кассационные определения не содержат ответов на доводы жалобы или протеста, нередко составляются небрежно.

Эти недостатки в работе областных, краевых и верховных судов по рассмотрению дел в кассационном порядке в значительной мере объясняются неправильной организацией их работы. Не изжиты еще случаи рассмотрения дел не в тот день, на который они назначены слушанием, что нередко приводит к нарушению прав сторон.

В некоторых областных, краевых и верховных судах до сего времени не организована должным образом работа по повышению идейно-политического уровня и юридической квалификации членов суда.

Контроль над качеством работы судебных коллегий и отдельных членов суда осуществляется плохо. Работа оперативных совещаний не организована должным образом; на их обсуждение редко вносятся вопросы о качестве судебной работы, в частности, о качестве кассационных определений, а также юридические вопросы, возникающие в судебной практике. Вопросы, подлежащие обсуждению на оперативных совещаниях, иногда готовятся наспех, члены суда предвзято не знакомятся с материалами и поэтому не принимают активного участия в их обсуждении. Некоторые председатели областных, краевых и верховных судов мало участвуют в рас-

смотрении дел по кассационным жалобам и протестам.

Большим недостатком в организации работы является также слабая постановка в некоторых судах кодификационно-справочной работы, в результате чего члены суда не могут своевременно получить исчерпывающую справку по вопросам законодательства и судебной практики. В некоторых областных, краевых и верховных судах до сего времени не наведен надлежащий порядок в части своевременной отправки рассмотренных дел.

При обобщении кассационной практики выявляются, главным образом, недостатки в работе народных судов. Недостатки же в работе самого областного, краевого и верховного суда при этом не вскрываются и не устраняются. В частности, не изучаются причины повторной отмены приговоров и решений, из этих фактов не делается необходимых выводов.

Наряду с областными, краевыми и верховными судами, которые оказывают большую практическую помощь народным судьям (Московский городской суд, Днепропетровский областной суд, Ставропольский краевой суд и др.), имеются суды, которые слабо проводят эту работу.

В соответствии с постановлением Коллегии Министерства юстиции СССР Министр юстиции СССР указал, что председателям верховных, краевых и областных судов надлежит устранить в кратчайший срок имеющиеся недостатки в работе областных, краевых и верховных судов по рассмотрению уголовных и гражданских дел по кассационным жалобам и протестам, обеспечив строгое соблюдение судами законов, а также выполнение постановления Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 г. № 17/15/У «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке». Необходимо улучшить работу по идейно-политическому воспитанию членов суда и организовать систематические занятия по повышению их юридической квалификации, в частности, чтение лекций и проведение семинаров по таким вопросам законодательства и судебной практики, по которым члены суда допускают ошибки при рассмотрении уголовных и гражданских дел. Необходимо создать все условия для тщательной подготовки дел к слушанию, обратить внимание на правильное распределение дел между членами суда; обеспечить всесторонний, тщательный анализ дел, рассматриваемых в кассационном порядке,

и обстоятельно мотивированное изложение определений, с указанием в определении (или в частном определении) на все недостатки, ошибки и нарушения, допущенные при рассмотрении дела нижестоящим судом; не допускать поверхностного ознакомления членов суда с делами, невнимательного отношения к жалобам и протестам, необоснованного их отклонения, небрежного и неубедительного изложения кассационных определений. Председатели верховных, краевых и областных судов должны лично чаще принимать участие в рассмотрении уголовных и гражданских дел в кассационном порядке, показывая пример высококвалифицированного и правильного рассмотрения дел; вместе с заместителями повседневно строго контролировать работу судебных коллегий, качество кассационных определений; повысить роль оперативных совещаний, заблаговременно и тщательно готовить материалы, подлежащие обсуждению, и знакомить с ними членов суда; систематически вносить на оперативные совещания вопросы о качестве работы судебных коллегий, отдельных судебных составов и членов суда для их обсуждения в обстановке развернутой большевистской критики и самокритики; обсуждать на оперативных совещаниях членов суда определения вышестоящих судов об отмене кассационных определений суда; обсуждать на оперативных совещаниях случаи неоднократной отмены приговоров и решений нижестоящих судов, в особенности, когда это связано с неправильными, неполными или противоречивыми указаниями областного, краевого, верховного суда; по результатам изучения принимать меры к устранению имеющихся недостатков в работе. При повторной отмене решений нижестоящих судов необходимо строго соблюдать требования Постановления Пленума Верховного суда СССР от 25 апреля 1947 г. № 7/1/У о приеме этих дел для рассмотрения по первой инстанции; при повторной отмене приговоров по уголовным делам обсуждать вопрос о целесообразности приема дела к рассмотрению по первой инстанции. В целях предотвращения разногласия в кассационной практике следует одновременно обсуждать на оперативных совещаниях возникающие в судебной практике вопросы, а в необходимых случаях ставить эти вопросы перед соответствующими органами для разрешения их в установленном порядке; организовать должным образом кодификационно-справочную работу с тем, чтобы члены суда могли быстро получать исчерпывающие справки по вопросам законодательства и судебной практики; добиться того, чтобы обобщения кассационной практики носили целеустремленный характер, помогали улучшать качество рассмотрения дел в кассационном порядке и работу нижестоящих судов; материалы обобщения кассационной практики систематически обсуждать на проводимых управлениями министерств юстиции кустовых

совещаниях народных судей; обеспечить возвращение в нижестоящие суды дел в трехдневный срок после их рассмотрения; больше оказывать практической помощи народным судьям; практиковать направление народным судьям писем по поводу отмеченных в их работе недостатков и ошибок, а также вызов в необходимых случаях судей для беседы по конкретным вопросам судебной практики, посещение членами суда при выездах в командировку народных судов для оказания им на месте практической помощи в работе и т. п.

Министр юстиции СССР обратил также внимание членов областных, краевых и верховных судов на необходимость всемерного улучшения качества рассмотрения уголовных и гражданских дел в кассационном порядке, что является важнейшим условием повышения уровня всей судебной работы, и предложил министрам юстиции союзных республик усилить контроль над состоянием работы областных, краевых и верховных судов автономных республик по рассмотрению уголовных и гражданских дел в кассационном порядке и оказание им помощи; обратить особое внимание на повышение идейно-политического уровня и юридической квалификации членов областных, краевых и верховных судов АССР; организовать изучение и распространение положительного опыта работы указанных судов по рассмотрению уголовных и гражданских дел в кассационном порядке, а также изучение и распространение положительного опыта работы членов суда по оказанию практической помощи народным судьям.

* * *

Коллегия Министерства юстиции СССР обсудила состояние работы нотариальных органов Армянской ССР. Коллегия отметила, что нотариальные конторы республики проделали значительную работу по юридическому обслуживанию учреждений, предприятий, общественных организаций и граждан. Министерством юстиции Армянской ССР были приняты меры к укреплению состава нотариусов квалифицированными работниками.

Вместе с тем в работе нотариальных органов Армянской ССР имеются серьезные недостатки. Некоторые нотариусы при совершении нотариальных действий все еще допускают нарушения законов и постановлений Правительства. В нарушение § 40 инструкции по применению Положения о государственном нотариате Армянской ССР в ряде случаев удостоверялись договоры купли-продажи строений, расположенных в сельской местности, без истребования всех необходимых документов, в частности, справок о составе колхозного двора и согласия членов колхозного двора (Кирово-канская, Вединская, Октемберянская, Арташатская нотариальные конторы); нотариусы нотариальных контор Сталинского района г. Еревана т. Дзоян, Спандарян-

ского района г. Еревана т. Овакимян и первой нотариальной конторы г. Еревана т. Тиратурян допускали случаи удостоверения договоров о продаже не идеальных, а реальных частей строений. Нотариусы Степанаванской нотариальной конторы т. Мусаелян и первой Ереванской нотариальной конторы т. Тиратурян удостоверили доверенности от имени юридических лиц без истребования утвержденных и зарегистрированных уставов и положений, приказов о назначении должностных лиц, имеющих право подписи документов.

В нарушение п. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» нотариусом Степанаванской нотариальной конторы т. Мусаеляном удостоверены договоры купли-продажи подсобных строений без продажи жилых домов; нотариусы республики недостаточно осуществляют инструктирование сельских Советов по совершению нотариальных действий, мало проводят бесед и докладов по разъяснению населению действующего законодательства и функций нотариата, а некоторые из них совершенно не ведут массово-правовой работы; Министерство юстиции Армянской ССР слабо осуществляло контроль над деятельностью нотариальных органов, недостаточно помогало им в устранении серьезных недостатков и не принимало необходимых мер к обеспечению строжайшего соблюдения нотариальными конторами законов.

В ряде случаев ревизии нотариальных контор Министерством юстиции Армянской ССР проводились поверхностно, в результате чего не вскрывались нарушения закона, и сами ревизии мало влияли на улучшение работы нотариальных контор.

Результаты ревизии редко обсуждаются на заседаниях коллегий. Указания по итогам ревизии давались в ряде случаев с большим опозданием, что не способствовало быстрому устранению выявленных в процессе ревизии недостатков. Министерство юстиции не изучало и не распространяло положительного опыта работы лучших нотариусов. Не обобщалась практика работы нотариальных контор по совершению отдельных видов нотариальных действий. Министерство юстиции мало проявляет заботы о создании нотариальным конторам нормальных условий в работе.

В соответствии с постановлением Коллегии Министр юстиции СССР приказал: обратить внимание Министра юстиции Армянской ССР т. Карапетяна на слабое руководство работой нотариальных органов республики и обязать его принять необходимые меры к быстрому устранению отмеченных серьезных недостатков в их деятельности; усилить ревизионную работу Министерства; обеспечить безусловное выполнение приказа НКЮ СССР № 158-1940 г.

«О ежегодной ревизии работы всех нотариальных контор»; результаты ревизий нотариальных контор обсуждать на заседаниях коллегий министерства и своевременно направлять указания, вытекающие из ревизий; систематически обобщать работу нотариальных контор по совершению отдельных видов нотариальных действий, принимая необходимые меры к устранению выявленных недостатков и разрешению вопросов, возникающих в практике работы нотариальных контор; в течение III и IV кварталов с. г. обобщить практику работы нотариальных контор по удостоверению договоров купли-продажи строений и по выдаче свидетельств о праве наследования; изучать и распространять положительный опыт работы лучших нотариусов; активизировать массово-правовую работу нотариусов по разъяснению населению советских законов и функций нотариата, а также по инструктированию сельских Советов по вопросам нотариата; принять меры к обеспечению нотариальных контор соответствующими помещениями.

* * *

По имеющимся в Министерстве юстиции СССР сведениям, некоторые криминалистические учреждения министерств юстиции союзных республик допускают нарушения сроков производства экспертиз, установленных приказом Министра юстиции СССР от 24 ноября 1951 г. № 53 (Киевский научно-исследовательский институт судебной экспертизы, Саратовская и Ростовская научно-исследовательские криминалистические лаборатории). Несвоевременное выполнение поручений по производству экспертиз приводит к нарушению установленных законом сроков расследования преступлений и рассмотрения уголовных и гражданских дел.

В связи с этим Министерство юстиции СССР предложило руководителям криминалистических учреждений под личную ответственность обеспечить строгое и неуклонное соблюдение установленных сроков производства экспертиз; максимальный пятнадцатидневный срок производства экспертиз допускать лишь в исключительных случаях — по материалам с большим количеством объектов и при особо сложном характере исследования. Во всех остальных случаях срок производства экспертиз не должен превышать пяти-семи дней; материалы, по которым экспертиза не может быть проведена в силу недостаточного их оформления или неполноты, должны возвращаться органам, назначившим экспертизу, для пополнения, не позже трехдневного срока с момента поступления этих материалов в криминалистическое учреждение. Министрам юстиции союзных республик предложено установить строгий контроль над выполнением подчиненными им криминалистическими учреждениями настоящих указаний.

ЗАПОЗДАЛАЯ КРИТИКА

В № 12 за 1951 год журнала «Советское государство и право», помещена статья П. Пашкевича — «Серьезные ошибки в книге о советском правосудии». Эта статья является рецензией на учебник проф. М. Чельцова по уголовному процессу, изданному Госюриздатом еще в 1948 году.

На мой взгляд, заслуживает внимания не сама рецензия, а тот факт, что опубликована она спустя три года после выхода из печати рецензируемого учебника, когда проф. М. Чельцов не только написал второе, переработанное издание этого учебника, но последний уже вышел из печати в конце 1951 года, т. е. до появления в печати упомянутой выше статьи.

Читая статью П. Пашкевича, невольно ставишь перед собою вопрос, какую цель преследовала редакция журнала «Советское государство и право», помещая эту статью? Ведь хорошая и своевременная рецензия должна была, прежде всего, обратить внимание учащихся юридических вузов и факультетов при пользовании учебником на те или иные неправильные или спорные положения в учебнике и, наряду с этим, помочь автору при написании нового учебника учесть критические замечания и устранить недостатки.

Кстати сказать, и в новом издании этого учебника имеется ряд серьезных, на мой взгляд, недостатков и не только спорных, но и неверных положений (например, неверно изложен ряд вопросов, относящихся к производству дел в военно-судебных органах — § 285 и др., ничего не говорится о таких важных процессуальных положениях, как возобновление судебного заседания и т. п.).

В данном случае статья т. П. Пашкевича выполнению этой задачи не послужила. Как автор, так и редакция журнала, помещая статью, придерживались, повидимому, поговорки: «лучше поздно, чем никогда», что не присуще нашему советскому стилю работы.

Заслуживает внимания, что это не един-

ственный факт. Можно привести немало примеров такого запоздалого рецензирования учебников и других пособий по юридическим и относящимся к ним специальным дисциплинам. Отмечу еще следующие факты. В журнале «Социалистическая законность» № 2 за 1952 год помещена статья проф. М. Чельцова «Неправильное понимание задач судебно-медицинского эксперта», которая представляет собою рецензию на учебное пособие проф. А. Гамбург «Судебно-медицинская экспертиза обвиняемого», вышедшее из печати еще в 1948 году. Учебник этого же автора «Судебно-медицинская экспертиза саморанений», изданный в 1946 году, был подвергнут критике лишь в 1951 году в статье доц. Никифорова, опубликованной в сборнике «Вопросы советской криминалистики». Между тем в этих своих работах проф. А. Гамбург повторяет ряд неправильных положений, могущих принести вред практическим работникам.

Мне думается, что такая явно неудовлетворительная и запоздалая критика объясняется в значительной мере тем, что редакционные коллегии журналов «Советское государство и право» и «Социалистическая законность», имея многочисленный коллектив корреспондентов из числа научных и практических работников, не организовали работу в области рецензирования учебных пособий и это важное дело происходит самотеком.

Полагаю, что дело улучшения юридического образования в стране требует устранения и этого недочета. Наши юридические журналы должны активизировать теоретических и практических работников в области права, добиваясь такого положения, чтобы и на правовом фронте критика была по-большевистски острой и своевременной, ибо только при таком положении она может дать максимум результатов.

П. Артеменко
г. Свердловск

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Применение судом необоснованно мягкой меры наказания к нарушителям Устава сельскохозяйственной артели повлекло за собой отмену приговора

По приговору Саратовского областного суда от 23 февраля 1952 г. осуждены по ст. 109 УК РСФСР к одному году исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 20% заработной платы каждый — Вдовин С. И. и Грачев В. И. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 17 марта 1952 г. приговор оставлен в силе.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор за мягкостью примененной меры наказания. Из материалов предварительного и судебного следствия видно, что Вдовин, работая заведующим Жерковского районного сельскохозяйственного отдела, поговору с главным агрономом районного сельскохозяйственного отдела Грачевым 16 февраля 1951 г. взяли от колхоза «9-й съезд ВЛКСМ» доверенность и из фонда этого колхоза получили на базе районного потребительского союза 15 центнеров зерновых отходов, предназначенных для корма колхозного скота, после чего эти зерновые отходы роздали сотрудникам районного сельскохозяйственного отдела и часть отходов взяли себе для хозяйственных нужд. В целях сокрытия совершенного преступления Вдовин и Грачев вынудили председателя колхоза Коеву и кладовщика Сергееву оприходовать 15 центнеров зерновых отходов по кладовой колхоза и списать их в расход якобы на корм колхозного скота. Кроме того, Вдовин 31 марта 1951 г. вынудил Якуневу, председателя колхоза им. Нурвахидова, дать ему доверенность на пять центнеров зерновых отходов, которые также были распределены на корм скота сотрудников районного сельскохозяйственного отдела. Примененное судом наказание по своей мягкости не может обеспечить успешной борьбы с нарушителями Устава сельскохозяйственной артели и надлежащего выполнения постановления Совета Министров и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах».

Верховный суд СССР удовлетворил протест (определение от 31 мая 1952 г.).

Приговор отменен ввиду назначения судом необоснованно мягкого наказания лицу, виновному в автоаварии с тяжелыми последствиями

По приговору народного суда 5-го участка Смольнинского района Ленинграда от 26 сентября 1951 г. Нархомовский Л. В. осужден по ст. 75—1 УК РСФСР к одному году лишения свободы. 11 октября 1951 г. Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда, рассмотрев это дело по кассационной жалобе осужденного, заменила Нархомовскому лишение свободы одним годом исправительно-трудовых работ по месту службы.

Протест Прокурора РСФСР на приговор по делу Нархомовского 7 февраля 1952 г. Верховным судом республики отклонен.

Нархомовский осужден за то, что 29 июля 1951 г., вечером, он, управляя собственной автомашиной, допустил грубое нарушение правил движения: при проезде по панели под аркой жилого дома не уменьшил, как это требовалось, скорости движения, не подавал звуковых сигналов, неправильно сделал поворот и, не справившись с рулевым управлением, врезался передней частью автомашины в угол арки, придавив проходившего под аркой Рахина. В результате автоаварии Рахину были причинены тяжкие телесные повреждения: перелом костей обеих ног, с последующей ампутацией левой ноги.

Считая наказание, назначенное Нархомовскому, необоснованно мягким, не обеспечивающим должной борьбы с подобными преступлениями, Генеральный Прокурор СССР 22 апреля 1952 г. принес по делу протест, в котором привел следующие мотивы: Народный суд, определяя наказание Нархомовскому, не учел, что в связи с допущенными им грубыми нарушениями правил управления автомашиной наступили тяжкие последствия. Ленинградский городской суд, не учитывая тяжелых последствий, наступивших в результате преступных действий Нархомовского, при отсутствии каких бы то ни было смягчающих обстоятельств по делу совершенно неосновательно пошел по пути дальнейшего смягчения назначенного Нархомовскому наказания. На этом основании Генеральный Прокурор СССР в протесте поставил вопрос об отмене приговора и всех последующих определений, вынесенных по делу Нархо-

мовского, и о направлении дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

26 апреля 1952 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР протест Генерального Прокурора СССР по делу Нархомовского Л. В. удовлетворен (определение № 02/1002/У—1952 г.).

Определение суда о направлении дела на исследование без указания конкретных обстоятельств, которые надо доследовать, подлежит отмене

Приговором Запорожского областного суда от 17 июля 1951 г. осуждены по ст. 2, ч. 2, указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» к различным срокам заключения в исправительно-трудовом лагере: Харин И. И., Старушенко Е. Д., Трюхан Ю. Ф., Скрибунова Т. П. и Сидоров Н. Н. Суд признал перечисленных выше лиц виновными в том, что в ночь на 22 мая 1951 г. в г. Запорожье они совершили разбойное нападение на Моница и Данилова.

Обстоятельства этого дела таковы: Харин, Трюхан, Старушенко, Скрибунова и Сидоров, будучи в ночь на 22 мая 1951 г. в ресторане, обратили внимание, что двое граждан, оказавшиеся, как это установлено впоследствии, Мониним и Даниловым, находятся в состоянии сильного опьянения, и договорились ограбить их. С этой целью Скрибунова, по совету Харина, завязала разговор с Мониним и Даниловым; выяснив из разговора, что они только что прибыли в Запорожье и города не знают, Скрибунова предложила проводить их в гостиницу, где они остановились, и повела их по неправильному пути, заведя в глухой переулок. В переулке на Моница и Данилова напали поджидавшие их Харин, Трюхан и Старушенко. Они избili Моница и Данилова железной палкой до бессознательного состояния, а затем ограбили; у Моница похитили сапоги, часы и сумку с личными документами, у Данилова китель, 120 руб. и личные документы. Часть похищенных вещей Трюхан передал, стоявшему в стороне Сидорову, который на следующий день их продал, а на вырученные деньги Харин, Трюхан, Старушенко и Скрибунова устроили попойку.

17 августа 1951 г. Верховный суд Украинской ССР отменил приговор по делу в кассационном порядке и обратил дело к исследованию, сославшись на то, что предварительное расследование по делу проведено необъективно и без надзора со стороны прокуратуры.

Определение Верховного суда Украинской ССР Генеральным Прокурором СССР опротестовано по таким основаниям.

Обратив дело к исследованию, Верховный суд Украинской ССР сослался на необъективность ранее проведенного расследования, но, в чем именно выразилась не-

объективность, не указал. В определении Верховного суда республики не указано также, какие следственные действия должны быть произведены и для проверки каких обстоятельств. Приведенное Верховным судом Украинской ССР утверждение о том, что расследование по делу проводилось без надзора со стороны прокуратуры, неосновательно. Из материалов дела видно, что избрание обвиняемым меры пресечения в виде содержания под стражей было санкционировано прокурором области; следствие по делу проводил старший следователь Запорожской областной прокуратуры, обвинительное заключение утвердил областной прокурор.

Виновность Харина, Старушенко и других лиц, осужденных по этому делу, установлена их личным неоднократным признанием своей вины как на допросах, так и при произведенном следственными органами в присутствии обвиняемых осмотре места происшествия. Понятые, присутствовавшие при осмотре места происшествия, впоследствии на допросе показали, что обвиняемые в момент осмотра виновными себя признавали. Кроме того, Харин изобличается и вещественными доказательствами: при личном обыске его были обнаружены часы, которые были затем предъявлены потерпевшему Монину и опознаны последним. Участница разбойного нападения Скрибунова опознана обоими потерпевшими. Сидоров признал себя виновным на допросах как в процессе предварительного следствия, так и на суде. То обстоятельство, что Харин, Трюхан, Старушенко и Скрибунова на суде отказались от ранее данных ими показаний, начали свою вину отрицать и заявили ходатайство о направлении дела на исследование, не давало Верховному суду Украинской ССР оснований, учитывая конкретные обстоятельства этого дела, отменить обоснованный и законный приговор.

По указанным мотивам Генеральный Прокурор СССР в протесте поставил вопрос об отмене как необоснованного определения Верховного суда Украинской ССР по делу Трюхана, Харина и др. и о направлении этого дела в Верховный суд Украинской ССР для нового рассмотрения в кассационном порядке.

12 декабря 1951 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР протест Генерального Прокурора СССР удовлетворила (определение № 4/28925).

* *

По приговору Верховного суда Башкирской АССР от 25 сентября 1951 г. осуждены по ст. 109 УК бывший председатель колхоза «Салават» Хайретдинов В. Х. и счетовод того же колхоза Халиков З. Г. к одному году исправительно-трудовых работ каждый. Суд признал Хайретдинова и Халикова виновными в том, что они израсходовали на нужды колхоза помимо банка в 1950 году 14 200 руб., а в 1951 го-

ду — 6970 руб.; допустили перерасход 545 трудодней на административно-управленческий аппарат колхоза, израсходовали 196 кг зерна на устройство вечеров в период выборов в местные Советы депутатов трудящихся и незаконно списали более 6000 руб., как израсходованные на покупку горючего и деталей для автомашины.

29 декабря 1951 г. Верховный суд РСФСР отменил по протесту Прокурора РСФСР в порядке надзора приговор Верховного суда Башкирской АССР по делу Хайретдинова и Халикова и обратил дело к доследованию.

Считая определение Верховного суда РСФСР необоснованным, Генеральный Прокурор СССР 29 февраля 1951 г. опротестовал его по следующим мотивам. Верховный суд РСФСР в своем определении по делу Хайретдинова и Халикова сослался на то, что дело рассмотрено поверхностно. Однако, в чем выразились поверхностный характер расследования и какие конкретно обстоятельства подлежат дополнительному исследованию, в определении Верховного суда РСФСР не указано.

Между тем виновность Хайретдинова и Халикова в совершении указанных выше преступлений материалами дела, в том числе личными признаниями самих осужденных, установлена, и никаких оснований для направления дела на доследование у Верховного суда РСФСР не имелось. В связи с этим Генеральный Прокурор СССР в протесте просил отменить определение Верховного суда РСФСР от 29 декабря 1951 г. по делу Хайретдинова и Халикова, оставив в силе приговор, вынесенный им Верховным судом Башкирской АССР.

12 марта 1952 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР удовлетворила протест Генерального Прокурора СССР (определение № 02/569/V—1952 г.).

Суд не может разрешить дело по существу, если показания свидетелей содержат существенные противоречия, которые должны быть устранены путем дополнительного расследования преступления

Кривонос Н. Г., работавший возчиком в подсобном хозяйстве Пятигорского санатория, был привлечен к судебной ответственности по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Органами расследования было предъявлено Кривоносову обвинение в том, что 23 июля 1951 г. он похитил из бункера комбайна, находившегося в поле, 102 кг овса, который впоследствии при обыске у него на квартире был обнаружен. Народный суд 1-го участка Прохладненского района Кабардинской АССР 12 октября 1951 г. вынес Кривоносову оправдательный при-

говор. Протест прокурора района, принесенный на этот приговор, 2 ноября 1951 г. Верховным судом Кабардинской АССР отклонен. Верховный суд РСФСР 24 марта 1952 г. отклонил протест Генерального Прокурора СССР на этот оправдательный приговор.

Считая, что как приговор, так и все последующие оставившие его в силе определения являются необоснованными, Генеральный Прокурор СССР 26 апреля 1952 г. принес протест в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР.

В протесте приведены следующие доводы. Кривонос, оспаривая свою виновность, утверждал, что овес им был взят из бункера для корма лошадей в присутствии рабочих Зорова, Литвинова и Лазаренко по распоряжению заведующего подсобным хозяйством Белоусова и с разрешения комбайнера Сафоновского. Однако эти показания Кривоносова не получили достаточного подтверждения. Комбайнер Сафоновский на суде показал, что он не только не давал Кривоносову разрешения на получение овса, но даже не вел с ним по этому вопросу никакого разговора и не видел, как Кривонос брал из бункера овес. Заведующий подсобным хозяйством Белоусов на допросах в процессе предварительного расследования категорически отрицал, что им было дано распоряжение Кривоносову взять овес для корма лошадей. На суде Белоусов несколько изменил свои показания и заявил: «Кривоносову я говорил взять овес, но не из бункера, а у конюха». Свидетель Безлюдная на суде показала, что Кривонос отдал ей взятый из бункера овес, так как ранее он брал у нее зерно для корма лошадей. Однако после того, как народный суд вынес Кривоносову оправдательный приговор, свидетель Белоусов подал на имя прокурора района заявление, в котором указал, что показания Безлюдной не соответствуют действительности: Безлюдной овес не выписывался, и, следовательно, она не имела возможности дать Кривоносову взаймы часть овса.

Верховный суд РСФСР при рассмотрении этого дела по протесту Генерального Прокурора СССР не только не учел приведенных показаний комбайнера Сафоновского и заявления заведующего подсобным хозяйством Белоусова, но, более того, в своем определении указал, что свидетели Лазаренко, Зиновьева, Корнева и другие в судебном заседании подтвердили, что они видели, как Кривонос брал овес из бункера, и знали, что на получение овса он имел соответствующее разрешение. Это утверждение противоречит материалам судебного следствия. Из протокола судебного заседания видно, что Лазаренко и Зиновьева на суде показали только, что они видели Кривоносова возле комбайна, свидетель же Корнева заявила, что она даже не видела, когда и при каких обстоятельствах Кривонос брал овес. Кроме того, по делу установлено, что 23 августа 1951 г., то есть

в день, когда суд, в первый раз рассмотрев дело вынес оправдательный приговор, Кривоносов пригласил к себе в гости свидетелей по его делу, угощал их, а затем убедил их подписать реабилитирующее его коллективное заявление, от которого все лица, его подписавшие, при вторичном рассмотрении дела судом отказались. Это обстоятельство обязывало суд более критически подойти к оценке показаний свидетелей, подтвердивших версию Кривоносова.

Учитывая, что в показаниях свидетелей, на основании которых суд вынес Кривоносову оправдательный приговор, имеются существенные противоречия, которые ни органами предварительного расследования, ни судом не были устранены, Генеральный Прокурор СССР в протесте просил отменить оправдательный приговор и все последующие оставившие его в силе определения и дело обратиться к новому рассмотрению со стадии предварительного расследования.

7 мая 1952 г. протест Генерального Прокурора СССР по делу Кривоносова Н. Г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР удовлетворен (определение № 02/1070/У—1952 г.).

Приговор суда не может быть основан на предположениях суда

По приговору народного суда 6-го участка Пролетарского района г. Москвы от 21 апреля 1950 г. осужден Колчин А. С. по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере без поражения в правах, с конфискацией имущества, с запрещением занятия должностей в торговых организациях в течение пяти лет после отбытия наказания. Суд, кроме того, постановил о взыскании с Колчина и других осужденных по данному делу 22 773 руб. солидарно в пользу Щербаковского районного пищевого отдела. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 5 мая 1950 г. приговор народного суда в отношении Колчина оставлен в силе.

Колчин признан виновным в том, что, работая заведующим бакалейно-гастрономической секцией магазина № 1 орс одного завода с июня по ноябрь 1949 года, систематически присваивал вверенные ему материальные ценности, в результате чего при передаче секции другим материально-ответственным лицам была выявлена недостача на сумму 22 773 руб.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор по следующим основаниям:

Суд в обоснование приговора сослался на два обстоятельства: а) на то, что по накладной № 3165 Колчин получил с базы три банки зернистой икры стоимостью 33 руб. 90 коп., одну банку чая весом 75 г и стоимостью 31 руб. 50 коп. и 0,5 литр водки и эти товары присвоил, ибо такое

незначительное количество товаров не могло быть, по мнению судьи, получено для магазина; б) на получение Колчиным 400 руб. у лоточника Федорова, которому он за эти деньги отпустил лишних 13 поллитровых бутылок водки, т. е. вместо 27 бутылок он якобы отпустил ему 40 бутылок.

Эти ссылки суда являются неубедительными, основанными на предположениях. Показаниями свидетеля Лев установлено, что по накладной № 3165 Колчин действительно получил для магазина указанное в ней незначительное количество товаров. Поступление чая в банках подтвердил продавец магазина, где работал Колчин, Маргулина. Игнорируя показания этих свидетелей, суд в обоснование приговора сослался на показания других подсудимых по делу, Денисова и Щербакова, которые, как установлено следствием, находились в неприязненных отношениях с Колчиным, а потому их показания являются необъективными. Показания свидетеля Федорова об отпуске ему Колчиным 13 лишних бутылок водки за 400 руб. в присутствии Денисова и Щербакова последние не подтвердили, и документально также не установлено, что Федоров получал водку в магазине. Между тем в судебном заседании было установлено, что Колчин, как и осужденные Денисов и Щербаков, халатно относился к выполнению возложенных на него служебных обязанностей, в результате чего имели место хищения товаров работниками других отделов магазина, о чем свидетельствуют показания свидетеля Медведевой. Кроме того, директор магазина, не являясь материально-ответственным лицом, неоднократно подписывал аннулированные чеки по секции, что не было устранено Колчиным. При этих условиях Колчин должен нести ответственность по ст. 111 УК РСФСР.

Верховный суд РСФСР, согласившись с протестом, изменил приговор, действия Колчина переквалифицировал на ст. 111 УК и определил Колчину наказание в один год и 11 месяцев лишения свободы без поражения в правах, с исключением из приговора суда конфискации имущества и запрещения работать в торговых организациях в течение пяти лет. В остальном приговор суда оставлен без изменения (определение № 5—Д2—ПР—312).

Имущественный ущерб, причиненный государственной или общественной организации преступными действиями или бездействием осужденных, должен быть возмещен по приговору суда

По приговору народного суда 1 участка Белебеевского района Башкирской АССР от 25 апреля 1950 г. по ст. 111 УК РСФСР осуждена Каримова С. Я. на один год исправительно-трудовых работ на общих основаниях со взысканием в пользу Белебеевского военторга 2864 руб. 94 коп. Определением Верховного суда Башкирской АССР от 8 мая 1950 г. приговор изменен, мера

на
мес
Вз
пр
] ва.
ск

он
Бе
пе
Бе
пр
12
зу
я
пр
ст
ха
пр
те
2:
к
ц
н
э
о
А

в
ж
р
е

е
г
с
д

наказания Каримовой снижена до шести месяцев исправительно-трудовых работ. Взыскание ущерба в сумме 2864 руб. из приговора исключено.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал определение Верховного суда Башкирской АССР.

Каримова признана виновной в том, что она, работая заведующей магазином № 3 Белебеевского военторга, 21 ноября 1949 г., передавая товары в магазин № 1 продавцу Бейбулатову, не включила в накладную отправленные 22 метра черного трико по цене 120 руб. за метр, всего на 2640 руб., в результате чего образовалась недостача, выявленная ревизией в январе 1950 года. Каримова, не отрицая указанного обстоятельства, признала, что это произошло ввиду халатного отношения с ее стороны к исполнению служебных обязанностей. Между тем Бейбулатов не признал получения 22 метров трико. Никаких доказательств, кроме объяснений заинтересованного лица — Каримовой, в деле нет, следовательно, нет и оснований для взыскания с него этой суммы, как этого требует в своем определении Верховный суд Башкирской АССР.

Поскольку Каримова признана виновной в халатном отношении к исполнению служебных обязанностей, в результате которого государственной организации причинен ущерб, она и должна нести материальную ответственность.

По этим основаниям Генеральный Прокурор просил Верховный суд СССР отменить определение Верховного суда Башкирской АССР в части гражданского иска и дело направить на рассмотрение в этой части в кассационном порядке.

Верховный суд СССР протест удовлетворил (определение № 02/1333/У—1952 г.).

Присуждая с осужденных сумму причиненного ущерба, суд обязан точно установить, в пользу какой организации эта сумма должна быть взыскана

По приговору Московского областного суда от 26 сентября 1950 г. в числе других осуждены по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на пятнадцать лет заключения в исправительно-трудовых лагерях, без поражения в правах, с конфискацией имущества Силяков П. Е., Летников Ф. Н., Зайцев Г. С. и др.

Кроме того, суд постановил о взыскании с осужденных 26 645 руб. 23 коп. за солидарной ответственностью в пользу учетно-производственного предприятия общества слепых. Определением Верховного суда РСФСР от 18 ноября 1950 г. приговор Московского областного суда оставлен в силе без изменения.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор в части присуждения гражданского иска по следующим основаниям.

Силяков, Қаныгин, Зайцев, Романова и Летников признаны виновными в том, что они по договоренности между собой путем составления фиктивных документов от имени руководителей завода «Запчасть» и учетно-производственного предприятия общества слепых расхищали товарно-материальные ценности этих предприятий. Из материалов дела, в частности из заключения судебно-бухгалтерской экспертизы, усматривается, что своими преступными действиями указанные лица причинили ущерб заводу «Запчасть» в сумме 39 730 руб. Несмотря на это, суд присудил эту сумму вместе с изъятыми товарами в пользу учебно-производственного предприятия, хотя на судебном заседании представитель этого предприятия не присутствовал и иска не поддержал. Суд не уточнил, в пользу какого же предприятия надлежало удовлетворить гражданский иск, и в приговоре ничем не мотивировал взыскание этой суммы в пользу учетно-производственного предприятия. При наличии таких данных приговор суда в части гражданского иска не может быть оставлен в силе.

Верховный суд СССР удовлетворил протест, отменил приговор в части гражданского иска и направил дело в этой части на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства в тот же областной суд (определение № 02/1513/У—1952 г.).

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Позаимствование государственных средств должно квалифицироваться как хищение

По приговору линейного суда Горьковской ж. д. от 8 декабря 1951 г., оставленному в силе определением окружного суда Центрального округа от 4 января 1952 г., Кулаков А. А. был осужден по ст. 109 УК РСФСР к одному году лишения свободы в общих местах заключения. Кулаков был признан виновным в том, что, являясь экспедитором орска ст. Шахунья Горьковской ж. д., сопровождая товары в арендованном вагоне при доставке их с баз промышленности на базу орска, часть товаров обращал в личную пользу, часть продавал. За период с марта 1950 года по февраль 1951 года Кулаков не сдал на базу материальных ценностей на 2826 руб., за которые после ревизии внес наличными деньгами. Кулаков был предан суду по ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Признав Кулакова виновным в не сдаче материальных ценностей на 2826 руб., линейный суд мотивировал переквалификацию преступления Кулакова с указа от 4 июня 1947 г. на ст. 109 УК РСФСР тем, что он имел в виду впоследствии стоимость недостачных товаров внести в кассу орска, ибо о каждом случае недостачи товаров было известно бухгалтерам орска.

Генеральный Прокурор СССР, считая приговор линейного суда и определение окружного суда неправильными, внес протест в Железнодорожную коллегия Верховного суда, в котором указывал, что вывод суда о том, что Кулаков имел намерение впоследствии уплатить за те ценности, которые не сдал на базу орс, не вытекают из материалов дела и это не могло служить основанием для квалификации его действий по ст. 109 УК РСФСР, так как материалами дела доказано, что Кулаков систематически присваивал товары, получаемые для орс.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, отменила приговор линейного суда и определение окружного суда по делу Кулакова и в своем определении от 2 апреля 1952 г. (№ 05/142—52 г.) указала:

Ознакомившись с материалами дела, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР находит, что протест Генерального Прокурора СССР является обоснованным и подлежит удовлетворению. Из материалов дела видно, что Кулаков был привлечен к уголовной ответственности и предан суду по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», причем и линейный суд признал Кулакова виновным в том, что он не сдал разных товаров и обратил их в личную пользу на 2826 руб. 81 коп. Признав Кулакова виновным, линейный суд мотивировал переквалификацию его действий со ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. на ст. 109 УК РСФСР тем, что Кулаков, оставляя себе часть товарно-материальных ценностей и продавая некоторые из них своим знакомым, не имел умысла их присваивать, а имел в виду впоследствии стоимость их внести в кассу орс, причем о каждом случае недостачи продуктов было известно работникам бухгалтерии орс, которые каждую недостачу зачисляли на счет Кулакова. Квалифицируя действия Кулакова по ст. 109 УК РСФСР, линейный суд сослался в приговоре на то, что вина Кулакова доказана материалами дела, показаниями свидетелей и личным признанием Кулакова, а какими материалами и показаниями каких свидетелей, — в приговоре не указано, тогда как имеющиеся в деле показания свидетелей, да и показания самого Кулакова, наоборот, находятся в резком противоречии с выводами суда об отсутствии в действиях Кулакова признаков хищения государственного имущества. Так свидетель Никифоров, заместитель начальника орс, показал, что руководству орс не было известно, что Кулаков обращает часть товаров, получаемых с баз промышленности г. Горького, в личную пользу, а когда узнали, что у него имеют место недостачи, то неоднократно предупреждали о недопустимости этого, но недостачи у Кулакова продолжали иметь место, вследствие чего вынуждены были

его уволить, а свидетель Замыслова, ст. бухгалтер конторы орс, показала, что о недостачах у Кулакова бухгалтерия узнавала не сразу, а не раньше как через месяц, после несдачи им товара на базу орс, и когда требовали от Кулакова отчета, то он о причинах недостачи ничего не говорил, а обещал только отчитаться, но обещаний не выполнил, вследствие чего за ним образовалась задолженность в сумме 2826 руб. 81 коп. Сам Кулаков показал, что он часто обращал в личную пользу разные товары, причем делал это самовольно и не вносил стоимость присвоенного в кассу орс. Некоторые из товаров, как показал Кулаков, он продавал своим знакомым, а деньги, получаемые с них, также не сдавал в кассу орс. При наличии таких показаний свидетелей и самого Кулакова линейный суд ничем по существу не мотивировал своих выводов об отсутствии в действиях Кулакова признаков хищения государственного имущества, а показаниям указанных свидетелей и Кулакова никакой оценки не дал, чем допустил нарушение руководящего постановления Пленума Верховного суда СССР № 13/9/У от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре».

Железнодорожная коллегия определила: отменить приговор линейного суда Горьковской ж. д. от 8 декабря 1951 г. и определение окружного суда железнодородного транспорта Центрального округа от 4 января 1952 г. в отношении Кулакова А. А. и направить дело о нем на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе, со стадии судебного разбирательства.

Кассационная инстанция не вправе отменять вступившее в законную силу определение суда

12 февраля 1952 г. линейный суд Ташкентской ж. д. возвратил из судебного заседания на доследование дело по обвинению Колесниченко по ст. 143, ч. 1, УК Узбекской ССР. Это определение суда было опротестовано прокурором, причем в связи с тем, что дело из-за негодности протокола судебного заседания своевременно не было дано на ознакомление прокурору, линейный суд 26 февраля 1952 г. восстановил срок для принесения протеста и направил дело вместе с протестом в окружной суд Средне-Азиатского округа железных дорог для рассмотрения. Окружной суд уклонился от рассмотрения протеста на определение суда о направлении дела на доследование и 4 марта 1951 г. отменил вступившее в законную силу определение суда от 26 февраля 1952 г. о восстановлении срока для принесения протеста.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал определение окружного суда по тем мотивам, что окружной суд не имел права отменять определение линейного суда, признавшего причину пропуска срока для принесения протеста уважительной, так как это определение в установленный срок не

опротестовывалось и вступило в законную силу.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР удовлетворила протест Генерального Прокурора СССР и в своем определении от 2 апреля (№ 05/141—52 г.) указала:

«Окружной суд Средне-Азиатского округа 4 марта 1952 г., рассмотрев дело Колесниченко по частному протесту прокурора Андижанского участка, в котором он просил об отмене определения линейного суда Ташкентской ж. д. от 12 февраля 1952 г., которым дело Колесниченко направлено на следствие, вынес определение об отмене определения линейного суда Ташкентской ж. д. от 26 февраля 1952 г., а частный протест прокурора оставил без рассмотрения. Генеральный Прокурор СССР вынес протест, в котором просит определение окружного суда Средне-Азиатского округа по делу Колесниченко отменить и дело направить на новое кассационное рассмотрение. Протест Генерального Прокурора СССР подлежит удовлетворению. Окружной суд Средне-Азиатского округа, рассматривая дело Колесниченко по протесту прокурора на определение линейного суда Ташкентской ж. д. от 12 февраля 1952 г., не вправе был отменить определение линейного суда от 26 февраля 1952 г., в отношении которого протеста не приносилось.

Поэтому Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила: отменить определение окружного суда Средне-Азиатского округа по делу Колесниченко Н. Ф. от 4 марта 1952 г. и направить дело о нем на рассмотрение по частному протесту прокурора Андижанского участка в окружной суд железнодорожного транспорта Приволжского округа.

Необоснованное прекращение дела вследствие произвольного и неправильного толкования судом установленных на железнодорожном транспорте требований по безопасности движения поездов

По приговору линейного суда Московско-Курской ж. д. от 14 декабря 1951 г. был осужден по ст. 59—3 «в», ч. 1, УК РСФСР к одному году исправительно-трудовых работ по месту работы Санарин. Санарин признан виновным в том, что он 24 октября 1951 г., будучи дежурным по станции Орехово Московско-Курской ж. д., перед приемом поезда № 754 не потребовал от стрелочников Яковлевой и Ельчаниновой проверки свободности пути, вследствие чего поезд был принят на занятый путь. Окружной суд Центрального округа железных дорог 11 января 1952 г. отменил приговор суда и прекратил дело в отношении Санарина по мотивам, что нарушение было допущено лишь стрелочниками Яковлевой и Ельчаниновой, которые доложили, что путь свободен и что это «исключает какую-либо ответственность Санарина».

Генеральный Прокурор СССР опротестовал определение окружного суда, так как такой вывод окружного суда основан на совершенно неправильном, произвольном толковании требований по безопасности движения поездов, установленных на железнодорожном транспорте. Материалами дела было установлено, что Санарин до приема поезда № 754 лично принял поезд на тринадцатый путь, этот поезд со станции не отправлял и обязан был знать о занятости этого пути. Приказание о приготовлении маршрута для приема поезда № 754 Санарин дал, когда поезд стоял уже у семафора, с отступлением от правил приема поездов на станцию. Действия Санарина способствовали нарушениям, допущенным стрелочниками, и привели к приему поезда на занятый путь.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР удовлетворила протест Генерального Прокурора СССР и в своем определении № 05/124—52 г. от 5 марта 1952 г. указала: «Протест Генерального Прокурора СССР подлежит удовлетворению. Из материалов дела видно, что Санарин, принимая поезд № 754 на тринадцатый путь, допустил нарушение регламента приготовления маршрута. Перед приемом поезда Санарин обязан был вначале дать указание стрелочникам проверить свободность пути, в чем они убеждаются путем прохода пути до встречи друг с другом, и лишь после доклада стрелочников о результате проверки пути Санарин должен был заказать маршрут для приема поезда. Санарин же, как видно из его личных объяснений, задания о проверке свободности тринадцатого пути не давал, а заказывая маршрут для приема поезда на этот путь, задал вопрос стрелочникам Ельчаниновой и Яковлевой о свободности пути. Яковлева на суде показала, что Санарин, давая задание о приготовлении маршрута для приема поезда № 754, одновременно приказал ей немедленно явиться к нему за получением бляхи—билета для ввода поезда на станцию, так как поезд уже стоял у семафора; поэтому, хотя она и ответила на вопрос Санарина, что путь свободен, но Санарин не мог не знать, что путь она не проверяла за отсутствием времени. Санарин на суде показал, что, давая стрелочникам задание о приготовлении маршрута для приема на тринадцатый путь, он не был убежден в свободности этого пути. Окружной суд Центрального округа не дал оценки этим материалам дела и не указал в своем определении, почему он при наличии указанных действий Санарина исключает его ответственность за прием поезда на занятый путь.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР отменила определение окружного суда Центрального округа от 11 января 1952 г. по делу Санарина и направила дело о нем на новое кассационное рассмотрение в окружной суд Северо-Западного округа.

Окружной суд Северо-Западного округа при рассмотрении кассационной жалобы Санарина оставил приговор линейного суда в силе, а жалобу Санарина без удовлетворения.

Необоснованное возвращение дела на исследование

По приговору линейного суда Московско-Донбасской ж. д. от 28 февраля 1952 г. по указу от 14 июля 1951 г. и по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по совокупности Ковалева была осуждена к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет. Ковалева была признана виновной в том, что она, работая в качестве рабочей второго строительного участка дорстроя Московско-Донбасской ж. д., систематически совершала прогулы без уважительных причин и, кроме того, дважды продала полученные ею во временное пользование два комплекта постельных принадлежностей стоимостью 589 руб., а вырученные от продажи деньги обратила в личное пользование. Окружной суд Центрального округа железных дорог 18 марта 1952 г. отменил приговор линейного суда и направил дело на исследование, предложив установить, почему руководство учдорстроя, зная о систематических прогулах Ковалевой, до 18 января 1952 г. не принимало к ней никаких мер за нарушение трудовой дисциплины, и проверить объяснения Ковалевой о невыдаче ей спецодежды, вследствие чего она якобы вынуждена была прогуливать и продавать выданную ей в пользование постельную принадлежность.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал определение окружного суда по тем мотивам, что в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 г. решение вопроса о применении к нарушителям трудовой дисциплины соответствующих мер воздействия предоставлено на усмотрение директора предприятия или начальника учреждения, а заявления Ковалевой о невыдаче ей спецодежды достаточно исследованы предварительным следствием и судом.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР удовлетворила протест Генерального Прокурора СССР и в своем определении от 7 мая 1952 г. № 05/1208—52 г. указала: Ознакомившись с материалами дела, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР находит, что доводы, изложенные в протесте прокурора, основательны и протест подлежит удовлетворению. Решение вопроса о применении к нарушителю трудовой дисциплины соответствующих мер воздействия предоставлено на усмотрение директора предприятия или начальника учреждения. Поэтому и не вызывается необходимость по данному делу проверять причины, по которым руковод-

ство учдорстроя до 18 января 1952 г. не принимало решения о предании суду Ковалевой за систематический невыход на работу. По вопросу об обеспечении Ковалевой спецодеждой допрошенный на суде в качестве свидетеля производитель работ строительного участка Дурнев показал, что по характеру и роду работы Ковалевой из спецодежды ей полагались только рукавицы, которые ей были выданы, однако, в связи с тем, что свои прогулы Ковалева объясняла отсутствием спецодежды, ей увеличили выдачу аванса, и она купила себе фуфайку; кроме того, ей выдали резиновые сапоги, но Ковалева и после этого продолжала совершать прогулы. Получение резиновых сапог подтвердила сама Ковалева. Таким образом, из материалов дела видно, что Ковалева была обеспечена одеждой и обувью, и в связи с этим ее объяснения не нуждаются в проверке. В своих объяснениях на суде Ковалева признала, что выданные ей во временное пользование постельные принадлежности она дважды продавала: первый раз — в декабре 1951 года, и второй — в январе 1952 года, а деньги израсходовала на питание, однако это обстоятельство не может освободить ее от ответственности за хищение государственного имущества, тем более, что при условии честного отношения к труду она имела возможность заработать и необходимые средства. Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР отменила определение окружного суда железнодорожного транспорта Центрального округа от 18 марта 1952 г. по делу Ковалевой Н. Ф. и передала его на новое кассационное рассмотрение в окружной суд железнодорожного транспорта Северо-Западного округа.

Проматание спецодежды влечет за собой ответственность не в уголовном, а в гражданском порядке

По приговору линейного суда Свердловской ж. д. от 16 марта 1952 г., оставленному в силе определением окружного суда Урало-Сибирского округа железных дорог от 29 марта 1952 г., Лушников Г. Я. был осужден по совокупности по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», по ст. 72, ч. 1, УК РСФСР и по указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1947 г. к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на семь лет. Лушников признан виновным в том, что он, работая плотником строительства в г. Свердловске, 15 августа 1951 г. самовольно оставил работу, а с целью сокрытия этого в своем паспорте уничтожил оттиск штампа о приеме его на работу. В начале октября 1951 года Лушников поступил на работу в путевую машинную станцию № 43 на ст. Смычка Свердловской ж. д., где получил во временное пользование бывшую в

ук
ны
а
ост
и
]
вал
ни
в
зи
19
бы
ва
же
ло

су
ра
де
ук
пр
вь
пс
ст
а
чр
пс

употреблении спецодежду: фуфайку, ватные брюки и валенки стоимостью 293 руб., а в начале декабря 1951 года самовольно оставил работу и выехал в г. Молотов, где и был задержан.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор линейного суда и определение окружного суда по делу Лушников в части осуждения его по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. по тем мотивам, что спецодежда была выдана Лушникову в личное пользование, а потому в случае утраты он должен за нее нести ответственность не в уголовном, а в гражданском порядке.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР согласилась с протестом Генерального Прокурора СССР и в своем определении от 30 апреля 1952 г. № 05/1401—52 г. указала: «Генеральный Прокурор СССР в протесте указывает, что спецодежда была выдана Лушникову в личное пользование, поэтому в случае ее утраты он должен нести за нее ответственность не в уголовном, а в гражданском порядке, и просит исключить из приговора обвинение Лушникова по ст. 1 указа от 4 июля 1947 г. «Об уго-

ловной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Доводы, изложенные в протесте Генерального Прокурора СССР, основательны. Поэтому и соглашаясь с таковыми, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила: Изменить приговор линейного суда Свердловской ж. д. от 16 марта 1952 г. и определение окружного суда железнодорожного транспорта Урало-Сибирского округа от 28 марта 1952 г. в отношении Лушникова Г. Я.; отменить приговор по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и в этой части дело прекратить за отсутствием в действиях Лушникова состава преступления, в силу ст. 49 УК по совокупности преступлений считать Лушникова осужденным по ст. 72, ч. 1, УК РСФСР к двум годам лишения свободы в общих местах заключения; взыскание с Лушникова в пользу путевой машинной станции № 43 293 руб. 39 коп. из приговора исключить, предоставив право заинтересованным юридическим лицам предъявления иска в порядке гражданского судопроизводства.

Поправки

В № 6 журнала, на стр. 32, строку 22 следует читать: «...когда он уже был предметом пересмотра в порядке надзора, может быть пересмотрен...» и далее по тексту.

В этом же номере, на стр. 89, в правой колонке, строку 28 следует читать: «...издания указа от 8 июля 1944 г.» и далее по тексту.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. Мишутин. Неустанно повышать юридическое образование и подготовку прокурорско-следственных кадров	1
С. Максимов, Н. Чистяков. За дальнейшее развитие науки советского уголовного процесса	7
С. Митричев. Реакционная сущность буржуазной криминалистики	17
А. Халецкий. Трактовка понятия невменяемости	29
Габлин. Усилить борьбу с хулиганством	36
В. Серебровский. Правовая природа сроков, установленных ст. ст. 430 и 433 ГК РСФСР	39
В. Чепегин. Вопросы исполнения судебных решений и определений	45
В. Любкин. Недостатки в постановке преподавания основ бухгалтерского учета в юридических вузах	49
В ЮРИДИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ	
А. З. Диспут на тему „Вновь открывшиеся обстоятельства в советском уголовном и гражданском процессе“	52
ОБМЕН ОПЫТОМ	
Д. Машин. Из опыта работы государственного обвинителя	57
Е. Афанасьева. Недостатки судебной практики по делам, связанным с отчуждением домовладений	61
В ПРОКУРАТУРЕ СССР	
Пятая учебно-методическая конференция лучших следователей органов прокуратуры	67
Говорят участники конференции	72
СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА	
П. Никулин. Умелое использование научных методов расследования	77
НАМ ПИШУТ	
Рупасова. Повысить политический уровень рассмотрения дел в судебных органах	79
Л. Соловьева. Устранить недостатки в расследовании преступлений несовершеннолетних и рассмотрении судебных дел о них	81
ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ	
В МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ СССР	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
П. Артеменко. Запоздалая критика	86
ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ	
87	

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

С. И. Зайцев (и. о. редактора), С. В. Бакшеев,
С. А. Бордонов, А. Ф. Волчков, Д. С. Карев,
С. П. Митричев, В. С. Тадевосян.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а. Тел. К 6-93-06
Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Товарищеский пер., 19, Тел. Ж 2-46-67.

Технический редактор *Е. Н. Косарева*

А00200 Сдано в производство 18/VI 1952 г. Подписано к печати 9/VIII 1952 г. Уч.-изд. л. 10,3,
Тираж 34 800 экз. Бумага 70×108¹/₁₆, 3 бумажных, 8,22 печатных листов. Заказ 1226 Цена 3 руб.

13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Гарднеровский пер., 1а.